

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера)

PRIMUS INTER PARES

(К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В.В. РАДЛОВА)

Санкт-Петербург
2015

УДК 39
ББК 63.5
Р15

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Составители и ответственные редакторы:

П.А. Матвеева, Е.А. Резван

Рецензенты: *Н.П. Копанева, Н.Н. Дьяков*

Primus inter pares (к 175-летию со дня рождения В.В. Радлова). — СПб.: МАЭ РАН, 2015. — 200 с.

ISBN 978-5-88431-291-3

Сборник статей посвящен 175-летию со дня рождения Фридриха Вильгельма (в России — Василия Васильевича) Радлова — выдающегося российского востоковеда, одного из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков, этнографа, археолога, организатора науки и музейного дела, академика Петербургской Академии наук. Издание основано на результатах *блог-конференции «Radloff-2012»*, организованной МАЭ РАН при участии Российского комитета тюркологов.

В оформлении обложки использована фотография научных сотрудников МАЭ. Слева направо сидят: М. Филаретова, Е.М. Кубиш, С.А. Ратнер-Штернберг, Е. Романова, Л.Я. Штернберг, В.В. Радлов, Э.К. Пекарский, Е.Л. Петри, К.К. Гильзен, В.И. Йохельсон. Стоят: С.М. Дудин, А. Иванов, А. Пиотровский, Б.Э. Петри, В.М. Лемешевский. Из личного архива Ю.М. Шмидта

ISBN 978-5-88431-291-3

© МАЭ РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е.А. Резван.</i> Первый среди равных	5
<i>Е.А. Артюх.</i> В.В. Радлов — исследователь тюркских народов Северной и Центральной Азии: начало творческого пути.....	8
<i>Е.А. Артюх.</i> Теоретико-методологическая основа этногенетических исследований В.В. Радлова.....	23
<i>Р.М. Валеев.</i> Из истории российской тюркологии: письма Н.Ф. Катанова В.В. Радлову (конец XIX — начало XX в.).....	45
<i>И.И. Дрёмов.</i> Происхождение и распространение этнонима «калмак»	62
<i>Ф.Г. Калимуллина.</i> Вклад востоковеда В.В. Вельяминова-Зернова в издание трудов В.В. Радлова.....	82
<i>Е.Н. Каменская.</i> О портрете И.Р. Радловой работы А.Е. Яковлева.....	91
<i>М.М. Керимова.</i> Российское этнографическое музееведение и семья этнографов Харузиных	100
<i>С.А. Корсун.</i> Роль академика В.В. Радлова в формировании американского собрания МАЭ.....	124
<i>Е.В. Ревуненкова.</i> В.В. Радлов и коллекция предметов культуры и быта батаков (Суматра).....	152

<i>Е.С. Соболева. В.В. Радлов и система транспортировки в МАЭ (конец XIX — начало XX в.)</i>	155
<i>М.Г. Талалай. Lilian von Radloff</i>	185
<i>Т.И. Шаскольская. В.В. Радлов — организатор библиотеки МАЭ</i>	188
<i>С.Л. Шевельчинская, П.А. Матвеева. Академик Радлов: известные и забытые фотографии</i>	194

Ефим Резван

ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ

5 (17) января 2012 г. исполнилось 175 лет со дня рождения Фридриха Вильгельма (в России — Василия Васильевича) Радлова — выдающегося российского востоковеда, одного из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков, этнографа, археолога, организатора науки и музейного дела, академика Петербургской Академии наук. Неоспорима его роль в создании петербургского Музея антропологии и этнографии, в истории Азиатского музея, ряда других научных учреждений России. Без его имени невозможно представить историю изучения Алтая, Сибири и Центральной Азии. Наследие Радлова многообразно: это книги и статьи, экспедиции, музейные коллекции, международные научные школы — учениками его учеников считают себя множество ученых и в России, и за ее пределами. Встреча с Радловым самым радикальным образом повлияла на судьбы множества людей, каждый из которых внес значительный вклад в сокровищницу российской науки и культуры.

В год юбилея выдающегося ученого Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН при участии Российского комитета тюркологов реализовал большой интернет-проект, призванный объединить всех тех, кто так или иначе связан с изучением наследия В.В. Радлова. Речь идет

о блог-конференции «Radloff-2012», для которой в ЖЖ был создан аккаунт <http://radloff.livejournal.com/>, и в адрес Василия Васильевича (radloff@kunstkamera.ru) коллеги могли выслать свой текст, который выкладывался для обсуждения.

Проект официально стартовал в конце февраля 2012 г., когда в рамках традиционных Радловских чтений в МАЭ РАН прошло Торжественное заседание, посвященное памяти В.В. Радлова, на котором были представлена серия докладов, характеризующих различные аспекты многообразной деятельности ученого. Так, директор МАЭ РАН Ю.К. Чистов представил доклад «В.В. Радлов и “Золотой век” Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Императорской Санкт-Петербургской Академии наук». Чл.-корр. РАН А.В. Дыбо в докладе «В.В. Радлов и тюркская историческая лексикология» рассказала о вкладе ученого в сравнительно-историческое изучение тюркских языков. Проф. Д.Г. Савинов в докладе «В.В. Радлов: у истоков сибирской археологии» представил Радлова-археолога, Проф. С.Г. Кляшторный подробно рассказал об Орхонской экспедиции В.В. Радлова и ее значении, а потомок В.В. Радлова проф. В.П. Барабанов (Казань) представил семейные предания, связанные с жизнью замечательного ученого.

Результаты проекта уже легли в основу двух монографий, принадлежащих перу П.А. Матвеевой [Матвеева 2014]¹ и Габриэль Циетен (Германия) [Ziethen 2014]². Вместе с тем целый ряд безусловно интересных докладов в настоящее время сохраняется только на страницах «Живого журнала»³, ресурса, к сожалению, в определенной степени недолговечного. В этой связи и было принято решение опубликовать настоящий сборник статей, представляющий разные «изводы» наследия В.В. Радло-

¹ Книга доступна онлайн в электронной библиотеке МАЭ, см.: http://kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-253-1/.

² Книга доступна онлайн в электронной библиотеке МАЭ, см.: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-258-6/.

³ См.: <http://radloff.livejournal.com/>.

ва, но, в первую очередь, его роль организатора науки, человека, благодаря которому на рубеже XIX—XX вв. в знаменитом здании на берегу Невы возник выдающийся научный коллектив, в котором Радлов был первым среди равных.

Библиография

Матвеева П.А. «Все человечество едино»: В.В. Радлов и МАЭ. СПб., 2014.

Ziethen G. *Scientia Vincet*. Biographic studies on German-Russian academic exchange and history of Kunstkamera: Essays on occasion of Peter the Great Kunstkamera tercentenary. Saint-Petersburg, 2014 (Manuscripta Orientalia Electronic book series; Vol. 4).

Е.А. Артюх

**В.В. РАДЛОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ**

В 1859 г. в Барнаул прибыл доктор философии Василий Васильевич Радлов (Friedrich Wilhelm Radloff) — будущий ординарный академик, крупнейший языковед-тюрколог, замечательный этнограф и археолог, труды которого оказали огромное влияние на развитие мирового востоковедения. В этом городе началась его научная и педагогическая деятельность. Одна из улиц современного Барнаула носит имя исследователя с 1963 г.

По высочайшему повелению Кабинета его величества, с разрешения Министра Императорского двора В.В. Радлов был определен в Барнаульское окружное училище 14 мая 1859 г. учителем немецкого языка. При этом ему было назначено жалование в 1000 руб. серебром в год [Штернберг 1909: VIII; ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 1. Д. 2. Л. 12–12 об.]. Василий Васильевич прожил в Барнауле до 1871 г. Это время, определившее весь дальнейший творческий путь ученого, принято называть алтайским периодом его жизни.

При переезде из Санкт-Петербурга в Барнаул он получил «на подъем 500 рублей серебром, т.е. половину оклада <...> и на прогоны 251 руб. 72 коп. серебром» [ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 1. Д. 2. Л. 10–10 об., 12 об.]. Вскоре из

Берлина в Барнаул прибыла невеста В.В. Радлова, с которой он обручился еще перед отъездом в Россию, — молоденькая народная учительница Паулина Августовна Фромм. Она стала деятельной помощницей и верным другом его до конца своей жизни (скончалась в 1899 г.). За двенадцать лет жизни на Алтае в этой немецкой семье родилось пятеро детей — Юлия (28.11.1860), Владимир (01.08.1862), Алексей (23.10.1863), Анна (17.05.1867), Александр (02.12.1871). В семье поддерживались традиции лютеранской религии [СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 2].

Одновременно с преподавательской деятельностью молодой доктор философии занялся исследованием Алтая. Его научная деятельность протекала в благоприятных условиях при содействии барона Петра Казимировича Мейендорфа, который в декабре 1860 г. обратился с просьбой в Кабинет о разрешении В.В. Радлову «совершать поездки с ученой целью в свободное от служебных занятий время» [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 187 об. — 188]. Кабинет откликнулся положительно и поручил ученому проводить «исследование Алтайского округа в естественно-историческом и этнографическом отношении». На научные экспедиции В.В. Радлова выделялись ежегодные правительственные пособия до 700 руб. серебром. Денежные субсидии должны были вноситься в алтайские заводские сметы в течение пяти лет [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 2 об. — 3]. Потом этот срок был продлен еще на пять лет [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 3, 134–136, 182]. С 1862 г. Радлову оказывала поддержку и Императорская археологическая комиссия (ИАК) в лице ее председателя — графа Сергея Григорьевича Строганова [АИИМК. Ф. 1. 1863 г. Д. 8. Л. 22 — 23 об.].

Не менее важной для ученого была помощь местного руководства, а именно начальника Алтайского горного округа Александра Ермолаевича Фрезе, который в течение 1864–1871 гг. оказывал ему постоянное содействие при разъездах по краю, всячески ограждал его от возможных конфликтов с представи-

телями местной администрации и общества. Известны следующие предписания А.Е. Фрезе: «Горным конторам, управляющему рудными промыслами и приставам отдельных рудников, чтобы они в случае находки древних вещей присылали их г. Радлову с описанием местности, где они будут найдены, для снятия рисунков» [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 146 — 148 об., 150 об. — 151]. В это время, в 1866 г., ученый собирал древние вещи по поручению ИАК для сборника «Сибирские древности».

Многочисленные экспедиции исследователя требовали времени на их осуществление. Местное горное начальство создавало все условия для научной деятельности В.В. Радлова. В Барнаульском окружном училище ему разрешалось проводить свои занятия так, чтобы начинать их позже установленного срока (в сентябре вместо августа) и раньше заканчивать (в апреле вместо мая). Тем самым освобождалось время для летних экспедиций ученого.

Радлову разрешали брать в путешествия помощников из учеников старших классов Окружного училища. Известно, что они сопровождали его ежегодно, с 1861 по 1863 гг. [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 53 об. — 55 об., 61–62, 68 — 68 об., 127]. Так, летом в 1861 г. и 1862 г. вместе с В.В. Радловым был командирован воспитанник 1-го класса училища практического горного отделения Ипполит Попредухин [Там же. Л. 25]. А в 1863 г. и 1865 г. — Павел Ивачев, «молодой человек с большим талантом» [Там же. Л. 124, 128 об. — 129; АИИМК. Ф. 1. 1863 г. Д. 8. Л. 22].

Оказание значительной помощи и поддержки со стороны очень влиятельных лиц молодому ученому может казаться невероятным. Некоторые исследователи объясняли это тем, что В.В. Радлов заключил особое соглашение с русским правительством, стал его агентом. Достоверных доказательств этому утверждению нет. Однако известно, что в России была распространена практика вербования правительством негласных агентов. На протяжении XIX в. сложилась разновидность

военно-научной деятельности — военное востоковедение [Рыженков 1991: 4–7, 13; Данциг 1968: 149–151]. Во второй половине XIX в. главное направление русской внешней политики переместилось на Средний Восток. В этих условиях одним из центров военного востоковедения стал Отдельный Сибирский корпус (позже — Западно-Сибирский). Туда стекалась информация о соседних с Россией народах от агентов русского правительства и военных офицеров [Рыженков 1991: 10–11]. В.В. Радлов, как известно, проводил свои исследования на пограничных территориях, давал географические описания труднопроходимых районов, составлял маршрутные карты. Сведения о малоизвестных тюркоязычных народах России и об их соседях, собранные им, имели большое практическое значение.

Организация научных исследований В.В. Радлова в 1859–1870 гг. всегда осуществлялось на высоком уровне. В 1859 г., практически сразу же по прибытии в Барнаул, юношу-учителя пригласил сам А.Е. Фрезе в ознакомительную поездку в Кузнецкий округ. По возвращении в Барнаул его ожидал другой приятный сюрприз. У А.Д. Озерского, главного начальника алтайских заводов и томского губернатора, находилась делегация алтайцев во главе с зайсаном. При содействии губернатора ученому удалось убедить зайсана прислать ему инородца для обучения живой алтайской речи. Так в Барнауле появился алтаец Яков Тонжан, проживший в небольшой квартире Радловых около полугода [Штернберг 1909: X]. Именно этого человека будущий великий тюрколог считал своим учителем алтайского языка.

Вообще всю свою жизнь В.В. Радлов неустанно осваивал новые языки и диалекты, в чем ему помогали, как правило, самые простые люди — представители нерусских народностей. Тюркские и вообще восточные языки давались ему гораздо легче, чем русский. Например, еще в первый год приезда в Россию юноша овладел маньчжурским языком. Через двенадцать лет он все еще мог свободно объясняться на нем [Бартольд 1976: 668]. Но русский язык Радлов осваивал с большим трудом.

Уже известного миру академика преследовали нетактичные, а порой и грубые обвинения в безграмотности. Это не могло не расстраивать ученого. В фонде Н.С. Гуляева сохранилось письмо Николая Степановича «старому другу» [ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Св. 17. Д. 294. Л. 1–2]. В нем Гуляев высказывал свое негодование по поводу «шовинистической» заметки, опубликованной в «Новом времени», под названием «Поругание государственного языка в русской Академии наук». Этот номер вышел из печати, по всей видимости, в 1906 г. или в 1907 г., т.к. Н.С. Гуляев писал: «Мне жаль старика Радлова (ему почти восемьдесят лет)». Статья была подписана «Изумленный». Гуляев назвал ее автора «националистом» и не без оснований, т.к. он «облил помоями почтенного академика Радлова». Как отмечал краевед, В.В. Радлов, «признанный европейскими учеными (не одними немцами) лучшим знатоком тюркских народов, лучшим синологом» действительно «не научился правильной русской речи», «некоторые слова произносит с немецким акцентом и ошибается в согласованиях, над чем и я, его глубоко уважающий и чтящий ученик, частенько посмеивался». Но, как отмечал далее Н.С. Гуляев, этими недостатками страдают многие «чистокровные интеллигенты, окончившие учебные заведения», здесь он имел в виду еще и людей, русских по происхождению.

Следующую выдержку из письма следует привести полностью: «Думается мне, что история этой заметки произошла так: некий из недоброжелателей Радлова, даже quasi ученый, <...> выписал с особым смакованием выдержки: “У него были две супруг...», “Он был круглая сирота” и др. <...> обратился с просьбой к г. «Изумленному»: “А ну-ка, друг, продерника в газете немчуру, большое засилье взяли эти немцы над нами, обругай похлеще”» [ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Св. 17. Д. 294. Л. 2].

Важно понимать, что часто подобные претензии к В.В. Радлову были продиктованы отнюдь не стремлением отечественных ученых к «чистоте» русского языка, а гораздо более призем-

ленными человеческими чувствами. Как, например, это было в случае с полемикой между В.В. Радловым и В.Д. Смирновым, известным востоковедом [Гордлевский 1968: 413]. В.Д. Смирнов, выступавший за русификацию, нетерпимый ко всем нерусским народностям, был настроен к своему оппоненту, тогда инспектору инородческих школ Казанского учебного округа, очень агрессивно [Отзывы..., 1884: 10]. Он высмеивал не очень хорошее знание ученым русского языка и осуждал его учебную систему медресе.

Летом 1860 г. В.В. Радлов отправился во вторую экспедицию по Южному Алтаю за свой счет [ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 1. Д. 2. Л. 23 — 23 об.]. Его интересовали прежде всего материалы по этнографии, языку и фольклору алтайцев. Кроме того, в 1860 г. ученому удалось собрать сведения о торговых связях русских с монголами. Эти материалы были использованы им в статье «Торговые сношения России с западной Монголией и их будущность» (1870). На обратном пути Радлов познакомился с телеутом Михаилом Чевалковым в православной миссии в Улалу. Он знал не только свой родной язык, но и русский, был грамотным — явление довольно редкое в то время среди алтайцев. Он дал согласие приехать к тюркологу в Барнаул, где всю последующую зиму тот учился у него телеутскому языку [Штернберг 1909: XIII].

Весной 1861 г. исследователь вновь собрался в экспедицию, взяв с собой М. Чевалкова. В тот год они посетил Кузнецкий, Бийский и Мариинский округа Томской губернии, а также Енисейскую губернию [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 11]. Им было выдано два открытых предписания на взимание лошадей в Алтайском и Минусинском округах и об оказании поддержки со стороны местных начальств. На свою поездку В.В. Радлов получил 350 руб. серебром: сумма в 700 руб. была поделена пополам с лекарем Ю.В. Людвигом, который исследовал Алтайский округ «в естественноисторическом отношении» [ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 1. Д. 2. Л. 30].

Ю.В. Людвиг был «даровитым натуралистом», принявшим службу в Барнауле с целью научного исследования края [Штернберг 1909: IX]. Обстоятельства личной жизни помешали его научной карьере, и ему пришлось перейти на земскую службу. Через много лет, уже в Петербурге судьба снова свела двух ученых. В начале XX в., когда В.В. Радлов работал директором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, к нему обратился семидесятилетний Ю.В. Людвиг. Он просил своего старого друга дать ему возможность поработать в анатомическом отделе музея. За восемь лет работы доктор Людвиг привел в порядок все антропологические коллекции музея.

В 1861 г. в Барнауле состоялось знакомство В.В. Радлова с краеведом Степаном Ивановичем Гуляевым и участниками французской научной экспедиции — Луи де Эйхталем, Мари Луи Гюставом Менье и Оскаром Нейманом [Рафиенко 2000: 241–245]. Французская экспедиция продемонстрировала прекрасные возможности археологии в реконструкции жизнедеятельности древних народов, что не могло не заинтересовать ученого. По окончании раскопок он отослал в ИАК краткий отчет и рисунки найденных вещей [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 21]. С этого момента началась его переписка с председателем комиссии С.Г. Строгановым.

С мая 1862 г. В.В. Радлов начал свои первые самостоятельные археологические раскопки под патронажем ИАК. Вплоть до 1869 г. все его этнографические изыскания, как правило, сочетались с археологическими. На исследования ученого в 1862 г. было выделено 700 руб. от Кабинета и 300 руб. от ИАК [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 60 об., 62 об., 86 — 86 об.]. Одним из результатов комплексной экспедиций того года стали раскопки курганов на обширной территории [Демин 1989: 78–79]. Также были проведены этнографические и лингвистические исследования в окрестностях р. Или и около оз. Иссык-Куль. Тщательное изучение разнородного населения Илийской долины дало новые сведения об образе жизни и языках калмыков, киргизов, таранчей, китай-

цев и маньчжуров. Другим важнейшим итогом поездки стало историко-географическое описание этого региона [Артюх 2004: 47–51].

В 1863 г. В.В. Радлов планировал закончить исследование Алтая, направившись в его восточную часть к абаканским татаграм, которые обитали в северо-западной части Томской и южной части Енисейской губерний [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 108]. Помимо изучения языка и быта этих народов он должен был «произвести раскопку некоторых курганов» по поручению ИАК. На это мероприятие комиссия назначила «по примеру 1862 г. небольшую сумму» [АИИМК. Ф. 1. 1864 г. Д. 17. Л. 12 об.]. Также Радлов получил 550 руб. на этнографические исследования, 100 руб. были выданы лекарю Ю.В. Людвигу [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 34]. Кроме того, выдали открытые предписания для разъездов по Ачинскому и Минусинскому округам и подорожную на три лошади [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 77, 82 – 83 об.].

Маршрут экспедиционной поездки ученого в 1863 г. пролегал по Восточному Алтаю (реки Томь и Таштып) и Минусинской котловине. На этой территории им было обнаружено и раскопано около 100 курганов [АИИМК. Ф. 1. 1864 г. Д. 17. Л. 12 об.]. Тогда же он осматривал писаницы, изваяния, копировал рунические надписи [Белокобыльский 1986: 62; Дэвлет 1996: 31–34].

В 1864 г. в алтайских исследованиях тюрколога произошел небольшой перерыв. Кончилось пятилетие его субсидий на летние экспедиции и пришлось ехать в Петербург хлопотать о продолжении командировки. Между тем прежний покровитель — барон П.К. Мейендорф — умер, и ученый начал искать новых заступников. Помог ему академик Карл Бэр, познакомив с известной фрейлиной, баронессой Эдитой Федоровной Раден, а через нее с Великой княгиней Еленой Павловной. При содействии этих женщин выплата пособия была продолжена еще на пять лет [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 182]. При-

знательный Радлов посвятил баронессе Раден свою известнейшую работу «Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten» (1884). До сих пор остается неизученной переписка ученого с баронессой Э.Ф. Раден на немецком языке, за период 1869–1884 гг. [СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 219]. Это дело состоит из шестнадцати писем Эдиты Федоровны, посланных В.В. Радлову из Санкт-Петербурга, Костромы и Москвы.

В Петербурге исследователь получил 350 руб. на издание собранных им на Алтае материалов. С этой целью в июле 1864 г. он был послан в Германию [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 143–144, 182]. В его формулярном списке значилось: «По высочайшему повелению уволен в отпуск за границу на каникулярное время, со 2 июля по 15 сентября 1864 г. с оставлением в службе и с сохранением жалования» [СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 2 об. — 3]. Радлов отправился в путешествие со всей своей семьей в Берлин, чтобы навестить родителей. После Берлина они поехали в Тироль [Штернберг 1909: XIV]. В архиве хранится «Дневник неизвестного лица о пребывании семьи Радловых в Берлине в 1864–1865 гг.» [СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 23. Л. 1 — 32 об.]. Он написан на немецком языке, к дневнику приложены письма родственникам от самого Василия Васильевича и его жены — Паулины Августовны [Там же. Л. 2–4, 6, 24]. Вернулся Радлов в Барнаул, вероятно один, 16 декабря 1864 г., именно такую запись мы обнаружим в его формулярном списке [Там же. Л. 2 об. — 3]. Он продолжил преподавательскую деятельность в Барнаульском окружном училище. Его семья приехала в Барнаул только в марте 186 г. [Там же. Л. 22 об.].

На следующий год экспедиционные поездки были возобновлены. В это лето исследователь собирался направиться в Горный Алтай и на Бухтарму. Ему необходимо было закончить изучение инородческих племен «собственно Алтая». Для путешествия В.В. Радлов получил 700 руб. от казны и подорожную на три лошади [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819.

Л. 127 об. — 128]. ИАК выдала Открытый лист «для исследования и раскопки курганов в Западной Сибири». Археологические раскопки Радлова у рек Катанда и Берель стали мировой сенсацией [Захаров 1926: 71–106; Сорокин 1969: 208–209; Демин 1989: 79–81].

Летом 1866 г. ученый намеревался заняться «лингвистическими и другими исследованиями» в Томской, Тобольской и Семипалатинской губерниях [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 139]. Он получил открытые предписания об оказании содействия со стороны местного начальства и подорожную на три лошади. Денежное пособие на 1866 г. составило 1050 руб., из которых 350 руб. было выдано как остаток по смете 1864 г.

В этот же год В.В. Радлов с большим размахом провел археологические раскопки в Барабинской степи и в Казахстане. За довольно короткий срок он раскрыл более 70 курганов. Результаты этих археологических изысканий в полной мере не опубликованы, отчасти потому, что непродуманная методика раскопок привела фактически к гибели памятников [Демин 1989: 81].

На следующий год исследователь снова собирался обратить свое внимание на тюркоязычные племена Томской и Тобольской губерний. Ему выдали открытые предписания об оказании содействия от томского и тобольского губернаторов и подорожную на три лошади с проводниками [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 155 — 155 об., 159 об. — 160, 162–164]. Денежные средства от Кабинета составили 700 руб. серебром.

Подводя итоги этнографическим изысканиям 1866–1867 гг., В.В. Радлов писал, что во время путешествия «по улусам барабинских и тобольских татар» он «окончил исследование наречий и бытности этих племен и определил <...> отношение между ними и обитателями Алтайских гор» [Там же. Л. 165].

Во второй половине 1860-х годов началось завоевание Туркестана и открылась возможность при особенно благоприятных условиях попасть в страну тюркских народов, изучение которых живо интересовало тогда и общество, и высшую администра-

цию края. Два лета (1868 и 1869 гг.) исследователь посвятил Семиречью. В 1868 г. он совершил путешествие в северную его часть — в Среднюю Азию, посетив Чимкент, Самарканд, долину Зеравшана и ряд других районов, неизвестных в этнографическом и лингвистическом отношениях.

Намереваясь отправиться в Семиречье, Радлов писал С.Г. Строганову, что за восемь лет он уже окончил изучение алтайцев, минусинских и тобольских татар и западных киргизов и желал бы продолжить свои занятия в Туркестанской области [АИИМК. Ф. 1. 1868 г. Д. 22. Л. 1]. Далее он заметил, что мог бы быть очень полезен для правительства в только что завоеванном крае, т.к. изучал «киргизский и татарский языки и самый быт этих народов».

Глава ИАК одобрил эту инициативу и просил провести и археологические исследования, на которые обещал выслать 400 руб. [Там же. Л. 3, 20–21]. Помимо этих денег от ИАК ученый получил 1050 руб. от Кабинета, из которых 350 руб. остались неизрасходованными с прошлого года [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 165 — 165 об., 170 об. — 171]. Туркестанский генерал-губернатор выслал В.В. Радлову Открытый лист на разъезды по Семиреченской и Сырдарьинской областям и об оказании законного содействия со стороны местного начальства, но без права требования от местного населения перевозочных средств [Там же. Л. 178 — 17 об., 184 — 184 об., 198 — 199 об.].

Туркестанский край исследователь посетил вместе с царской армией, причем сразу же после взятия Самарканда [Бартольд 1976: 684]. Военные обстоятельства не позволяли ученому удалиться от армии. Поэтому он был вынужден отложить до следующего года раскопку курганов, обнаруженных им в долине р. Шу, к северу от Александровского хребта [АИИМК. Ф. 1. 1868 г. Д. 22. Л. 6, 10 — 10 об.].

В 1869 г. Кабинет выделил тюркологу 700 руб. Этнографические изыскания этого края В.В. Радлов сочетал с археологическими: раскрыл курганы, обнаруженные им ранее, и описал другие, увиденные им впервые [Там же. Л. 10 — 19 об.].

В результате путешествий 1868—1869 г. были собраны многочисленные материалы не только по лингвистике, фольклору, этнографии и археологии, но и по географии, быту, торговле и управлению Туркестанского края. В.В. Радлов как знаток местных языков участвовал в работах по разграничению завоеванных территорий с соседними ханствами. По итогам экспедиции была составлена карта, «главное достоинство» которой состояло в «правильной передаче местных географических названий и в показании распределения племен» [Лунин 1974: 32, 303].

В последний год своей командировки ученый намеревался «предпринять путешествие по Алтаю для окончания <...> этнографических разысканий». Для этих целей он получил 700 руб. серебром, заграничный паспорт и казенные документы [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 209 об. — 210, 211, 206 об.]. В 1870 г. Радлов в сопровождении ветеринара Калнинга совершил поездку по торговому пути через г. Бийск, р. Урсул, по берегу р. Чуи до русских лавок в Кош-Агаче. Перебравшись через границу, он доехал до китайского г. Кобдо [Радлов 1989: 13].

Таким образом, ученому во время его двенадцатилетнего пребывания на Алтае удавалось почти ежегодно (кроме 1864 г.) проводить исследовательские поездки ко всем народам «тюркского мира» России и за ее пределами. Материалы, собранные им за эти годы, потребовали многократной проверки и систематизации. Первые пять лет ушли на подготовку работ к изданию. Как сообщали современники В.В. Радлова, в эти годы он выделял на сон и отдых всего лишь 3—4 часа в сутки [Штернберг 1909: XI]. Научное сообщество узнавало о его деятельности только из отдельных статей и отчетов. Последние отправлялись в ИАК (с начала 1862 г.) и в Кабинет его императорского величества (с начала 1861 г.). Из Кабинета их пересылали в Императорскую академию наук и там публиковали. Так, с 1866 г. Академия приступила к изданию накопленных В.В. Радловым фольклорных текстов тюркоязычных

народов — «Образцов народной литературы тюркских племен Южной Сибири и Дзунгарской степи». Почти непрерывно, с 1866 г. до 1887 г. выходили эти капитальные работы, принесшие известность тюркологу не только среди языковедов, но и в широком кругу этнографов и фольклористов. В 1868 г. администрация Дерптского университета наградила В.В. Радлова званием доктора филологии (*honoris causa*) за особые заслуги по языкознанию [Штернберг 1917: 125].

Кроме того, с 1868 г. исследователь предоставлял отчеты о своих путешествиях Императорскому Русскому географическому обществу (ИРГО), которые публиковались в его подведомственном издании — в «Известиях». Совет Общества, оценив по заслугам статьи молодого ученого, попросил его стать корреспондентом и предоставил инструкцию. Дважды ИРГО присуждало В.В. Радлову серебряные медали. Первую он получил в 1870 г. за статью «Торговые сношения России с Западной Монголией», а вторую в 1872 г. за этнографические исследования о жителях Зеравшанской долины.

В 1871 г. В.В. Радлов вместе с семьей переехал в Казань, получив должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ. В Барнауле он не оставил после себя ни последователей, ни научного общества, как это рекомендовал К. Риттер [Жук 1995: 20].

В казанский период жизни В.В. Радлов, занятый главным образом административной деятельностью в образовании, не проводил научных экспедиций. В свободное время он обрабатывал результаты двенадцатилетних исследований, полученных на Алтае и соседних территориях. С 1871 по 1884 гг. были изданы отдельные статьи по общей филологии, а также такие его работы, как «Мифология и мирозерцание жителей Алтая» (1882, 1883), двухтомный итоговый труд по истории Сибири на немецком языке под названием «Aus Sibirien» (1884). В последней работе ученый дал подробное описание своих раскопок с рисунками, всесторонне охарактеризовал тюркские народы Сибири, Средней Азии и Казахстана. Издание полного пере-

вода на русский язык этого труда состоялось только в 1989 г. под названием «Из Сибири: Страницы дневника».

Источники

- АИИМК¹. Ф. 1. 1863 г. Д. 8.
АИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4.
АИИМК. Ф. 1. 1864 г. Д. 17.
АИИМК. Ф. 1. 1868 г. Д. 22.
СПФ АРАН². Ф. 177. Оп. 1. Ед. хр. 138.
СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 219.
СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 2.
СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 23.
ЦХАФ АК³. Ф. 86. Оп. 1. Св. 1. Д. 2.
ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Св. 17. Д. 294.
ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785.
ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819.

Библиография

- Артюх Е.А. Археологические исследования В.В. Радлова в 1862 г. // Барнаул на рубеже веков. Барнаул, 2005. С. 47–51.
Бартольд В.В. Сочинения. М., 1976. Т. 9.
Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований. Новосибирск, 1986.
Гордлевский В.А. Избранные сочинения. М., 1968. Т. 4.
Данциг Б.М. Изучение Ближнего Востока в России. М., 1968.
Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989.
Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея: история изучения. М., 1996.
Жук А.В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860–1920-е гг. Барнаул, 1995.
Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири: Раскопки академика В.В. Радлова в 1865 г. (Верховья Катунь) // Тр. Государственного исторического музея. 1926. Вып. 1. Разряд археологии. С. 71–106.

¹ Здесь и далее — Архив Института истории материальной культуры РАН.

² Здесь и далее — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

³ Здесь и далее — Центр хранения архивного фонда Алтайского края.

Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. 5 января 1907 г. СПб., 1907.

Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Ташкент, 1974.

Отзывы (Н.И. Ильминского, И.А. Бодуэна де Куртенэ и др.) о научных заслугах Радлова // Восточное обозрение. 1884. № 46. С. 9–10.

Письма Радлова в Географическое общество во время поездки его в Туркестанский край // Известия ИРГО. IV. 1868. Отд. II. С. 324–327.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.

Рафиенко Л.С. Французская экспедиция 1861–1862 гг. на Алтай // Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. 20. С. 241–245.

Решетов А.М. В.В. Радлов — директор Музея антропологии и этнографии Императорской академии наук // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 137–155.

Рыженков М.Р. Роль военного ведомства в России в развитии отечественного востоковедения в XIX — начале XX в. М., 1991.

Сорокин С.С. Большой Барельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Тр. Государственного Эрмитажа. Л., 1969. Т. 10. Вып. 7. С. 208–235.

Тишкина Т.В. Менье Мари Луи Гюстав // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 183–84.

Штернберг Л.Я. Из жизни и деятельности В.В. Радлова // Живая старина. 1909. XVII. Вып. 2–3.

Штернберг Л.Я. Радлов В.В. // Материалы для биографического словаря действительных членов ИАН. Пг., 1917. Ч. II. С. 121–136.

Е.А. Артюх

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В.В. РАДЛОВА

В дореволюционной и советской литературе отмечалось влияние научных теорий и школ на этнографические и исторические взгляды В.В. Радлова [Штернберг 1909: 3–4; Бартольд 1976: 666–671]. Однако, на наш взгляд, некоторые положения требуют уточнений.

Начиная исследования на Алтае в 1859 г., В.В. Радлов с первых же месяцев обратил внимание на географическое изучение Южной Сибири, прилегающих районов Монголии, Казахстана, Узбекистана, Киргизии. Идеи ученого о взаимосвязи истории народа и географических условий его местопребывания формировались главным образом под воздействием историко-географической концепции К. Риттера [Бартольд 1976: 669–671; Вайнштейн 1989: 641]. В целом для науки России второй половины XIX в. стало характерным появление последователей К. Риттера именно в истории. В их трудах по сравнению с учением знаменитого географа было заметно преобладание культурно-исторического аспекта над естественным [Сухова 1990: 170–180, 187]. Из тех исследователей, с которыми непосредственно общался В.В. Радлов, яркими представителями школы географического детерминизма были П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Д.Н. Анучин.

Многочисленные труды В.В. Радлова дают нам различные свидетельства его приверженности географическому детерминизму. В своей книге «Из Сибири...» ученый, рассматривая хозяйственные занятия тюркских народов Южной Сибири, указывал на обусловленность выбора ими типа хозяйства в соответствии с географическими условиями. Он отмечал наиболее эффективные занятия в условиях речных долин, гор, лесов, степей [Радлов 1989: 136, 152, 191, 216]. Такие примеры содержатся и в менее известной работе ученого «Очерки Сибири», являвшейся переводом статьи с немецкого языка «Skissen aus Sibirien» (1872). В ней он писал, что «бесконечные степи», в которых кочуют казахи, предоставляют им «благоприятные условия для своего образа жизни», в то время как условия горной местности Алтая способствуют «вымиранию» кочевых народов [Радлов 1874]. Не всегда эти взгляды являются бесспорными.

Необходимо отметить, что часто Радлов, вслед за К. Риттером, формулировал этногенетические выводы на основе хозяйственно-бытовых особенностей народов. При этом иногда он переоценивал их значение для выяснения происхождения и истории формирования того или иного народа [Вайнштейн 1989: 654–655]. Так, он относил тюркоязычных туба (дубо в китайских источниках) к самодийским по происхождению народам главным образом на том основании, что у них издавна господствовали охотничье-оленоводческие формы хозяйства и быта, характерные для самодийских племен [Радлов 1989: 88, 215]. В последующих своих работах, например в статье «К вопросу об уйгурах» (1893), он отошел от этой точки зрения и высказывал мнение, что туба — одно из уйгурских племен.

О предрасположенности В.В. Радлова к эволюционизму свидетельствует использование им эволюционно-хозяйственной триады в вопросах исторического развития человеческого общества. Теория эта была широко распространена в то время. Наиболее полно триада Радлова была изложена в его вводной статье к изданию Кудатку-Билика — «К вопросу об уйгурах».

Итак, три стадии развития человеческого общества представляли собой следующее: охотничий, кочевой и оседлый земледельческий быт [Радлов 1893б: 66]. Говоря об охотничьих народах, он имел в виду преимущественно «народы тундры и лесов Северной Сибири»; первой ступенью перехода к кочевой жизни было, по его мнению, приручение северного оленя [Там же: 67]. Переход совершался только под давлением экономической необходимости, без которого «обитатели лесов целыми столетиями остаются на той же ступени развития». Та же экономическая необходимость и борьба за существование с другими народами являются и для кочевников единственным побуждением к прогрессу; только нужда и сокращение свободных земель заставляют кочевника обратиться к земледелию [Там же: 67–68]. И в том, и в другом случае переход к иной форме быта означал переход в иную географическую среду: вслед за К. Риттером В.В. Радлов рассматривал эти два явления в причинно-следственной связи. Он утверждал, что в условиях степи не может быть другой жизни, кроме кочевой. Основываясь на этой концепции, Радлов считал, что неизбежным последствием обращения кочевников в оседлых поселенцев были бы регресс и уменьшение населения.

Вообще-то мысли ученого о кочевом и оседлом быте, о недостатках первого и преимуществах последнего были довольно противоречивы, т.к. это были теоретизированные представления, на которые он был вынужден опираться и которые далеко не всегда соответствовали его этнографическим исследованиям. Возможно, отчасти под влиянием этой эволюционно-хозяйственной триады исследователь, попытавшись определить хозяйственную неоднородность народов Южной Сибири, выявил группы кочевников, оседлых земледельцев, собирателей, рыболовов и бродячих оленеводов [Радлов 1989: 122]. Эта классификация соответствовала действительности лишь отчасти, так как на Алтае и в Минусинской котловине в XIX в. оленеводством никто не занимался [Вайнштейн 1989: 658]. К тому же известные науке сибирские оленеводы тайги (охотники-

оленоводы) — это не бродячие народы, а тоже кочевники. Не было в этих краях и собирателей-рыболовов. У северных алтайцев и некоторых этнических групп минусинских татар главным занятием была охота, сочетавшаяся с примитивным земледелием, собирательством и рыболовством, т.е. для них был характерен хозяйственно-культурный тип охотников тайги [Вайнштейн 1989: 658; Андрианов 1985: 57–65].

В.В. Радлова наряду с экономическим развитием кочевников (номадов) интересовал и уровень их общественного устройства. Так, он первым обратил внимание на то, что основой кочевого общества является не семья сама по себе, а особый социальный организм — аул, в котором проживает родственная группа, руководимая одним лицом, по имени которого аул назван [Радлов 1893б: 68–69; Вайнштейн, Кляшторный 1972: 25]. Рассматривая вопрос о возникновении политической власти в кочевом обществе, он считал неизбежным возникновение у кочевников имущественного неравенства во владении скотом и пастбищами и узурпацию власти в племени наиболее богатым и многочисленным родом [Радлов 1893б: 67, 68–69].

Вообще заслуга «первооткрывателя» аналитического номадоведения в его российском варианте принадлежит именно В.В. Радлову [Султанова 2009: 6, 14–15, 17]. Его понимание кочевого государства встречается в той или иной модификации и в современной науке.

В советское время довольно часто Радлова обвиняли в склонности к социальному дарвинизму и даже расизму, которые получили в XIX в. широкое распространение в истории и этнографии [Потапов 1953: 33; Масанов 1966: 182]. И действительно, в его работах мы увидим идеи о превосходстве «более сильной расы», отвечающей «законам природы», о том, что «любой успех цивилизации есть результат борьбы за существование», что «переход от одной ступени цивилизации к другой не совершается без борьбы» [Радлов 1989: 191, 184]. В своих «Очерках Сибири» он прямо ссылается на имя Ч. Дарвина, говоря о том, что человеческие расы находятся в вечной борьбе

между собой и что более слабые из них вынуждены уступать напору сильнейших [Радлов 1874].

Однако, на наш взгляд, в литературе есть и наиболее взвешенные оценки подобных высказываний ученого [Вайнштейн, Кляшторный 1972: 26]. Так, отмечается, что те или иные его взгляды неизбежно отражали воздействие «модного» тогда социального дарвинизма, который, однако, не получил в его работах сколько-нибудь существенного отражения. Если точнее оценивать воздействие на В.В. Радлова этого учения, то заметим следующее:

1) он не выделял высшие и низшие расы, различающиеся в умственном и нравственном развитии, как это было принято в расистских теоретических построениях;

2) он всегда высказывал особую заботу о сохранении кочевых, по преимуществу тюркских народов, о сохранении их языков, образа жизни, самобытной культуры;

3) он считал, что вполне возможен такой идеальный путь их развития, который бы объединил этнические, национальные особенности с техническими достижениями другой цивилизации; по его мнению, это удалось телеутам и шорцам [Радлов 1989: 191, 209–210];

4) он без всяких сомнений признавал высокий уровень развития оседлой земледельческой цивилизации русских [Радлов 1874].

В.В. Бартольд очень верно заметил, что симпатии ученого были на стороне всего того, в чем он видел «проявление жизненных сил, энергии и жизнерадостной бодрости». Народы и общества, «малодушно отказывавшиеся от борьбы за существование, не вызывали в нем даже чувства сожаления» [Бартольд 1976: 680]. Так, к народам, обреченным на исчезновение, он отнес барабинских и тобольских татар [Радлов 1874].

При изучении коренных народов Южной Сибири Радлов уделял особое внимание проблеме столкновения двух разных цивилизаций: «туземцев Сибири» и «экспансивного русского населения». Причем он пытался рассматривать процесс взаи-

модействия народов с разных сторон, отмечая как положительные, так и отрицательные его моменты.

По эволюционно-хозяйственной триаде, используемой ученым, высшим этапом развития человечества являлось общество оседлых земледельцев. Но это его теоретические рассуждения, на практике же, как писал В.В. Бартольд, представления В.В. Радлова об оседлом земледелии как о наиболее прогрессивной форме хозяйства были довольно противоречивы [Бартольд 1976: 676–678]. На наш взгляд, именно хозяйство коренных народов Южной Сибири он описывал в соответствии со своей теоретической схемой. Так, оседлое земледелие русских, по его мнению, более эффективно в климатических условиях этого региона, особенно Алтая, чем кочевое скотоводство коренного населения. В этом смысле процесс перехода «туземцев» к оседлости, даже вынужденного перехода, под давлением русских, В.В. Радлов считал прогрессивным.

Он приводил в пример телеутов. По его наблюдениям, в тех местах сами географические условия вынудили людей к оседлости и изменению рода занятий: когда русские начали теснить этот народ, он не смог укрыться в лесах из-за их непригодной почвы, как это сделали некоторые другие племена. В итоге аулы объединились в более крупные поселения, люди построили постоянные жилища, начали заниматься земледелием, учась у своих соседей, и при этом они не стали отказываться от обычаев предков. В.В. Радлов был убежден в том, что «через несколько десятилетий телеуты <...> достигнут той ступени цивилизации, на которой находится русский крестьянин» [Радлов 1989: 191].

Описывая хозяйство алтайцев, ученый также отмечал особые географические условия Алтая, малопригодные для кочевников, но способствующие развитию земледелия: «Большинство алтайцев ведет кочевой образ жизни, хотя характер гор и неширокие долины рек не дают им больших возможностей для кочевания». Более того, «великолепные долины Алтая слишком хороши для кочевников, которые не могут извлечь

и использовать богатства этого края» [Там же: 136, 152]. Здесь не шла речь о неспособности алтайцев как народа освоить богатства края — подобная ошибочная трактовка данной фразы тюрколога встречается в работах отдельных авторов [Потапов 1953: 34]. В.В. Радлов имел в виду невозможность этого для кочевников, что в целом верно. Отмеченное исследователем отсутствие необходимости в кочевании было уточнено далее: «Алтай повсюду так богат травами, что даже крупные стада перемещаются на очень небольшом участке. Люди победнее круглый год остаются на том же месте» [Радлов 1989: 152].

С.И. Вайнштейн [1989: 658] полагал, что этот вывод ученого вряд ли может быть принят с позиций современной науки. По всей видимости, Радлов исходил из распространенного в XIX в. устаревшего представления о том, что подлинные кочевники постоянно находятся в движении в поисках нужных им пастбищ. Между тем к кочевничеству могут быть отнесены все формы хозяйства и быта, в основе которых лежит экстенсивное скотоводство с сезонным перемещением населения со стадами скота, причем расстояния перегона скота не являются определяющими для отнесения того или иного народа к кочевникам [Андрианов 1985: 57–65]. Вместе с тем исследователь был, несомненно, прав, отметив жесткую связь протяженности и количества кочевков с количеством скота в хозяйствах различных социальных групп, что характерно для всех кочевников [Вайнштейн 1989: 658].

В.В. Радлов приводил в пример шорцев как народ, уровень развития которого был наиболее близок к оседлой земледельческой цивилизации. В доказательство изначально высокого уровня ученый обращался к следующему факту: «Как только шорцы попадали в соприкосновение с русскими, они сразу же с необычайной легкостью поднимались на более высокую ступень культуры, в то время как алтайцы <...> десятилетиями могли жить вместе с русскими, что нисколько не отражалось на уровне их культуры» [Радлов 1989: 209]. Именно шорцы, писал он, изначально жили оседло, даже там, где русское влияние

не проявлялось. Другие же «племена» были вынуждены бежать в горы и леса и, поселившись там, в разрозненных деревнях, далеко от соседей, утратили свою старую культуру. Между тем В.В. Радлов отмечал, что на момент его исследований высокий уровень развития сохранился только у шорцев, живших в низовьях Мраса и Томи, на Кондоме, но, по его мнению, все эти «племена» отличались большим потенциалом и способностью к положительному восприятию русской цивилизации с сохранением своей самобытности [Там же: 209–210].

Однако ученый доказывал, что оседлое земледелие прогрессивно лишь в условиях, благоприятных для его развития. Так, обработка земли у черневых татар (тубаларов) требовала слишком большой затраты труда, поэтому им было трудно извлечь большую выгоду из земледелия [Там же: 216].

Таким образом, в процессе хозяйственного освоения земель Южной Сибири В.В. Радлов видел будущее в оседлом образе жизни коренных народов. Распространение русскими такого образа жизни и земледелия как основной (но не единственной) хозяйственной формы в климатических условиях этого региона рассматривалось им как позитивный процесс.

Большие надежды В.В. Радлов возлагал на христианских миссионеров, которые должны были повлиять на переход народов к оседлости и в целом на повышение уровня культуры. У ученого не вызывал никакого сомнения тот факт, что вместе с христианством приходит и цивилизация, что кочевники превращаются в оседлых земледельцев и ведут упорядоченный образ жизни, как русские крестьяне [Там же: 182]. Такое влияние религии он наблюдал в миссионерском центре в Улале, в миссии на Муйту, в Онгудае (все миссии расположены на Алтае) [Там же: 180–185]. При этом Радлов отдавал должное заслугам их основателей — архимандриту Макарию, который «не только внешним образом крестил «туземцев», но и обратил значительную часть их в истинных христиан» [Там же: 181], монаху Смарагде, создавшему культурное поселение недалеко от устья р. Онгудай. Тем не менее важным моментом для ученого было

то, что в Сибири происходило взаимопроникновение христианства и «прежних суеверий», вошедших «в идейный круг новой религии» [Там же: 181].

Усвоение христианской культуры коренным населением, как отмечал исследователь, шло довольно медленно и трудно. Аборигены рассматривали любую миссию как учреждение, наносящее вред их социальному положению, а крещеных сородичей — как предателей, которые меняют свое имя и отказываются от кочевой жизни [Там же: 184, 182]. Помимо всего прочего, у крещеных алтайцев складывались очень сложные отношения с властями. Они терпели поражение во всех спорных вопросах, т.к. бывшие зайсаны, которым они все еще подчинялись, всегда вставали на сторону некрещеных соплеменников. Кроме того, русские люди в пограничных деревнях не воспринимали местные народы, принявшие христианство, как равных себе [Там же: 182].

В некоторых случаях В.В. Радлов признавал и то, что не всегда развитие культуры на Алтае было связано с распространением христианства [Бартольд 1976: 673–674]. Так, лебединские татары (челканцы) занимались земледелием, хотя и в небольших размерах, и жили в деревянных срубках; между тем христианство туда еще не проникало, хотя и шаманов там почти не было [Радлов 1989: 210–214].

Ученого волновали такие проблемы процесса взаимодействия двух разных культур, как восприятие коренными народами Южной Сибири пороков цивилизации: пристрастие к алкоголю, воровству и обманам. Так, наблюдая над процессом влияния русской культуры на аборигенную, он отметил, что поверхностное перенимание алтайцами образа жизни оседлых земледельцев ни к чему хорошему не приведет без внутренних изменений. Эта мысль выражалась в таких словах: «Алтайцы обеднели от оседлой жизни, ибо хоть они и научились обрабатывать землю, но от своей природной пассивности не избавились, а она при новом образе жизни мешает их благополучию и процветанию» [Радлов 1989: 182]. Природную лень Радлов заметил и у чер-

невых татар (тубаларов), которые, по его мнению, были бедны по причине своей пассивности [Там же: 216–217]. Вместе с тем он увидел положительные заимствования коренным населением Южной Сибири элементов этической культуры русских [Циркин 2001: 51–54].

В.В. Радлов выражал озабоченность процессом обрусения коренных тюркоязычных народностей Южной Сибири, который во второй половине XIX в. особенно усилился. Он с большим сожалением отмечал постепенную утрату аборигенным населением своей самобытности, обычаев и традиций, языка [Радлов 1989: 182]. «Крещеные алтайцы, — писал он, — очень скоро обрусееют совсем, так как уже и теперь они всячески стараются подражать во всем русским, чтобы обрести хоть какую-то точку опоры. Особенно ясно заметно это в их языке. Даже говоря между собой, они употребляют как можно больше русских слов» [Там же: 182–183]. В.В. Радлов зафиксировал и такое явление, получившее распространение после прихода русских в Сибирь, как смешанные браки: «Крещеный алтаец почитает себя счастливым, получив в жены русскую девушку, так как тогда он может причислить себя к русским». В потомстве таких браков почти полностью исчезал «кальмыцкий элемент» и забывался алтайский язык.

Все отмеченные исследователем проблемы могли быть решены самими коренными народами, и он понимал это. Но сила В.В. Радлова как ученого заключалась в том, что любое историческое явление он рассматривал с разных сторон. В этом контексте важно заметить, что тюрколог обращал внимание и на те трудности в процессе взаимодействия двух цивилизаций, которые создавались пришлым русским населением. Это, главным образом, агрессивная, наступательная экспансия на земли сибирских народностей, вследствие которой последние начинали чувствовать себя угнетенными, боялись утратить свою национальность и поэтому отдалялись от русских [Там же: 184]. Плотное кольцо русских деревень все теснее смыкалось вокруг Алтая, и поэтому алтайцы все больше отступали, все дальше

уходили в горы и впадали в нищету, лишаясь прекрасных пастбищ.

Таким образом, проблема освоения западносибирских земель рассматривалась В.В. Радловым как борьба двух разных цивилизаций за существование, причем русские обладали большей силой и потенциалом [Там же: 191, 216, 219]. Поэтому главными задачами народов Южной Сибири было выживание в этих условиях, сохранение своей культуры, и при этом было стремление к более высокому уровню развития. Главными факторами в этом процессе выступали переход народов к оседлости и распространение в их землях христианства. Если бы местные племена учились у русских и жили бы по соседству с ними, то оба народа могли бы стать богатыми и счастливыми, т.к. земли достаточно велики и плодородны, чтобы прокормить еще тысячи жителей. Для Радлова одним из способов приобщения коренного населения к цивилизации было воздействие на него крещеных сородичей, сохранивших свою национальную культуру. Причем этот способ признавался ученым наиболее эффективным по сравнению с влиянием чужих миссионеров [Там же: 183].

По мнению современных исследователей, такой подход В.В. Радлова обеспечивал высокую продуктивность в области разработки теорий общественного развития в условиях культурной диффузии, когда традиционная структура тюркских народов подверглась значительным изменениям [Султанова 2009: 22].

В работах Радлова находили отражение элементы самых разных научных теорий, например, эволюционизма и диффузионизма. Ранее в литературе было принято считать, что непосредственно против эволюционистских теорий был направлен исторический и этнографический диффузионизм [Токарев 1978: 134, 160]. Его последователи полагали, что история человечества сводится к распространению культурных явлений через торговлю, завоевания, переселения людей, что вся суть истории есть явления контактов, столкновений, заимствований,

переноса культур. Если эволюционисты рассматривали человека и его культуру абстрактно, вне времени и пространства, то диффузионисты вполне законно поставили вопрос о конкретных культурных связях между народами.

В.В. Радлов, совсем как диффузионист, отмечал большую сложность этнических процессов древности, роль миграций, «брожения» в жизни коренных и пришлых народов Сибири: «Не успеет обосноваться и достигнуть некоторой степени культуры одно племя, на смену ему является другое, более сильное физически, и едва ни в большинстве случаев, если не стирает с лица земли добытые упорным трудом следы культуры, то, во всяком случае, ослабляет культурное развитие» [Радлов 1884: 29].

Современная же наука выявляет формирование в России во второй половине XIX в. особенной традиции под влиянием разработок скандинавских ученых середины века [Платонова 2010: 615–616]. Ее суть сводилась к тому, что идея эволюции культуры органично уживалась с другой — **априорно отводившей** важную роль в историческом процессе миграциям и заимствованиям [Там же: 621]. В России этот «скандинавский подход» развивал К.М. Бэр.

Подход, намеченный Бэром, предполагал опору именно на данные лингвистики и проверку исходной гипотезы с помощью раскопок. Прежние обследования российских окраин, производившиеся Императорской академией наук (ИАН) и Русским географическим обществом (РГО), лишь по ходу дела дополнялись сведениями из области археологии и этнографии. К. Бэр, вслед за М.-А. Кастреном, важнейшую роль в историческом процессе отводил миграциям и заимствованиям с востока.

Нам кажется возможным предположить следующее. На формирование научного мировоззрения молодого В.В. Радлова в России мог оказать значительное влияние К.М. Бэр. Об их взаимоотношениях известно немного. А именно лишь то, что в 1858 г. Радлову удалось наладить связи с ним по приезду в Санкт-Петербург [Штернберг 1909: 6], а также и то, что

в 1864 г. академик Бэр ходатайствовал о продолжении субсидии Радлова [Артюх 2010: 15]. Однако в переписке В.В. Радлова 1861–1862 гг. с председателем Императорской археологической комиссии (ИАК) С.Г. Строгановым мы увидим четко оформленную мысль о важности сочетания этнографических и лингвистических исследований с археологическими [ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 22 — 22об.; АИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 8].

Там же Радлов определил и ряд методических приемов к изучению прошлого древних народов:

- 1) нанесение на карту местоположения древних памятников;
- 2) точное описание внутреннего устройства погребения;
- 3) составление подробного перечня найденных в могиле вещей с точным указанием мест, где они находились;
- 4) сбор народных преданий о древностях края.

Этот методический фрагмент мог быть составлен как раз под влиянием К.М. Бэра, особенно если принять во внимание содержание его «Записки о снаряжении археолого-этнографических экспедиций в пределах Российского государства» 1864 г. (подробнее о ней см.: [Платонова 2010: 618–621]). Можно предположить, что до публикации своей статьи К.М. Бэр уже делился своими соображениями с молодым исследователем древних тюркоязычных народов.

Сложной проблемой остается отношение В.В. Радлова к теории М.А. Кастрена. Радлов был солидарен со многими его гипотезами о происхождении аборигенного населения Саяно-Алтая, и это, в частности, отражено в его этногенетической картине Минусинской котловины [Артюх 2010: 90]. Однако отмечалось и скептическое отношение Радлова к идеям финского языковеда о родстве некоторых народов [Вайнштейн 1989: 661]. Нам хотелось бы обратить внимание на то, что ученый не только признавал родство самодийских и тюркских групп

населения Саяно-Алтая, но и еще, вслед за М.А. Кастреном, считал финно-угорские «племена» самодийскими по своему происхождению [Радлов 1874]. По признанию современных исследователей, алтае-саянская гипотеза происхождения урало-алтайской группы языков и их носителей получила обоснование на базе огромного материала, обретая в результате внутреннюю логику и научную строгость [Матющенко 1992: 25].

Современные исследования в области истории этнографии показывают, что основой российского востоковедения XIX в. стал эволюционизм, несмотря на некоторую рыхлость его концептуальной платформы, что именно эволюционизм стал базой для теоретических построений В.В. Радлова [Султанова 2009: 14].

Определение методики ученого в решении проблем этногенеза представляется на сегодняшний момент наиболее актуальным. Он выявлял происхождение народов, начальные этапы их развития и дальнейшее формирование их этнографических и лингвистических особенностей. В этом контексте, на наш взгляд, особенно важен такой аспект этнографических изысканий Радлова, как их комплексность.

С самого начала своей деятельности исследователь опирался на этнографические и лингвистические материалы. Важными источниками по изучению этногенеза тюркоязычных народов была для него их родоплеменная структура, в чем проявилось влияние М.А. Кастрена [Вайнштейн 1989: 654]. В экспедициях собирались сведения о родовом составе тюркских народов, которые были недостаточно известны в то время. Например, он первым описал родоплеменной состав кумандинцев, шорцев и ряда других народов [Там же: 655].

По результатам экспедиций В.В. Радлов опубликовал сводку, посвященную этническому составу тюркских племен Сибири и Монголии в статье «Etnographische Uebersicht der Türkenstämme Sibiriens und der Mongolei» (1883), а затем в 1887 и 1929 гг. в двух ее переводах на русский язык. Анализ родового состава тюркских народностей помог ученому выяс-

нить их происхождение. В статье приводились новые сведения по обширной группе тюркских народов от тофаларов (карагазов) в Сибири до узбеков в Средней Азии. В итоге научный мир смог ознакомиться со сложной и вместе с тем в определенной мере взаимосвязанной родовой структурой тюркских народов. Отдельные выводы исследователя были позднее уточнены и даже пересмотрены, но и поныне эта работа остается, пожалуй, одной из лучших сводок по этому вопросу.

Как уже отмечалось, ученый определял происхождение народов с опорой на данные родовой этнонимии. Этнонимы часто заимствовались разными народами независимо от их языковой принадлежности, в результате чего в этнонимических названиях нередко консервировались древние фонетико-морфологические и лексические явления [Васильев 1979: 7–8]. Поэтому материалы этнонимии в сочетании с другими источниками помогали исследователю выявлять либо автохтонное происхождение народов, либо пути их миграций. Помимо всего прочего, В.В. Радлов в своих путешествиях собирал и сведения об административном составе тюркоязычных народов, фиксировал наименования некоторых волостей. В совокупности с родовыми названиями все эти данные имели большое значение для этнонимических сопоставлений и позволяли очертить границы расселения родоплеменных групп в Южной Сибири.

Важным лингвистическим источником при изучении процессов этногенеза для Радлова являлись материалы топонимии. Ареалы распространения групп топонимов, оронимов, гидронимов, выявленные ученым, позволяли связать их с территорией расселения какого-либо этноса. Комплексный подход вполне последовательно использовался им и в этой области исследований. Записывая названия населенных пунктов, рек, горных вершин, он пытался зафиксировать их звучание на языке коренных народов и на русском языке, далее — дать их перевод, который поддерживался описанием географических свойств изучаемого объекта либо местными преданиями [Благова 1970: 83–84].

Нужно заметить, что В.В. Радлов видел и особо важную роль гидронимов в сибирской топонимии [Там же: 84]. Уже в 60-е годы XIX в. он совершил попытку интерпретировать своеобразие гидронимов Северного Алтая, бассейнов Томи и Чулыма во всем контексте изысканных им лингвистических, этнографических и историко-археологических данных [Там же: 86]. Там, где это удавалось, он привлекал сохранившиеся порой в устных преданиях аборигенов Сибири или в научной литературе сведения о миграциях сибирских народностей, сообщения о том, какие народности и племена были тюркизированы лишь впоследствии, а по своему этногенезу принадлежали к иномысличным группам (например, камасинцы). Все эти исследования уже в те времена соответствовали современным методикам топонимического анализа и полевого сбора топонимов, многие его идеи были впоследствии развиты в многочисленных трудах А.П. Дульзона [Там же: 86; Васильев 1979: 9].

Таким образом, можно вычленил еще один лингвистический источник, который использовал В.В. Радлов при решении проблем происхождения и исторического развития тюркских народов. Это фольклор, содержащий, прежде всего, сюжеты этногенетических преданий о происхождении или родственной взаимосвязи отдельных родов, об их передвижениях. Особую весомость фольклорные материалы приобретали в тех случаях, когда не было письменных источников о каких-либо исторических событиях.

Неоднократно в литературе отмечалась важная роль этнографических данных для решения проблем этногенеза и в первую очередь различных элементов, относящихся к сфере материальной культуры [Васильев 1979: 15]. В трудах В.В. Радлова мы также можем увидеть некоторые попытки использования этих методических приемов. Так, для него красноречивым свидетельством взаимовлияний племен южных и северных алтайцев были их схожие элементы одежды [Радлов 1989: 215]. Кроме того, ученый признавал роль этнической интерпретации археологических материалов с использованием этнографии истори-

чески известных народов. Так, обнаружив сенсационные материалы во время раскопок погребений в Катанде (шубы-фраки и другие виды одежды), он попытался связать их по внешнему сходству с древними тюрками («хагасами» по китайским источникам). А наскальный рисунок всадника в полосатой обуви (р. Июс) — с предками алтайцев, носивших полосатые чулки [Радлов 1989: 476, 477]. Такой опыт использования данных современной этнографии при восстановлении древнего прошлого племен позволял ученому в конечном итоге связывать воедино историю развития древних и современных ему народов.

Вообще же материалы археологии имеют особое значение для установления территорий и границ расселения этнических групп Сибири в древности, комплекса их хозяйственных занятий, специфических черт материальной культуры и быта и в конечном итоге решения проблем этногенеза [Васильев 1979: 9–10]. Это понимал и В.В. Радлов. Уникальность его научных изысканий заключалась в использовании всех этих источников во взаимосвязи, в комплексе.

Так, на основе этнографического изучения Саяно-Алтая и Минусинской котловины В.В. Радлов высказал множество новых мыслей об этнической истории тюркоязычных групп этого региона. И лишь после широкомасштабных археологических раскопок в Минусинской котловине и Красноярском крае он дополнил их выводами об этногенезе, причем предметом исследования стали древнейшие погребения эпохи бронзы, а также поздние памятники XVII–XVIII веков на Чердате и Кие [Радлов 1989: 438–440, 477–480]. Определение этнической принадлежности народов, оставивших последние курганы, облегчалась этнолингвистическим изучением местных народов — чулымских татар.

Нам кажется важным кратко, в обобщенном виде описать эту этногенетическую картину на территории Саяно-Алтая по представлениям В.В. Радлова. В данном регионе еще с самой древности протекали сложные этнические процессы [Радлов 1874]. С эпохи бронзы важную роль в них играли кетоязыч-

ные племена, распространившиеся позднее на север. В степных районах Присаянья, в частности в Минусинской котловине, по мнению В.В. Радлова, процессы тюркизации аборигенных племен были начаты кыргызами, взаимодействовавшими там главным образом с енисейскими осятками (кетами), а также с самодийцами. Позднее, в XVIII—XIX веках, линия тюркского этногенеза была продолжена другими тюркскими племенами, сложившимися на нетюркской аборигенной основе. Вместе с тем ученый полагал, что непосредственные предки абаканских (минусинских) татар, за исключением койбалов, говорили на тюркских наречиях уже во время переселения в долину Абакана.

Комплексный характер его исследований проявлялся и в попытках использовать естественнонаучные методы для анализа состава древних металлических предметов. Так, Радлов в процессе изучения бронзолитейного производства обратился к химическому анализу бронзы, результатом которого стало выявление отличий в составе бронзовых сплавов, применявшихся для литья предметов на Алтае и Енисее [Радлов 1989: 422—423]. Современной науке известна роль антропологических материалов при изучении процессов формирования отдельных этнографических групп, особенно в пограничных и контактных с другими народностями районах их расселения. В.В. Радлов осознавал необходимость палеоантропологических характеристик для изучения происхождения и дальнейшего развития тюркоязычных народностей, а также необходимость антропологических наблюдений над современными ему народами [АИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 11 об., 20 об.; Радлов 1989: 188, 202, 209, 250—253]. По крайней мере, он всегда старался обратить свое внимание на физические и физиогномические особенности разных племен. Иногда эти наблюдения позволяли ему определить их этническую принадлежность, особенно в совокупности с другими научными данными (лингвистическими, археологическими, этнографическими).

Конечно, Радлов понимал всю значимость антропологии для изучения этногенеза древних народов, но не владел ее научными методами. Так, в 1863 г. молодой археолог передал в анатомический кабинет ИАН четыре черепа из восьми, найденные в курганах Абаканской долины [АИИМК. Ф. 1. 1863 г. Д. 20. Л. 1, 3 об.; Ф. 1. 1863 г. Д. 8. Л. 12 — 12 об.]. В.В. Радлов просил С.Г. Строганова — председателя ИАК, отослать два черепа качинцев, случайно вырытых им, академику К. Бэру [АИИМК. Ф. 1. 1863 г. Д. 8. Л. 12 об.]. Карл Максимович (Эрнест) Бэр с 1842 г. руководил анатомическим кабинетом Кунсткамеры и положил начало собиранию ее антропологической коллекции. Он первым в России применил метод краниологии для исследования происхождения этнотерриториальных групп человека.

Еще одной категорией источников, которую привлекал В.В. Радлов для решения вопросов этногенеза, была группа исторических источников. Часто изложение Василием Васильевичем каких-либо новых данных о тюркоязычном населении сопровождалось историографическим разделом, содержащим информацию об исследуемых народах. Он извлекал эти сведения из древних китайских хроник, средневековых русских документов, а также из архивных материалов об экспедициях Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллера и Г.М. Гмелина, из географических сводок о России П.П. Семенова.

Таким образом, можно утверждать, что В.В. Радлов во второй половине XIX в. опирался на методологию комплексного изучения этногенеза народов Сибири. Сочетая методы разных наук, используя сведения широкого круга источников, он получал принципиально новые знания о происхождении и дальнейшем развитии тюркоязычного населения. Вообще попытка применить комплексный подход стала важным отличительным признаком отечественной тюркологии, тем более что специфика и особенности ведения полевой работы не подвергались специ-

альному исследованию и развивались в большей степени экспериментальным путем [Султанова 2009: 19–20].

По результатам этнографических экспедиций, совершенных не только в алтайский период своей жизни, но и в 1886 г. — в Крым (крымско-татарский язык), в 1887 г. — в Литву и Вольнь (караимский язык), В.В. Радлов составил этнолингвистическую «Карту расселения народов» [СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 28. Л. 6]. В литературе сформировалось мнение о том, что именно деятельность В.В. Радлова стимулировала интерес к экспедиционной деятельности академического востоковедения, предпочитавшего ранее «кабинетный» стиль работы [Султанова 2009: 12].

Подводя итоги теоретической основы этногенетических изысканий В.В. Радлова, следует подчеркнуть влияние таких распространенных во второй половине XIX в. научных теорий, как географический детерминизм, эволюционизм, диффузионизм, социальный дарвинизм. Однако важно понимать, что он не являлся последовательным приверженцем какой-либо из них. Вообще в его работах практические результаты научных изысканий всегда преобладали над теоретическими. В.В. Радлов был очень подвержен обычным увлечениям путешественника, считавшего возможным судить о прошлом исключительно по наблюдениям над современной жизнью и по добытым им лично материалам [Бартольд 1976: 679, 680]. Да и в целом российской тюркологии не было свойственно увлекаться теоретическими конструкциями, т.к. для российских специалистов теорию диктовала действительность [Султанова 2009: 21].

Источники

АИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4.

ГА АК¹. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785.

СПФ АРАН. РАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 28.

¹ Государственный архив Алтайского края.

Библиография

- Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. М., 1985.
- Артюх Е.А. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова. Барнаул, 2010.
- Бартольд В.В. Сочинения. М., 1976. Т. 9.
- Благова Г.Ф. В.В. Радлов и изучение топонимии Сибири // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970. С. 80–90.
- Вайнштейн С.И. В.В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 640–682.
- Вайнштейн С.И., Кляшторный С.Г. В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // Тюркологический сборник — 1971. М., 1972. С. 20–31.
- Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979.
- Масанов Э.А. К истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966.
- Матющенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск, 1992.
- Платонова Н.И. Карл Максимович Бэр и начало исследований первобытных древностей России // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 611–622.
- Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.
- Радлов В.В. Древние аборигены Сибири // Живописная Россия. 1884. Т. XI. С. 3–30.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.
- Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика // Записки ИАН. LXII. 1893. Кн. 1.
- Радлов В.В. Очерки Сибири // Новое время. 1874. № 2. № 8.
- Султанова А.А. Социально-антропологическая тематика в научном наследии дореволюционных тюркологов. М., 2009.
- Сухова Н.Г. Карл Риттер и географическая наука в России. Л., 1990.
- Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.

Циркин А.В. В.В. Радлов — исследователь Южной Сибири XIX столетия // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 51–54.

Штернберг Л.Я. Из жизни и деятельности В.В. Радлова // Живая старина. 1909. XVIII. Вып. 2–3. С. I–XXV.

Р.М. Валеев

**ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ:
ПИСЬМА Н.Ф. КАТАНОВА В.В. РАДЛОВУ
(конец XIX — начало XX в.)**

Замечательный сын хакасского народа, выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1888), заведующий кафедрой турецко-татарской словесности, профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов (1894–1922) — один из тех ярких ученых и мыслителей, которым довелось внести серьезный вклад в российскую науку, образование и культуру. Его жизненный путь и деятельность отражают важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения, в том числе тюркологии рубежа XIX–XX веков.

Н.Ф. Катанов со студенческих лет в Петербурге (1884–1888), времени его основных экспедиций в Южной Сибири и Восточном Туркестане (1889–1892), а также преподавательской работы в Казани (1894–1922) был тесно связан со своим учителем и наставником В.В. Радловым. Биографы Н.Ф. Катанова справедливо отмечали роль академика В.В. Радлова в изучении студентом Катановым общетюркской фонетики в 1885–1888 гг.

В 1909 г., уже будучи профессором Казанского университета, Н.Ф. Катанов так оценивал роль своих первых наставников: «Н.М. Ядринцев вдохновлял меня к исследованию быта и истории инородцев, Г.Н. Потанин — к записям произведений

народного творчества по строго определенной системе с целью выяснения общих мотивов и черт и заимствований, В.В. Радлов настаивал к точной записи произведений словесности с целью определения, так сказать, родства и свойства разных инородческих наречий и языков, а Э.Ю. Петри убеждал в необходимости предварительного изучения европейских авторов, писавших об инородцах» [Катанов 1909: 266].

Как известно, в истории отечественной тюркологии Казань и Санкт-Петербург сыграли исключительную роль. Интересы В.В. Радлова и Н.Ф. Катанова были тесно взаимосвязаны, и эти центры российской тюркологии также сыграли важную роль в их творческих биографиях. В настоящей статье я бы хотел обратить внимание лишь на некоторые забытые и малоизвестные страницы истории российской тюркологии, а также на творческую связь двух известных тюркологов XIX — начала XX в.

Символичными представляются события, связанные с приглашением В.В. Радлова на преподавательскую работу в Казанский университет в 70–80-х годах XIX в. В январе 1871 г. Н.И. Ильминский зачитал доклад на историко-филологическом факультете, в котором обосновал необходимость приглашения В.В. Радлова «на имеющуюся в Казанском университете вакансию одного из положенных по штату двоих преподавателей восточных языков» [НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 897. Л. 22]. Основная часть доклада был посвящена описанию научных поездок В.В. Радлова по Алтаю (1860), Восточной киргизской степи (1862), Хакасии (1863) и Семиречью (1868–1869) и оценке его основных лингвистических, фольклорных, этнографических работ.

Н.И. Ильминский отмечал: «Я перечислил труды г. Радлова далеко не обстоятельно и не все, потому что не имею под руками полных к тому данных. Но полагаю, что и вышенаписанного достаточно для убеждения в научных достоинствах его работ и в его ученом призвании. Со своей стороны могу смело утверждать, что по богатству, основательности и разнообра-

зию знания в тюркских наречиях, приобретенного притом из первичных, непосредственных источников, г. Радлов не имеет себе равных» [Там же]. Этот материал — яркое свидетельство тесных взаимоотношений Н.И. Ильминского и В.В. Радлова в период алтайской деятельности последнего в 1859—1871 гг. Н.И. Ильминский особо подчеркивал тот факт, что «в последнее <...> свидание мое с г. Радловым он мне, между прочим, высказал, что теперь Барнаул не может уже служить удобным местом для его лингвистических экскурсий, потому что почти все тюркские наречия Сибири и соседственных с нею местностей им обследованы, — по ходу его занятий, поле его изысканий должно переступить по сю сторону Урала» [Там же].

В своем докладе Н.И. Ильминский высказал идею передачи В.В. Радлову турецко-татарской кафедры, при этом докладчик просил оставить за ним преподавание арабского языка в университете. В конце доклада Н.И. Ильминский заявил: «Масса наречий и подречий тюркских в Европейской России нашла бы в г. Радлове неутомимого и опытного исследователя. Работы ему еще много даже по собиранию материалов, а затем он имеет в виду составить сравнительный лексикон для тюркских наречий и, наконец, сравнительную грамматику их» [Там же: Л. 22 об.].

В 1884 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук Н.И. Ильминский уступил В.В. Радлову открывшуюся вакансию ординарного академика по части ориентализма [Библиографический словарь 1989: 66—70].

А.Н. Кононов, оценивая казанский период деятельности В.В. Радлова, отмечал, что «жизнь в Казани, в одном из главных центров научного языкознания тогдашней России, участие в кружке И.А. Бодуэна де Куртенэ не могли не пробудить у Радлова интереса к проблемам общего языкознания, которые, однако, он неизменно рассматривал через призму хорошо известного ему тюркского лингвистического материала» [Кононов 1972: 12].

В начале 80-х гг. XIX в. в связи с возрождением восточноведческих кафедр Казанского университета — угро-финской и турецко-татарской филологии — профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ также предложил пригласить на преподавательскую работу В.В. Радлова, который в тот период занимал пост инспектора татарских, башкирских и киргизских (точнее, казахских) школ Казанского учебного округа. В.В. Радлов согласился перейти в университет в марте 1883 г., заявив И.А. Бодуэну де Куртенэ, что «его побуждает к этому главным образом желание, освободившись от разных занятий чисто административного характера, совершенно отвлекающих его от науки, посвятить себя всецело своей специальности, а в частности, кроме преподавательской деятельности, постепенной окончательной обработке и изданию собранных им материалов и основанных на них трудов» [НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1249. Л. 3 об.].

Как было отмечено, избрание В.В. Радлова ordinарным академиком по литературе и истории азиатских народов (июнь 1884 г.) не позволило осуществить перспективные учебные и научно-организационные мероприятия в университете по преподаванию тюркских языков.

Об истории избрания В.В. Радлова в академию свидетельствуют письма известных российских востоковедов, — они приведены в приложении к статье. Это два письма основоположника Петербургской школы востоковедов арабиста В.Р. Розена, письмо неперменного секретаря Академии наук экономиста К.С. Веселовского казанскому тюркологу Н.И. Ильминскому, а также письмо востоковеда, археолога и нумизмата В.Г. Тизенгаузена инспектору татарских, башкирских и казахских школ Казанского учебного округа В.В. Радлову. Послания датируются 1881–1884 гг.

Эти источники особенно интересны для осмысления истории университетской и академической ориенталистики в России и дополняют сведения о тесных личных и профессиональных связях ученых-востоковедов Санкт-Петербурга и Казани в последней четверти XIX в. Эти материалы позволяют отметить

сохранявшуюся значимость казанского центра востоковедения и роль ряда его представителей второй половины XIX — начала XX в. Указанные письма для нас важны тем, что, во-первых, являются автографами крупнейших российских востоковедов XIX в., во-вторых, в письмах В.Р. Розена и К.С. Веселовского изложено личное предложение Н.И. Ильминскому занять должность ординарного академика по разряду ориентализма и дана высокая оценка его вклада в востоковедение, в-третьих, здесь мы находим уникальную оценку состояния академического востоковедения, его тюркологической составляющей и роли некоторых отечественных ученых. Наконец, в-четвертых, в письмах особенно остро чувствуются личное настроение и позиция человека и ученого, и они несомненно значимы в изучении научных биографий российских академиков-востоковедов XIX в.

Значительный период в истории казанской университетской тюркологии 90-х годов XIX в. — первых двух десятилетий XX в. связан с педагогической и научной деятельностью Н.Ф. Катанова, ученика В.В. Радлова, возглавлявшего кафедру турецко-татарской филологии Казанского университета с 1894 г. на протяжении почти 30 лет. Следует отметить, что богатое эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова сыграло большую роль в истории отечественной тюркологии: первые письма, которые он начал адресовать своим наставникам, друзьям и коллегам, датируются 1884 г. Переписка продолжалась до самой его смерти в 1922 г.

Письма дают возможность осветить и оценить многие значимые события творческой биографии Н.Ф. Катанова, которые оставались долгие годы вне поля зрения многих исследователей, изучавших его жизненный путь. Из них мы узнаем, например, что отсутствие в Казанском университете и Казанской духовной академии полноценных условий для изучения восточных языков предопределило окончательное решение Н.Ф. Катанова поступать на Восточный факультет Санкт-Петербургского университета [Покровский 1928: 247]. В принятии этого реше-

ния особую роль сыграли первые наставники будущего ученого: Н.И. Ильминский и В.В. Радлов.

Важным рубежом жизненного и профессионального пути Н.Ф. Катанова стало путешествие 1889–1892 гг. в Центральную Азию с целью изучения языков и этнографии тюркских народов, организованное и поддержанное Русским географическим обществом (образовано в 1845 г.), Петербургской Академией наук и Министерством народного просвещения. Идея организации данного путешествия связана с обсуждением записки В.В. Радлова о перспективности «исследования остатков тюркских племен на крайнем Востоке» на заседании Отделения этнографии Императорского Русского географического общества 11 декабря 1887 г. [Известия... 1888: 421–423]. На заседании было решено представить записку в Совет Общества.

В этой записке В.В. Радлов дал высокую оценку студенту IV курса восточного факультета Санкт-Петербургского университета Н. Катанову. Радлов писал: «Он занимался со мною в течение трех лет и издал уже при Академии несколько статей, касающихся своего родного говора. Из слов профессоров его и из собственных наблюдений я убедился в его усердии, способностях, преданности к науке и знаниях его по избранным предметам, так что нельзя найти более подготовленного и более способного лица для исполнения вышеупомянутого предприятия» [Известия... 1888: 469]. Он также просил Совет общества выделить в смете 1888 г. 1000 руб., создать «комиссию для составления подробного плана» экспедиции, а также обещал «ходатайствовать об ассигновании г. Катанову субсидии из штатных сумм Императорской Академии наук».

Особый интерес представляют практически забытые письма Н.Ф. Катанова В.В. Радлову, написанные в период этого научного путешествия. В сентябре 1893 г. в своем предисловии к их изданию В.В. Радлов отмечал, что в них «немало сведений, новых и интересных для этнографии и туркологии». Основоположник комплексных историко-этнографических и лингвистических экспедиций среди тюркских народов Сибири второй по-

ловины XIX в., В.В. Радлов обращал внимание читателя на то, что письма его ученика «представляют особый интерес потому, что описаны на местах исследований и под свежим впечатлением» [Письма... 1893: 1]. Именно его ученику было суждено продолжить комплексные тюркологические лингвистические, фольклористические и этнографические исследования в Центральной Азии в конце XIX в.

Также следует обратить пристальное внимание на все еще полностью не опубликованные письма Н.Ф. Катанова Радлову периода переезда последнего из Казани в Санкт-Петербург. В приложении к статье мы приводим одно из таких писем, написанное во время путешествия в 1890 г. из укрепления Бахты Семиреченской области. Также очень интересны письма Н.Ф. Катанова, адресованные другим известным отечественным востоковедам — В.Р. Розену (1849–1908), Э.К. Пекарскому (1858–1934), С.Ф. Ольденбургу (1863–1934), К.Г. Залеману (1849–1916). Письма Н.Ф. Катанова В.В. Радлову, которые сохранились в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, дают интересный материал о неизвестных страницах истории отечественной тюркологии, научных и личных связях отечественных ученых и заставляют задуматься о состоянии и перспективах российской тюркологии и культуры народов России рубежа XIX–XX веков.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо В.Р. Розена Н.И. Ильминскому

Получено 7 октября 1881 г.

Глубокоуважаемый Николай Иванович.

В мае месяце текущего года Академия наук лишилась в лице Б.А. Дорна¹ своего ординарного академика по кафедре мусуль-

¹ Дорн Борис Андреевич (Иоганес Альбрехт Бернгардт) (1805–1881), востоковед, языковед, член Академии наук, экстраординарный академик

манских языков. Наступившие затем каникулы помешали всяким предложениям о замещении оной вакансии. Ныне же я позволил себе, в беседах об этом предмете, упомянуть Ваше имя как имя достойнейшего кандидата и встретил, как и следовало ожидать, горячее сочувствие со всех сторон. Но для формального предложения нужно, конечно, согласие Ваше, и цель настоящего моего письма заключается именно в том, чтобы просить Вас дать это согласие.

Академия уже давно должна была заботиться о том, чтобы принять Вас в число своих действительных членов, и она, конечно, теперь, когда по случаю открывшейся вакансии ординарного¹ академика ей представляется возможность предложить Вам эту кафедру, исполнить² только свой долг избранием именно Вас. Я знаю очень хорошо, что Вы имеете в Казани дело, которому Вы горячо преданы и которое до известной степени держится именно Вашим трудом и Вашей заботой. Но мне кажется, что и здесь в Петербурге Вы найдете возможность следить за этим делом и поддерживать его самым действительным и плодотворным образом, именно образованием новых деятелей по татарскому языкознанию. Вы согласитесь со мной, что мы именно нуждаемся в знатоках тюркско-татарских языков; русский ориентализм не может же выпустить из своих рук ту именно область, в которой он по самой природе вещей должен быть впереди западных ориенталистов, и государство не менее заинтересовано в образовании знатоков этих языков. Между тем у нас при нынешнем положении вещей весьма мало надежды на оживление этой отрасли ориентализма. Что таково не мое только личное мнение, это Вы узнали, вероятно, уже из

(1842), ординарный академик (1852), директор Азиатского музея в 1842–1881 гг. Преподавал в Харьковском (1829–1835), в Петербургском (1838–1842, 1855–1857) университетах, в Учебном отделении восточных языков МИД России (1834–1843). Директор Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (1844–1869).

¹ Выделение чертой соответствует выделению в документе.

² Так в документе.

письма И.Н. Березина¹, компетентность которого в этом деле не подлежит сомнению.

Ваш приезд принес бы огромную пользу как Академии, так и Университету, и я убежден, что именно при ближайшем знакомстве с нашей факультетской учащейся молодежью Вы найдете, как много богатых сил встречается в ее среде и как она доступна (за немногими исключениями) влиянию профессоров при некотором старании со стороны сих последних. Вам не трудно будет образовать школу русских татаристов, и этим Вы окажете чрезвычайно большую услугу русской науке, русскому государству. Это убеждение дает мне смелость просить Вас согласиться на представление Вашей кандидатуры в Ак[адемию] наук и внушает мне некоторую надежду на исполнение Вами этой просьбы.

С величайшим удовольствием я постараюсь дать Вам все сведения, какие могут Вам понадобиться, относительно материальных условий здешней жизни и пр. и пр., Вы мне пишете, что Вы в принципе согласны на переселение в Петербург.

В заключение прошу Вас, многоуважаемый Николай Иванович, принять уверение в глубоком почтении и совершенной преданности, и [...]².

Ваш покорный слуга В. Розен.

Адрес: барону Виктору Романовичу Розену,

Фурштатская ул., д. 25, кв. 11.

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 12–14.

¹ Березин Илья Николаевич (1818–1896), тюрколог, выпускник Восточного разряда Казанского университета (1837), профессор, преподаватель турецко-татарского языка в Казанском (1846–1855) и Петербургском (1855–1896) университетах.

² Слово написано неразборчиво.

Письмо В.Р. Розена Н.И. Ильминскому

22 ноября 1882 г.

Фурштатская 25, кв. 11

Многоуважаемый Николай Иванович,

Ваше письмо от [...] ¹ окт[ября] дошло до меня благополучно, но разрушило все мои надежды и вызвало искреннее сожаление моих сочленов о том, что Академия лишается таким образом возможности видеть Вас в числе ее действительных членов. Согласно Вашему желанию я никому не показывал Вашего письма и как причину Вашего отказа приводил то, что Вы сами указали, т.е. Вашу деятельность по инородческому образованию. Но я не могу не выразить Вам глубокого моего убеждения, что Вы ставите Академию и академиков слишком высоко и себя ставите слишком низко. Во всем нашем отделении (историко-филологическом) только один О.Н. Бётлинг[к] ², строго говоря, вполне компетентен как судья о Ваших трудах, и он в ответ на посланный ему запрос насчет Вашей кандидатуры прислал одному из нас (именно А. Науку) [...] ³ письмо, в котором он горячо одобряет наше предположение и весьма лестно отзывается о Вас.

Лично я жалею еще более о том, что нашему Университету также не придется считать Вас своим. Я убежден, что будущность науки у нас в руках университетов, а не Академии, если последняя останется в таком виде и положении, как теперь.

При всем том я вполне понимаю отказ Ваш и уважаю причины, вызвавшие его. Раз в человеке утвердилось убеждение, что он по тем или другим причинам не может исполнять известное дело — как бы ни странным казалось такое убеждение

¹ Цифра не читается, лист поврежден.

² Бётлингк Оттон Николаевич (1815–1904), санскритолог, член Петербургской академии наук, экстраординарный академик (1845), ординарный академик (1855).

³ Слово зачеркнуто.

другим — было бы просто грешно постараться поколебать это убеждение. Мучительность таких сомнений в собственных силах я сам слишком, к сожалению, хорошо испытал и никому не желаю их. Нет ничего тягостнее, чем мысль, что не удовлетворяешь требованиям данного положения.

Во всяком случае, я прошу Вас, многоуважаемый Николай Иванович, позволить мне надеяться, что Вы сохраните мне ту симпатию и то доброе расположение, которые проглядываются в каждой [...]¹ строке Вашего письма и которым я чрезвычайно дорожу.

С искреннейшим уважением преданный Вам В. Розен.

Р. S. Рукопись перевода Абул-Гази, сделанного покойным Саблуковым², прислана, как мне сообщил В.Г. Тизенгуазен, и хранится теперь в Археологическом обществе.

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 — 3 об.

Письмо К.С. Веселовского Н.И. Ильминскому

12 января 1882 г.

Милостивый государь, Николай Иванович.

Члены историко-филологического отделения Императорской академии наук, обсуждая вопрос об усилении своего состава по разряду ориентализма, весьма ответственно не могли, прежде всего, не остановиться на тех превосходных трудах, которые доставили Вашему превосходительству бесспорно первое место в ряду современных русских ориенталистов, и полагают, что одно из вакантных в Академии мест ординарного академика по восточной части должно по всем правам и бесспорно

¹ Слово не читается, лист поврежден.

² Саблуков Гордий Семенович (1804–1880), тюрколог и исламовед, миссионер, преподавал восточные языки в Саратовской духовной семинарии (1830–1849) и Казанской духовной академии (1849–1880).

принадлежать Вам. Поэтому Академия, исполняя давнишнее свое желание, хотела бы предложить Вам именно это место, но к осуществлению этого желания представляется одно обстоятельство, которое вполне зависит только от Вас.

Со службою в Академии в звании академика неразрывно связано условие жительства в Петербурге, поэтому позвольте просить Вас об уведомлении меня — будете ли Вы согласны на переход на службу в Академию и на переселение Ваше в Петербург. Для соображения Вашего могу лишь прибавить, что со званием орд[инарного] академика соединено в содержании в 3000 руб., а именно: жалованье — 1800, столовых — 900, квартирных — 300 и затем в перспективе — вместо этих 300 руб. — квартира в натуре в одном из домов Академии, как скоро таковой откроется. С нравственной стороны: более обширное поприще для ученых занятий, представляемое в особенности богатствами нашего Азиатского музея, и самое приятное отношение в ученых кружках Петербурга, которые, я уверен, откроются для Вас самым радушным образом. Наконец, и с материальной стороны в Петербурге, без сомнений, мог бы для Вас представиться случай для улучшения быта, в особенности в существующих здесь высших учебных заведениях.

Вам, конечно, принадлежит решить этот вопрос с точки зрения Ваших личных интересов. Я же со своей стороны могу только удостоверить Ваше превосходительство, что вступлением в Академию Вы бы исполнили наше давнишнее, задушевное желание и встретили бы в Академии самый радушный прием.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

К. Веселовский (подпись).

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 1 — 1 об., 4.

Письмо В.Г. Тизенгаузена В.В. Радлову

Санкт-Петербург
12 апреля 1884 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Любезное письмо Ваше от 2-го апреля я получил 10-го и вчера отправился в Эрмитаж, чтобы сообщить содержание его А.А. Кунику¹, но не застал его там, и поэтому только сегодня мог переговорить с ним о Вашем деле. Он вполне одобряет мысль Н.И. Ильминского и готов со своей стороны всячески поддержать Вашу кандидатуру в Академию, когда она уже будет заявлена, но просил меня сообщить Вам, что всякое предварительное посредничество его по этому делу только может повредить успеху дела, потому что немедленно возбудить² подозрение во враждебно относящихся к нему сотоварищах, что он заботится не о привлечении в Академию новой научной силы, а [хочет]³ о подготовке себе одномыслящего партнера. Вот до чего дошли дела академические. Наука играет там уже второстепенную роль, и при новом выборе академика весь вопрос состоит в том, насколько предлагаемый кандидат и предлагающий его академик удобны для той партии, которая заправляет ходом дела и водит за нос своего недальновидного президента. <...> Сообщаю Вам это без всякого раздражения.

Мои отношения к Академии для Вас совершенно не пригодны. После прошлогодней моей заметки в «Нов[ом] времени» о жалком положении нашего Азиат[ского] музея и академического ориентализма, она, вероятно, предала меня анафеме. Следовательно, Ваш покорнейший слуга — самое неподходящее лицо, о котором Вы только могли подумать для увертюры Вашего дела. На мой взгляд, Н[иколай] Ив[анович], как член-

¹ Куник Арист Аристович (Эрнест Эдуард) (1814—1899), историк, член Академии наук, экстраординарный академик (1850).

² Так в документе.

³ Слово зачеркнуто.

корреспондент Академии обязанный, некоторым образом, заботиться о научных интересах ее, и как лицо, совершенно не причастное к академическим дрязгам, а потому и немогущее быть заподозрено в каких-нибудь личных тенденциях, поступил бы как нельзя лучше, если бы в письме к непрем[енному] секретарю не только высказал прямо свои убеждения и свои доводы на Ваше право занять академическое кресло, но и просил бы Веселовского довести об этом до сведения конференции и президента Академии.

Куник советует еще отложить дело до тех пор, пока будет окончено печатание в «Записках» Академии Вашей статьи о языке куманов.

С большим интересом буду ожидать развязки этого дела. Прошу Вас передать от меня Ник[олаю] Ивановичу низжайший поклон. Очень жалею, что летом не остался еще лишний денек в Казани, чтобы повидаться с ним. Недели через 3 или 4 оканчиваю печатание 1-го тома моего «Сборника материалов для истории Золотой Орды». Тогда пришлю Вам и ему по экземпляру.

С пожеланием Вам всякого успеха в задуманном деле, искренне преданный Вам В. Тизенгаузен (подпись).

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 11 — 11 об., 15 — 15 об.

Письмо Н.Ф. Катанова В.В. Радлову

Укрепл. Бахты (Семиречен. обл.)
ноября 27 дня 1890 года.

Почтеннейший Василий Васильевич!

Прилагая при сем доверенность, засвидетельствованную здешним участковым начальником от 27 нояб[ря] с. г. за № 1.332, осмеливаюсь беспокоить Вас своею просьбою: получить из Министерства и выслать мне командировочную сумму по адресу: «В укрепление Бахты (Семиреченской области) Н.Ф. Катанову».

Если получите деньги, не замедлите выслать, потому что в сию минуту осталось у меня только 30 р. 16 к. Если выйдут эти деньги, не знаю, что делать. В займы взять не у кого. Придется разве только брать частные работы. Вышлите мне еще 30 рублей за урянхайские ¹ вещи, к[отор]ые я послал частною посылкою в 1889 г. Если придется поехать в Хами, то прошу выхлопотать мне из Пекина китайский открытый лист, иначе придется где-нибудь положить голову. Если буду я назван купцом, то тогда хоть с места не двигайся, потому что китайцы оберут всего и везде станут придирааться. Без открытого листа будет худо еще потому, что много уйдет денег на подарки чиновникам. Недавно один сарт² из Чугучака передавал как слух, что в Китайском Туркестане поговаривают о возмущении против китайцев, имеющем скоро быть. Главная причина — излишние поборы и вымогательства, которыми более всего отличаются ваны (амбани) городов: Каргалька, Кони-Турфана, Ло-гу-чена и Хами. В видах этого многие дунгань³ будто бы вывезли своих стариков, жен и детей в Русский Туркестан. Не

¹ Тувинский народ.

² Сарты — тюркоязычные этносы (узбеки).

³ Дунгане — китаеязычный народ, проживающий в Центральной Азии (Синьцзянь (КНР), Киргизии, Казахстане, Узбекистане. Потомки китаеязычных мусульман хуэйцау.

знаю, случится ли что, Во всяком случае, открытýй лист из Пекина необходим.

Материалы минусинских татар¹, сартов Восточного Туркестана и Дзунгарских киргизов я переписываю, чтобы послать Вам.

За неимением средств телеграммы посылать не буду. Здесь пробуду долго. Пишите. Клаянюсь. Желательно получить денег как можно больше.

Н. Катанов

СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 125. Л. 6 — 7 об.

Источники

НА РТ². Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 897. Л. 22.

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 — 3 об.

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 1 — 1 об., 4.

НА РТ. стан. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 11 — 11 об., 15 — 15 об.

НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 38. Л. 12—14.

НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1249. Л. 3 об.

СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 125. Л. 6 — 7 об.

Библиография

Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. 2-е изд. М., 1989.

Валеев Р.М. «Мы именно нуждаемся в знатоках тюркско-татарских языков» (Казань и академический ориентализм в России в XIX в.) // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2006. № 2. С. 66—70.

Известия императорского русского географического общества. 1888. СПб., 1889. Т. XXIV.

Катанов Н.Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Записки Русского географического общества. Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. 1909. Т. XXXIV. С. 265—288.

¹ Минусинские татары — современные хакасы.

² Национальный архив Республики Татарстан.

Кононов А.Н. В.В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. С. 7–16.

Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Читано в заседании историко-филологического отделения 9-го января 1890 года. СПб., 1893.

Покровский И.М. Памяти проф. Н.Ф. Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии. 1928. Т. XXXII. Вып. 2. С. 245–259.

И.И. Дрёмов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭТНОНИМА «КАЛМАК»

Научные труды В.В. Радлова заложили фундамент для различных направлений ориенталистики, без чего современное востоковедение немислимо. В.В. Радлов являлся выдающимся ученым в таких областях науки, как языкознание, лингвистика, этнография, археология. Написав целую библиотеку классических, порою многотомных трудов, он не был кабинетным ученым. Научные материалы он получал в многочисленных экспедициях на Алтай, в Барабинскую и Киргизскую степи, в Минусинскую котловину, Монголию, Крым, Литву, Вольнь.

В первую очередь имя В.В. Радлова ассоциируется с его достижениями в исследовании тюркских языков, этнографии, фольклора и археологического наследия, но значение их заметно шире. Как сам исследуемый материал, так и территориальный охват его неизбежно отражал переплетение различных культурных, этнических и языковых традиций. Наглядным примером сложных тюрко-монгольских взаимосвязей может служить этноним «калмак». Считается, что это слово тюркского происхождения, имеющее значение «отсталые», «оставшиеся» и т.д., которым тюрки-мусульмане называли язычников-монголов.

Изучение местного тюркского языка В.В. Радлов начал в 1860 г. путем общения с телеутом Чевалковым, которого он вывез в Барнаул и учился у него телеутскому языку. Несмот-

ря на то что телеутский язык относится к алтайской подгруппе тюркской языковой семьи, русские называли телеутов, начиная со знакомства с ними в конце XVI в., «белыми калмаками» («калмыками»), в отличие от монголоязычных ойратов, которых называли «черными калмыками». В.В. Радлов писал, что «теперь все племена, подчинившиеся русской короне, называют себя алтайцами, а племена, находившиеся во власти Китая, а затем возвратившиеся уже как китайские подданные в Россию на свои прежние насиженные места в Восточном Алтае и до 1866 года платившие дань китайцам и русским, — двоеданцами. И алтайцы, и двоеданцы сохранили еще память о своей принадлежности к калмыцкому государству, а поэтому часть их называет себя "калмак" или "ойрот", хотя за последнее время это племенное название все больше забывается. Настоящее название этого народа — теленгиты, или теленгеты, но сохраняется оно лишь в сознании двоеданцев, <...> когда-то алтайские горные калмыки составляли вместе с телеутами обширный тюрко-язычный народ» [Радлов 1989: 123].

Проблема с этнонимом «калмак» заключается не только в том, что этим именем в России называли столь разные народности, относящиеся к различным языковым группам. Остаются спорными и такие вопросы, как происхождение, распространение и семантика этого названия. Вопрос о возникновении этнонима «калмак», «калмык» от тюркского «оставаться», как и о происхождении самих калмыков от западных монголов — ойратов — никогда не вызывал серьезных расхождений и дискуссий. Современные калмыки являются потомками кочевых западномонгольских племен, входивших в союз дербен-ойратов, переселившихся из Западной Монголии и Джунгарии в Казахстан, Южную Сибирь, а затем на Волгу в первой половине XVII в. Обитавшие здесь тюркоязычные народы, а вслед за ними русские и западные европейцы называли ойратов «калмаками», а позднее «калмыками». Сами же волжские калмыки в XVII–XVIII веках называли себя либо по родоплеменной

принадлежности (торгоуты, хошеуты, дербеты...), либо более общим этнонимом — «ойраты» [Бакунин 1995: 20, 22].

Современное самоназвание калмыков — «хальмг», что фонетически ближе всего к калмыцкому «хольмг» — означает «смешанный» [Калмыцко-русский словарь 1977: 595]. В словаре В.В. Радлова приводятся формы: «калмак (среднеазиатские диалекты), калмик (волжские диалекты; отсюда и русское слово) и калмук (османское; отсюда крымско-татарское выражение калмук-и бад-махлук («злонравные калмыки»)) [Радлов 1897: 272–273]. У М. Фасмера калмыки — «зап. монг. народность, населяющая территорию от Нижней Волги до Центральной Азии <...> из тат. *kalmyk*, тур. *kalmuk*, казах., тел., узб. *kalmak*, монг. *xalimак*» [Фасмер 1986: Т. 2: 169].

Общепринятой этимологией названия «калмак» является тюркское «калмак» — «остаток», «оставаться», «отсталый» и т.д. Это значение слова представлено в анонимном произведении XVI в. «Шаджарат ал-атрак», в котором рассказывается о принятии монгольскими кочевниками Дешт-и-Кыпчака ислама. За оставшимися на месте (на северо-востоке Дешт-и-Кыпчака) закрепилось название «калмаки», т.е. «остаток», «отсталые», а принявшие ислам и переселившиеся в Мавераннахр стали называться «узбеками» и вскоре смешались с тюрками [Тизенгаузен 1941: 207]. В.В. Бартольд, а вслед за ним А.А. Семенов считали эту легенду, а также этимологию этнонима «калмак», фантастичной [Бартольд 2002: 142; Семенов 1954: 13–18]. В связи с биографией хана Узбека калмаки упоминаются также у Утемиш-хаджи, автора первой половины XVI в., в «Чингиз-намэ». Кроме того, в произведении середины XVI в. «Тарих-и-Рашиди» среднеазиатский автор Мухаммад Хайдар сообщал, будто в устных преданиях моголов говорится, что Туглук-Тимур, прежде чем стать ханом Могулистана (1347–1362/1363), т.е. в первой половине XIV в., был привезен от калмаков [Тизенгаузен 1941: 201; Хайдар 1996: 38–39]. Эти предания представляются правдоподобными, если учесть, что предки части узбеков, как и части казахов,

изначально, до принятия ими ислама, были монголоязычными [Бартольд 2002: 275]. Правда, сведения о ранней истории калмаков Дешт-и-Кыпчака происходят от авторов, живших позже описываемых событий — в XVI в., когда этноним «калмаки» применялся к разным монголоязычным кочевникам, преимущественно к ойратам Монголии и Джунгарии. Но, по всей вероятности, в XIV в. слово «калмак» уже использовалось тюрками в значении этнонима или начинало принимать этническое значение.

Слово «калмак» бытовало в тюркских языках задолго до Узбека. Автор XI в. аль-Кашгари в главном труде своей жизни — «Диван Лугат ат-Турк» («Словарь тюркских языков и наречий») — приводит два значения слова «калмак». Он писал, что к корневому слову прибавляется «мак», в результате чего возникает отглагольное имя. Корень «кал» имеет значение «оставаться» (№ 3336) и «приходить» (№ 3339). В соответствии с этим аль-Кашгари приводит ряд случаев, где используется слово «калмак» в значении «прибытие» (№ 4939, 4977, 5040) [Аль-Кашгари 2006: 502, 510, 789, 796].

В литературном памятнике XIV в. «Гулистан» Сейфа Сарай, написанном на поволжском, слово «калмак», как и у аль-Кашгари, в качестве этнонима не используется, но для нас может иметь интерес, что Э.Н. Наджип, исследовавший язык Сейфа Сарай, отмечал, что это слово в поэме «Гулистан» является производным от глагола «пришёл» [Наджип 1975: 92]. Также слово «калмак» имеет у Сейфа Сарай значение «оставшиеся»: «Миңа кирәк,-диде,-яр берлә үлмәк, Газаплар берлә *калмак* кемгә кирәк?!» По мнению А.Г. Мухамадиева, слово «калмак» здесь означает «оставшиеся» (в данном случае — с горем)¹.

В узбекском языке слово «калмак» может иметь следующие значения: отставать — калмак; отставка — кеин-калмак; опаздывать — кеч-калмак; опасаться — вахим-кылмак; раз-

¹ Благодарю за консультацию по этому вопросу А.Г. Мухамадиева и Л.Ф. Недашковского.

богатеть — баюб-калмак; увидеть — куруп-калмак; уснуть — ухлаб-калмак и др. [Лапин 1889: 46, 50, 72, 107, 163, 193].

В связи с этим этноним «калмак» изначально мог иметь самое широкое значение, например, при первых продвижениях монголов на запад в тюркоязычную среду «калмак» могло означать «пришлые» и лишь затем получить клерикальное значение, которое приведено в «Шаджарат ал-атрак»: «оставшиеся язычниками». По сути, вся наша уверенность, что название «калмак» имело значение «оставаться», зиждется лишь на одном этом свидетельстве. Более раннее употребление этнонима «калмак» в источниках до XIV в. или по отношению к периоду до Узбека нам не известно, если не считать полуфольклорного повествования Ахсикенди (XVI в.) в «Маджму ат-Таварих» («Собрание историй»), в котором говорится об участии калмаков в завоевании каракитаями Средней Азии в начале XII в. [Маджму ат-Таварих 1973: 200–216]. То, что этноним «калмак» не встречается в трудах современников до XIV в., может быть связано либо с отсутствием его до этого времени, либо с тем, что самые ранние тексты, содержащие этноним «калмак», еще не введены в научный оборот.

Существует еще одна версия этимологии и семантики слова «калмак», связанная с обычаем ойратов носить на головном уборе красную кисть, введенном, по монгольскому преданию, после победы над китайцами в 1437 г. Ойраты пленили китайского императора, сорвали с его шапки красную кисть и, разобрав по ниточкам, нацепили на свои шапки. «С тех пор и прозвали ойратов «улан залата халимаг» (от монгольского слова «хальи» — парить: у монголов был обычай, выпуская сокола из рук во время охоты, кричать: «хальи» (пари!)). В честь этой победы от слова «халимаг», по мнению В.Ш. Бембеева, произошло название «калмак» [Бембеев 2006]. Очевидно, описание этого эпизода в монгольских «летописях» имеет фольклорное происхождение, так как этноним «калмак», как уже говорилось выше, существовал задолго до этого события¹. Первоначально

¹ Шериф-ад-Дин Йезди закончил труд над книгой «Зафар-намэ» в 1424–1425 гг. Здесь он говорит о происходивших при нем событиях 1390-х годов,

среднеазиатские народы, а вслед за ними и русские, называли «калмаками» кочевников-язычников Дешт-и-Кыпчака. Впоследствии они перенесли это название и на дербен-ойратов (ойрат-калмыков) Монголии и Джунгарии, начавших совершать набеги на юго-восток Средней Азии в начале XV в., а продвигаться на запад, в казахские степи и Поволжье, в начале XVII в.

В изучении продвижения калмыков к Волге сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, общеизвестен факт, что первые встречи русских с ойрат-калмыками произошли в 1606–1608 гг. [История Калмыкии... 2009: 260–265], с другой стороны, самым ранним русским документом о калмаках считается указ Ивана IV от 1574 г., приведенный в Строгановской летописи и повелевающий торговать с бухарцами и калмаками беспошлинно [Там же: 258–786].

С одной стороны, чуть ли не по годам расписано продвижение ойрат-калмыков к Яику и Волге, в результате которого в 1613 г. ногайцы, возможно, впервые столкнулись с ними [Пальмов 2007: 370], и лишь с 1630–1632 гг. ногайские кочевья стали подвергаться их нападениям регулярно [История Калмыкии... 2009: 289; Колесник 2003: 43, 44]. С другой стороны, ногайцы отражают натиск калмаков еще в 1535, 1556, 1560, 1578 гг. [Посольские книги 1995: 128; Трепавлов 2002: 122, 371, 372; Колесник 2003: 39–40; Дрёмов 2012: 104–117]. Такое возможно, если речь идет либо об одном народе, расселенном дисперсно на разных территориях, либо о разных этнических группах с одинаковым названием, либо в случае часто повторяющихся набегов ойрат-калмыков далеко на запад. Однако ойраты в XVI в. не могли совершать непрерывные походы на запад, так как в это время их дальнейшая судьба решалась в борьбе с восточными монголами далеко к востоку от Средней Азии и Казахстана. Походы на запад Азии и восток Европы должны были найти отражение в источниках, но пока в других произведениях время появления калмаков связано с правлением Узбек-хана в 1320-х годах.

добных сведений нет ни в монгольских хрониках, ни в сообщениях соседних оседлых народов.

В то же время в русских источниках встречаются отдельные упоминания о калмаках задолго до первой встречи с ойрат-калмыками в 1606—1608 г. До настоящего времени первым сообщением о калмыках в русских летописях считается хрестоматийная фраза из Строгановской летописи, в которой цитируется указ от 30 мая 1574 г. Ивана IV, предписывавший Строгановым торговать с калмыками и другими народами беспошлинно: «А когда станут в те крепости приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды и иных земель с какими товары, и у них торговати повольно беспошлинно» [Сибирские летописи 2008: 54].

При традиционном толковании этот документ сам по себе труднообъясним, так как из него следует, что царь предписывает предпринимателям, начинающим еще только освоение Урала, торговать с народом, который даже далеко на востоке, в Сибири, появится лишь через несколько десятилетий. Очевидно, что в указе имелись в виду калмаки, жившие не в Монголии, а в Дешт-и-Кыпчаке. С освоением Пермского края открывались новые торговые пути на Бухару через Южный Урал и Мугоджары. Дорога эта проходила через земли казахов и калмаков, поэтому в указе казачья орда, калмыки и бухарцы связаны. Строгановы начинали осваивать новые для России земли Пермского края в Предуралье, калмаки находились к югу от Уральских гор — на полпути от Пермского края до Бухары. Поэтому они и упоминаются вместе в одном документе.

Фактически на Руси калмаков знали и соприкасались с ними задолго до первой встречи с ойрат-калмыками в начале XVII в. Самым ярким и неожиданным подтверждением наличия калмаков в Золотой Орде является свидетельство о них в Лихачёвском летописце (ок. 1487 г.) при описании «стояния на реке Угре» в 1480 г.: «Со царем братаничь его царь Касим, да б сынов царевых, и бесчисленное множество татар с ними, и **колмаки**, тогда бо бе той окаянный царь и тех за себе привел»

(цит. по: [Зайцев 2006: 45]). Это одна из самых ранних Великокняжеских летописей [Казакова 1979: 253–256]. Безусловно, в ней речь идет не об ойратах западной Монголии, а о кочевниках Золотой Орды, калмаках Дешт-и-Кыпчака.

Место обитания калмаков указано в «Книге Большому Чертежу», переписанной в 1627 г. с оригинала, который «сделан был давно, при прежних государях». В ней говорится, что «промеж реки Кендерлик и реки Сарысу, козатская кочевая орда, да **КОЛМЫКИ**» [Книга Большому Чертежу... 1838: 217]. Может вызывать сомнения датировка этого сообщения, так как к 1627 г. ойраты уже продвинулись в казахские степи, но в сборниках новгородской Софийской библиотеки находится текст, датированный 1506 и 1523 гг. и содержащий перечень «татарских» земель, окружающих Каспийское море: «Татарьским землям имена: Самархант, Чагадаие, Хорусани, Голустани, Китай, Синяя орда, Шираз, Испаган, Орначь, Гилян, Сизь, Шарбан, Шамахии, Савас, Арзуноум, Телфизи, Тевриз, Гурзустани, Обези, Гоурзии, Багдат, Темирьябы, рекше Железная врата, Орда Большая, Крым, Васьторокан, Саран, Азов, **Калмакы**, Ногаи, Шибаны, Казань» [Казакова 1979: 253–256].

До слов «Орда Большая» этот список полностью повторяет перечень стран, завоеванных Тамерланом, в «Повести о Тимур-Аксаке», появившейся в начале XV в., в который земли «Большой Орды» не включались. Автор начала XVI в., как видно из списка, «Калмакы» (землю калмаков) включил в перечень татарских земель Большой Орды, наряду с Крымом, Астраханью, Сараем, Азовом, Ногаями (Ногайской Ордой), Шибанами (земли узбеков) и Казанью (Казанским ханством). Очевидно, что известные на Руси калмаки — это не ойраты Западной Монголии, а этнос, находившийся на татарских, т.е. на золотоордынских землях, соседствовавших с русскими княжествами.

Соседство с калмаками оставило след в ономастике северо-западной Руси, где имена Калмык и Колмак имели в XVI в. широкое распространение. В «Ономастиконе» академика

С.Б. Веселовского значатся: «Калмак, поп, 1545 г., Новгород; Калмак Власьев, помещик, 1568 г., Ярославль; Федор Иванович Колмак Овцын, XVI в.; Петр и Исаак Колмаковы, 1564 г., Олонец; Колмак и Неустрой Борисовичи Обрютины, 1568 г., Ярославль; Колмак и Домачной (Домачний) Михайловичи Васьковы, 1568 г., Ярославль» [Веселовский 1974: 95]. Это неканоническое имя встречалось даже среди помещиков и бояр: «Иван Колмак Ондреев сын Хорламова, помещик в Черенчицком погосте, 1539; Колмак Иванов сын Старков, боярский сын в Твери, 1585 [Мосин 2000: 88]. В списках расходов Кирило-Белозерского монастыря в 1603–1606 гг. упоминаются Колмак Колкацкий и Никифор Колмак [Никольский 1910: 649, 641, 787]. О Колмаке Иванове сыне Старкова в писцовой книге конца XVI в. Тверской губернии говорится, что он никому не служит — ни царю, ни князю [Писцовые книги XVI века 1877: 188]. В списке опричников Ивана Грозного 1573 г. имеется Иван Колмак [Список опричников... 2003]. В Новгородской «Записной книге крепостным актам XV–XVI вв.» написано в 1597 г.: «Дал детей своих старинных крепостных: Левонтия Иванова сына, прозвище Калмак» [Записная книга... 1898: 33].

В связи с этим фамилию Калмаков или Колмаков в русской глубинке первой половины XVII в. также следует связывать не с началом проникновения ойрат-калмыков, а с предшествующим наследием: «Колмаков Мишка Микитин сщ. Глубокое на речке Глубокой, крестьянин 1628/29; Калмаков Ивашка Филиппов с. Олешна, Ефаново на речке Олешне, бобыль 1628/29» [Сторожёв 1997: 168]; «Тренка Колмак, кормитца огородом; длина двору и огороду 49 сажен, а поперег 9 сажен (1623–1626 гг.) [Васильев 1993: 156]. Даже далеко на северо-западных границах Руси в начале XVII в., когда ойраты лишь начинали свое продвижение к Волге с верховий Иртыша, в грамоте Кольского воеводы В.Т. Жемчужникова к варгавскому державцу Клаусу Гагге от 7 июля 1613 г. говорится о Микифоре **Колмакове**, целовальнике для сбора дани с лопарей в Терской

и Кончакской Лопи (к северо-западу от Кольского полуострова) [Русские акты... 1897: 423].

Чаще всего антропоним «Калмак» считается производным от эпонимного этнонима [например: Федосюк 2006: 111; Королёва 2006: 66; Усманова 1994: 272 и др.], но высказывалось и иное мнение: «Эта фамилия имеет финно-угорское происхождение. Если Вы заглянете в большой финско-русский словарь, то увидите, что корень kolma- означает "три, триаду или троичность". Имя Колмак встречается в XV—XVI веках в северо-западных русских землях, где пришлое древнерусское население смешалось с финно-уграми. Никаких калмыков в те времена еще в русских землях не знали. <...> Колмаков В.Б.» [<http://clonmishuta.narod.ru/list/10.html>]. К приведенному автором финно-угорскому «колма» («три») можно добавить мордовское «калма» («могила»). Таким образом, из финно-угорских языков можно вывести оба варианта имени: и «Колмак», и «Калмак». При кажущемся правдоподобии такого объяснения производные фамилии должны звучать Калмов или Колмов с возможными вариантами: Калмачёв, Калманов, Калматов и т.д, но вовсе не обязательно Калмаков. Стабильное звучание имени Калмак или Колмак указывает на его происхождение от этнонима.

Встречался антропоним Колмак и в Крыму, где трудно предположить его финское происхождение: «1559 год <...> на память Петра чудотворца, Киевского (вар.: митрополита Киевского) всеа Руси, приехали ко царю и великому князю два черкашенина, Асак (вар.: Асан, Л.) да Али, да два крымца, Сар да **Колмак** (вар.: Сардакол, Мак, Л.)» [Летописец Русский... 1895: 117]. Через 10 лет в 1569 г. уже из Москвы в Кафу (Феодосию) были посланы рязанские казаки **Колмак** и Ширяй с тайной грамотой от дьяка Ивана Михайловича Висковатого [Садиков 1947: 154–160; Прокофьев 1988: 189].

Имя Калмак встречается не только в северо-восточных — финно-угорских — территориях, но и в южных и юго-западных землях: в Запорожье, Путивле, Рязани, Тамбове. «Федор Ми-

хайлов сын Колмак Черепов. Путивль. 1626 г.» [Сборник... 1881: 514–515]; «в прошломъ государи, в 1616 году дал вкладу в приписной мой Николаевский Черниевъ монастырь Матвей Нестеровъ Колмаков вотчину свою на реке на Хопре» [Молчанов 1914: 88]; **Коломак** Марк Пушкаренко в войске Запорожском (1659 г.) [Тупиков 1903: 190]. В Бессарабии имеется древний дворянский род Колмуцкий [Алфавитный список... 1901: 15]. Фамилия Калмуцкий, возможно, существовала также у украинских армян. Армянская колония на Украине появилась еще в Золотой Орде или в Домонгольское время. Украинские армяне-кыпчаки пользовались кыпчакским языком и армянским алфавитом. Сохранились немалочисленные документы XVI–XVII веков, преимущественно протоколы армянского суда, но встречаются религиозная литература и летописи [Гаркавец 2002: 5–9]. В одном из подзаголов документа, датированного 15 мая 1684 г., имеется фамилия Калмуцкий: «Kalmuckiy da Hazar Aksent oğlu» («Калмуцкий и Хазар, сын Аксента») [Гаркавец 2002: 771]. Данный документ относительно поздний, но имеются неопровержимые данные, что о калмаках Дешт-и-Кыпчака в XVI в. знали не только на Украине, но и в Западной Европе задолго до первой встречи русских с ойрат-калмыками.

В архиве Великого княжества Литовского в так называемой «Литовской Метрике», в документе, относящемся к 1511 г., в перечне различного инвентаря говорится о калмыцкой узде: «Господару его милости, великому королю Жикгимонту привёл еси, с Киева два кони, у двадцать коп гроше, а седла на них у шесть гривен; а узды на них Колмацкие, у гривну» [Литовская Метрика 1903: 740].

Английский путешественник Антоний Дженкинсон в 1558 г. указал, что калмыки живут у истоков р. Эмба (т.е. в горах Мугоджары) и далеко к северу от Средней Азии [Английские путешественники... 1937: 90]. Матвей Меховский в 1521 г. сообщил о **язычниках калмуках** с длинными волосами к востоку от Волги [Меховский 1936: 62]. Антоний Вид на карте, опубликованной в 1537 г., поместил на своей карте калмуков к северо-

востоку от дельты Волги и около Kalmucky написал, что они носят длинные волосы [Кордт 1899: 9]; Себастьян Мюнстер в 1550 г. помечал на своей карте калмыков между Яиком и Иртышом [Кордт 1899: 7].

На карте Европы, составленной Г. Меркатором в 1544 г., калмуцкие татары (*kalmucki tartari*) нанесены северо-восточнее ногайских татар (*nagai tartari*), рядом с казаками татарами (*kasakki tartari*), к востоку от Волги и Яика, к северу от Каспия, на месте современных Мугуджар. На картах начала XVII в. к востоку от Волги также помещены калмаки, которые не могли быть ойратами Джунгарии, так как ойраты к этому времени еще не продвинулись так далеко на запад. На карте Й. Хондиуса 1606 г. далеко на севере близ океана к востоку от Югории обозначены колмаки (*Colmak*), а к востоку от Волги и Яика в верховьях Эмбы показаны калмуцкие татары (*Kalmucki Tartari*) и они же — еще восточнее. На карте Г. Герритса 1613 г. калмуки (*kalmucki*) нанесены на севере Каспийского моря к востоку от р. Яик рядом с туркменами [Кордт 1899: 10–80].

Возможно, что самым ранним, хотя и искаженным отображением названия калмаков на картах и в целом в европейских источниках является загадочная надпись на карте Фра-Мауро 1459 г. на р. Итиль, севернее сближения Волги с Доном, т.е. в месте расположения современных Камышина или Саратова: «*Calmuzi saga*» [Пачкалов 2007: 311–318]. Такое название со значением «калмуцкий караван-сарай» или «калмуцкий дворец» вполне возможно на торговом пути по Волге, тем более что через два десятилетия, как говорилось выше, калмаков отмечает Лихачёвская летопись на р. Урге [Покровская 1975: 28–32]. В 1474–1475 гг. Антонио Контарини, находясь в Астрахани, отметил, что «есть, говорят, еще другое племя, живущее за Волгою, далее к северо-востоку. Оно отличается длинными волосами, висящими до самого пояса, и носит название диких Татар. <...> Иногда, во время большой стужи и морозов, доходит до самой Цитрахани, но не причиняет жителям ни малейшего вреда» [Библиотека... 1836: 98–99]. Очевид-

но, что речь идет о калмаках, так как все авторы единодушно называют их главным отличием от татар — длинные волосы. Не опровергает этого и то, что Контарини называет длинноволосых кочевников татарами, так как калмыцкими татарами называли их и последующие европейские авторы. Термин «татары» у русских имел самое широкое значение. В.В. Бартольд отмечал: «Русские всегда продолжали называть население Золотой Орды татарами, как в то время, когда государственным языком был монгольский, так и после отуречивания всей страны» [Бартольд 2002: 143]. Калмыцкими татарами продолжали называть и волжских калмыков в XVII—XVIII веков, например Эвлия Челеби, Адам Олеарий и другие (см., напр.: [Олеарий 2003: 335]).

Имеющиеся источники свидетельствуют не об эпизодических продвижениях ойрат-калмыков в Дешт-и-Кыпчак, а о постоянном проживании калмаков на окраинах Улуса Джучи со времени Узбек-хана вплоть до начала продвижения на эти территории ойратов в начале XVI в. Место их постоянных кочевий определяется к востоку от Волги, Яика и Эмбы в степях Казахского мелкосопочника (Сары-Арка). В соответствии с «Чингиз-намэ» Утемиш-хаджи Узбек-хан прибыл на Волгу для захвата власти в Золотой Орде из Улуг-Тага [Утемиш-хаджи 1992: 105]. Из труда анонимного автора середины XV в. «Родословие Турок» («Шаджарат ал-атрак»), вероятно, следует, что из этих же районов Дешт-и-Кыпчака через восемь лет после прихода к власти часть язычников-калмаков была обращена Узбеком и «святым Зенги-Ата» в ислам и выведена в Мавераннахр. Обращенные стали называться узбеками, оставшиеся — калмаками [Тизенгаузен 1941: 207]. О проживании калмаков в районе горы Улуг-Таг (Улугтау) и в долине спадающей с него р. Сарысу в XVI в. (т.е. задолго до прихода сюда ойратов из западной Монголии) свидетельствует ряд источников.

В.В. Вельяминов-Зернов в исследовании о касимовских царях и царевичах опубликовал имевшуюся у него рукопись Хафиз-и-Таньша «Абдулла-намэ», в которой повествуется,

как бухарский Абдулла-хан совершил «знаменитый поход свой, известный под именем Улуг-тагского», в 1582 г. совместно с казацким (казахским) Шига́й-ханом и его сыном Тевекелем против Баба-султана в Дешт-и-Кипчак. Действие происходит в горах Улугтау, на реках Сыр-Дарья, Сарысу и Кендерлик близ «могилы Джучи-хана» и вплоть до притоков р. Ишим. В тексте говорится, что Шига́й-хан, «выросший в степи, правил казаками, а его сын Тевекель славился на весь Дешт-и-Кыпчак» [Вельяминов-Зернов 1864: 302–304]. Как отмечал В.В. Бартольд, «поход сопровождался страшным кровопролитием, о чем говорится в надписи на скале в Джизакском (Джиланутинском) ущелье» (в горах Памира между Самаркандом и Ташкентом) [Бартольд 2002: 220]. О составе войска Баба-султана не говорится, но калмаки в нем находились, так как «двух из находившихся при нем калмаков» Баба-султан послал с заданием в Туркестан [Вельяминов-Зернов 1864: 313].

По всей вероятности, об этом же событии рассказывал автор начала XVII в. Мухаммед Юсуф Мунши. В его «Муки́м-ханской истории» говорится, что Абдулла-хан в год мыши (1588 г.) вел военные действия в Иране, когда до него дошло известие, что в пограничных областях Дешт-и-Кыпчака началось восстание. Он направился с войском на восставших ара́льков (в данном случае — кочевников Приаралья) [Мунши 1956: 66, прим. 102] и разгромил их. «В силу этого происшествия ханы и султаны Кашгара, непокорные киргизы, калмыки и мятежники Дешт-и-Кыпчака до Китайского Дербенда и Улугтага <...> все склонили лица покорности» [Там же: 66]. Г.Е. Грумм-Гржимайло, анализируя данный эпизод, писал, что «Абдулла-хан с узбеками вторгся в Кашгарию, но из-под Яркенда должен был вернуться обратно; оттуда перешел в Кипчакскую степь, доходил до Улуг-тага и Кичик-тага и разбил казаков и калмыков, которых и обложил ежегодною данью» [Грумм-Гржимайло 1926: 626].

Абдулла с союзными казаками одержал победу над Баба-султаном, Шига́й-хан вскоре после похода умер, Тевекель, как

мы знаем из его переписки с русским царем, стал называться после этих событий «царем казачким и калмацким», а над калмаками поставил своего брата Шах-Магомета. Будучи по происхождению джучидом, Тевекель, подчинивший казахов и калмаков северо-восточного Дешт-и-Кыпчака, стал претендовать на власть в Средней Азии, но в 1598 г. умер [Вельяминов-Зернов 1864: 101, 302–304].

Известные нам свидетельства о калмаках пока не дают материалов о языковой и этнической принадлежности калмаков Дешт-и-Кыпчака. Об их культуре известно, что калмаки были кочевниками-язычниками и, в отличие от татар, носили длинные волосы. Кроме того, Утемиш-хаджи писал, что во времена Узбека калмаки в Улуг-Таге выражали скорбь такими же словами, как и во время написания «Чингиз-намэ», т.е. в начале XVI в. [Чингиз-намэ 1992: 105].

Еще одно косвенное свидетельство о языке калмаков содержится в «Бабур-намэ», из которого известно, что слово «убийца» у калмаков звучало по-монгольски: «Моложе Султан Махмуд хана был Султан Ахмед хан, известный под именем Алача хан (дядя Бабура 1465–1504). Говорят, будто причина, почему его называли **Алача**, в том, что на языке калмаков и моголов убийцу называют **«алачи»**, а так как Султан Ахмед хан несколько раз побеждал калмаков и истребил много их людей, то его называли **алачи**; от частого употребления [слово алачи] превратилось в Алача» [Бабур-наме 1992: 38].

Алача хан правил в Самарканде. Он мог воевать как с кочевниками-калмаками Дешт-и-Кыпчака и Средней Азии, так и с ойратами. В современном калмыцком языке убийца — алач, в монгольском — алагч, в казахском — kiki елтіруші, в турецком — katil, в узбекском — qotil (котил). Таким образом, в монгольском, калмацком и калмыцком языках слово «убийца» является производным от монгольского и не связано с тюркскими языками.

Есть прочно устоявшееся мнение, что к востоку от Монголии и Алтая все монголы, пришедшие в Дешт-и-Кыпчак, к кон-

цу XIV в. полностью растворились в местной тюркоязычной среде. Есть и достоверные сведения, что предки современных волжских калмыков, ойраты, продвинулись из-за Алтая к западу от Иртыша лишь в начале XVII в.

Между тем имеется значительный ряд неучтенных ранее востоковедами источников, свидетельствующих, что между Волгой и Иртышом со времен Узбек-хана и до прихода сюда ойрат-калмыков проживали кочевники, которых окружающие народы называли «калмаками».

Несмотря на чрезвычайную фрагментарность, редкость и распыленность сведений о калмаках Улуса Джучи среди широкого круга источников от Западной Европы до Центральной Азии, можно сделать вывод, что тюркские народы этнонимом «калмаки» называли сначала кочевников Дешт-и-Кыпчака, а затем перенесли это название на дербен-ойратов Западной Монголии и Джунгарии. Столь упорная идентификация калмаков и ойратов позволяет предполагать их культурное и языковое родство.

Из этого следует, что не все население Средней Азии и Дешт-и-Кипчака к XV–XVI в., как принято считать, было полностью обращено в ислам, утратило монгольский язык и всецело перешло на тюркский. Калмаки Золотой Орды сохраняли монгольские традиции, язык, культуру и языческую религию.

Расширение круга источников позволяет рассматривать историю калмаков в Средней Азии и на северо-востоке Дешт-и-Кыпчака до прихода сюда ойратских родов как историю самостоятельного этнического образования, а не историю эпизодических продвижений сюда западно-монгольских (ойратских) племен.

Библиография

Алфавитный список дворянским родам Бессарабской губернии, внесенным в дворянскую родословную книгу по 1-е января 1901 г. Кишинев, 1901.

Аль-Кашгари. «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») / Пер. с арабского Зифа-Алуа Ауэзова-Эрмерс. Алматы, 2006.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 2004. Вып. 6.

Бабур-наме. Ташкент, 1992.

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995.

Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.

Бембеев В.Ш. Ойраты и калмыки на евразийском пространстве: XIII — 60-е годы XVII века: Дис. ... д.и.н. Ставрополь, 2006.

Библиотека иностранных писателей о России / Под ред. В. Семенова. Отд. 1. Т. 1. СПб., 1836.

Васильев Ю.С., Биланчук Р.П., Замараев С.Е. Описание Великого Устюга в устюжской писцово́й книге «Письма и меры Микиты Вышеславцова да подьячего Агея Федорова 131 и 132 и 133 и 134 году» // Бысть на Устюзе...: Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993.

Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / Под ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина. М., 1974.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2.

Гаркавец А. Кыпчакское письменное наследие. Т. I. Каталог и тексты памятников армянским письмом. Алматы, 2002.

Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2.

Дрёмов И.И. Калмаки Средней Азии XIV–XVI веков // Вестник Прикаспия. Археология. История. Этнология. Элиста, 2012. Вып. 3. С. 104–117.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006.

Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т. 17.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Элиста, 2009. Т. 2.

Казакова Н.А. «Татарским землям имена» // ТОДРА. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 253–256.

Калмыцко-русский словарь. 26000 слов / Под ред. Б.Д. Муниева. М., 1977.

Клосс Б.М., Назаров В.Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 283–313.

Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.

Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1: Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1889.

Королёва Н.А. Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск, 2006.

Книга Большому Чертежу, или древняя карта Российского государства, попоалённая в розряд и списанная в книгу в 1627 году. Изд. 2-е. СПб., 1838.

Лапин С.А. Карманный русско-узбекский словарь. Самарканд, 1889.

Летописец Русский (Московская летопись) // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. Кн. 3. М., 1895.

Литовская Метрика // Русская историческая библиотека. СПб., 1903.

Маджму ат-Таварих // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. I.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.

Молчанов Н. Жизнеописание Преосвященного Питирима, епископа Тамбовского. Тамбов, 1914.

Мосин А.Г. Словарь уральских фамилий. Екатеринбург, 2000.

Мунши Мухаммед Юсуф. Муким-ханская история. Ташкент, 1956.

Наджиб Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык. Ч. 1. Алма-Ата, 1975.

Никольский Н. Кирило-Белозерский монастырь и его устройство до второй половины XVII в. (1397–1625). Т. 1, вып. II. СПб., 1910.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.

Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа. Элиста, 2007.

Пачкалов А.В. К вопросу о локализации топонима Calmuzi Sara на карте Фра-Мауро (1459 г.) // *Annali di ca' Foscari. Rivista della facolta di lingue e letterature straniere dell'universita ca' Foscari di Venezia*. XLVI, 1. Venezia, 2007. P. 311–318.

Писцовые книги XVI века / Под ред. Н.В. Калачова. Отделение II. СПб., 1877.

Покровская В.Ф., Летописный свод 1488 г. из собрания Н.П. Лихачёва // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1975. С. 28–32.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. / Подг. текста Н.М. Рогожина. Махачкала, 1995.

Прокофьев Н.И., Алехина Л.И. Комментарии. Посольство Ивана Новосильцева в Турцию // *Записки русских путешественников XVI–VII вв.* М., 1988.

Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989.

Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб., 1897. 188.

Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. / Приложение 1. «Речи» Семена Елизарьева сына Мальцева о походе татар и турок под Астрахань // *Исторические записки*. 1947. № 22. С. 154–160.

Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 32.

Сибирские летописи. Рязань, 2008.

Список опричников Ивана XIV. СПб., 2003.

Сторожёв. Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Рязань, 1997.
http://blogs.mail.ru/mail/tamb_kolodin/69E602F56D03BF90.html

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собр. В. Тизенгаузеном. СПб., 1884.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды / *Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения*. М.; Л., 1941.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Тупиков Н.А. Словарь древнерусских личных имен. СПб., 1903.

Усманова М.Г. Имя отчей земли. Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. Уфа, 1994.

Утемиш-хаджи // Чингиз-наме [Текст]: факсимиле, перевод, транскрипция, текстолог. прим., исслед. В.П. Юдина / Подг. к изд. Ю.Г. Баранова; комм. и указ. М.Х. Абусеитовой. Алма-ата, 1992.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3.

Федосюк Ю.А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь / Ю.А. Федосюк. Изд. 6-е испр. М., 2006.

Хайдар Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди / Пер. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. Ташкент, 1996.

Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.

Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. L., 1910.

Ф.Г. Калимуллина

**ВКЛАД ВОСТОКОВЕДА
В.В. ВЕЛЬЯМИНОВА-ЗЕРНОВА
В ИЗДАНИЕ ТРУДОВ В.В. РАДЛОВА**

Произнося имя В.В. Вельяминова-Зернова, мы, в первую очередь, представляем его фундаментальные труды о тюркских народах России.

В.В. Вельяминов-Зернов (1830—1904) — востоковед, нумизмат, археолог, доктор турецко-татарской словесности (1866 г.), с 1861 г. — академик, с 1890 г. — почетный член Петербургской Академии наук, действительный тайный советник (с 1902 г.). В 1850 г. окончил Александровский лицей Санкт-Петербурга. В 1850—1859 гг. работал переводчиком в Азиатском департаменте МИД. В 1851—1856 гг. находился в научной командировке в Оренбургском крае, изучал язык и обычаи казахского народа. В 1857—1881 гг. действительный член, с 1881 г. — почетный член, в 1861—1872 гг. секретарь Русского археологического общества. С 1872 г. по состоянию здоровья ученый отошел от научно-исследовательской деятельности. В 1879—1888 гг. В.В. Вельяминов-Зернов — предводитель дворянства Малоархангельского уезда Орловской губернии, в 1888—1902 гг. — попечитель Киевского учебного округа, одновременно с 1889 г. — председатель комиссии по разбору древних актов Киевской, Подольской, Волынской губерний.

Особое место в научном наследии В.В. Вельяминова-Зернова занимает четырехтомная монография «Исследование о касимовских царях и царевичах» [СПб., 1863–1887], где на основе многочисленных источников была описана история Касимовского ханства с большими экскурсами в историю Золотой Орды и тюркских народов Поволжья, Приуралья, Средней Азии и Казахстана. Он выявил и ввел в научный оборот редкий образец старинного акта, написанного на татарском языке, — духовное завещание касимовского татарина Галикея-аталика (1639 г.), тарханские грамоты XVII–XIX веков, нашел монгольскую рукопись анонимного автора XVII в. «Алтан Тобчи» («Золотой свод»), в которой описана история монгольских ханов с привлечением более древних хроник.

К сожалению, в истории российской академической науки мало внимания уделено научно-организаторской и издательской деятельности В.В. Вельяминова-Зернова в Петербургской академии наук и научных обществах.

В 1864–1872 гг. ученый был редактором «Известий...», «Трудов Восточного отделения...» Русского археологического общества. В 1855–1898 гг. вышло 22 тома «Трудов Восточного отделения...». Более трети изданий было выпущено под редакторством В.В. Вельяминова-Зернова.

Он являлся научным редактором составленного татарским исследователем Х. Фаизхановым сборника документов «Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные из Московского главного архива МИД» (1864), в котором помещены документы на татарском языке; труда В.В. Григорьева «Жизнь и труды П.С. Савельева: преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним» (СПб., 1861) [СПФ АРАН. Ф. 216. Оп. 5. Д. 115. Л. 17]; соредактором двухтомного издания на латинском языке «Посмертные сочинения Х.М. Френа» (СПб., 1855, 1877) [Известия... 1861: 259] и др. Ученый также издавал весомые в научном и практическом отношении словари тюркской лексики. Во многих случаях его редакторская дея-

тельность в изданиях не указана, и его имя часто упоминается вскользь, наряду с именами других ученых.

В.В. Вельяминов-Зернов работал в подразделении по литературе и истории азиатских народов историко-филологического отделения Петербургской Академии наук. Кроме него в этом подразделении трудились такие известные ученые, как М.И. Броссе, Б.А. Дорн, О.Н. Бетлинг, А.А. Шифнер [Записки Императорской Академии наук... 1863: 199–200]. С их именами связано развитие академического востоковедения в XIX в.

Текущие организационные вопросы в Петербургской Академии наук решались различными комиссиями, избиравшимися на заседаниях отделений и общих собраниях. Заседания историко-филологического отделения в 1860-х годах собирались как минимум один раз в месяц. В.В. Вельяминов-Зернов принимал деятельное участие в работе комиссий по историко-филологическому отделению и по общей линии академии. В 1861–1871 гг. он ежегодно избирался в состав комиссий графа С.С. Уварова и камергера П.Н. Демидова (до 1865 г.) по присуждению наград писателям и ученым.

В.В. Вельяминов-Зернов был также активным членом рецензионных комиссий, на заседаниях которых велось обсуждение предъявляемых научных работ, давались рекомендации к их изданию за счет Академии наук. Благодаря деятельности таких комиссий было осуществлено множество ценных публикаций по востоковедению, тюркологии, не потерявших своего значения и в настоящее время. Академия выпускала серию «Труды Императорской Петербургской Академии наук», которая стала своего рода отправной точкой для дальнейшей плодотворной исследовательской работы ученых, оставивших впоследствии значимый след в отечественной науке.

В 1860-х годах было издано много работ по восточному источниковедению, археологии, лингвистике и истории, биографиям ученых.

Именно в Петербургской Академии наук сделал первые шаги по изданию своих трудов известный тюрколог В.В. Радлов. Редактором и издателем его ранних публикаций стал В.В. Вельяминов-Зернов, внесший лепту в становление творческой биографии В.В. Радлова [Калимуллина 2014: 32–33].

В.В. Радлов (1837–1918) — востоковед-тюрколог, языковед, этнограф, археолог, один из основоположников сравнительно-исторического метода изучения тюркских языков. В 1858 г. окончил Берлинский университет, затем приехал в Россию. В 1859–1871 гг. жил в Барнауле, совершил ряд экспедиций по Алтаю, Сибири, Казахстану, Средней Азии, Монголии и Китаю, собирал материал по языкам, этнографии, археологии тюркских народов. Ученый изучал быт, обычаи и традиции алтайцев, телеутов, хакасов, тувинцев, западносибирских татар, казахов, уйгуров.

В конце сентября 1864 г., будучи учителем немецкого языка в Барнаульском окружном училище, В.В. Радлов прислал в Петербургскую Академию наук свои первые работы по лингвистике тюркских языков. 11 октября того же года на заседании историко-филологического отделения было рассмотрено его письмо, где сообщалось о том, что он в течение пяти лет совершал поездки на Алтай, в Джунгарскую степь и к верховьям Енисея, во время которых занимался исследованием «неизвестных ученому миру наречий татарских племен, обитающих в Южной Сибири» [Записки... 1865: 199]. Его материал состоял из трех объемных разделов: 1) «Сборник образцов народной литературы различных наречий тюркских племен, живших в Южной Сибири и Джунгарской степи с объяснениями и переводом на русский и немецкий языки», 2) «Словарь наречий», 3) «Сравнительная грамматика всех наречий, собранных В.В. Радловым».

Для оценки работ В.В. Радлова была составлена комиссия, в которую вошли В.В. Вельяминов-Зернов, Б.А. Дорн, О.Н. Бетлинг и А.А. Шифнер. 10 ноября 1864 г. комиссия озвучила свою положительную рецензию. Было отмечено, что

труды В.В. Радлова посвящены еще не изученной теме и что они имеют большое значение как для лингвистики, так и для изучения истории народов, проживающих в Сибири. В качестве важной особенности было подчеркнуто, что носители их «не подпали влиянию ислама и сохранили свой язык в большой чистоте, без применения арабских и персидских слов». Комиссией было сделано заключение, что «народы, исследованием которых занимается В.В. Радлов, немногочисленны и чрез переход в христианство и сближение с русскими начинают терять отличительные черты своей национальности. Поэтому исследование их языка представляется важным и даже необходимым». Отделение приняло решение издать сначала первую часть материала. Издание и редактирование текста были возложены на В.В. Вельяминова-Зернова. Ответственным за немецкий перевод был назначен А.А. Шифнер [Записки... 1865: 311].

В.В. Вельяминов-Зернов, подготовивший в 1850-х годах ряд публикаций по истории и этнографии среднеазиатских народов, в 1863 г. — первую часть монографии «Исследование о касимовских царях и царевичах», хорошо разобрался в проблематике работ В.В. Радлова [Калимуллина 2014: 82–98] и охотно принял возложенные на него обязанности. В итоге в 1866 г. появилась первая часть труда В.В. Радлова «Образцы народной литературы и тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи».

В 1867–1870 гг. та же комиссия Петербургской Академии наук рассмотрела со второй по четвертую части труда В.В. Радлова и пришла к общему мнению издать их [Каталог изданий... 1876: 25]. Вторая часть работы вышла в свет в 1868 г., третья — в 1870 г., четвертая — в 1872 г. В.В. Вельяминов-Зернов являлся ответственным издателем всех четырех частей [Записки... 1868: 169, 173]. После выхода четвертой части издание было приостановлено и возобновилось лишь спустя 13 лет — в 1885 г. С учетом того, что работа была представлена В.В. Радловым еще в 1860-х годах, возникает вопрос — почему так надолго было отложено печатание остальных частей?

Для доработки и исправления недостатков это слишком большой срок.

Нужно подчеркнуть, что В.В. Вельяминов-Зернов, являвшийся ответственным издателем, после выхода четвертой части труда серьезно заболел и был вынужден ограничить свою научную и издательскую деятельность. В Русском археологическом обществе, например, после сложения с него полномочий секретаря и главного редактора регулярно издававшиеся до этого «Известия Русского археологического общества» не выходили в течение пяти лет [Калимуллина 2014: 41–42]. Случай с изданием труда В.В. Радлова можно было бы также рассмотреть в связи с непредвиденным отстранением активного редактора-издателя.

Но есть еще другое любопытное сведение: известно, что в 1870-е годы крупные петербургские академики-востоковеды были недовольны педагогической деятельностью В.В. Радлова в Казани. Об этом можно узнать из дневника видного богослова, профессора Казанской духовной академии Евфимия Малова¹. 10 сентября 1876 г. он написал следующее: «Н.П. Остроумов² передавал мне, что в Питере на Радлова взгляд начинает изменяться: В.В. Григорьев, В.В. Вельяминов-Зернов и А.Л. Кун недовольны им за то, что он мало заботится об обрусении мухаммедан: не употребляет русского шрифта в учебниках, которые он вводит в мухаммеданских школах. Эти сведения передал из С.-Петербурга чувашенин И.Я. Яковлев³, бывший там на съезде ориенталистов» (см. подробнее: [Мурадов 1999: 152].

¹ Малов Евфимий Александрович (1835–1918) — православный тюрколог-миссионер, писатель, протоиерей, отец С.Е. Малова. Заслуженный профессор Казанской духовной академии по кафедре противомусульманских миссионерских предметов.

² Остроумов Николай Петрович (1846–1930) — историк, педагог, миссионер, в 1870–1877 гг. преподаватель татарского языка в Казанской духовной академии и в Казанской духовной семинарии.

³ Яковлев Иван Яковлевич (1848–1930) — педагог, с 1875 г. окружной инспектор чувашских школ Казанского учебного округа с центром в г. Симбирск. Известно, что вел активную переписку с В.В. Радловым.

Здесь, видимо, имелись в виду учебники для мусульманских школ, подготовленные и изданные В.В. Радловым в 1872—1873 гг. в Казани на татарском языке («Билик» — «Знание», «Хисаблык» — «Арифметика» и др.).

Недовольство некоторыми действиями В.В. Радлова на посту инспектора татарских, башкирских и киргизских мусульманских школ Казанского учебного округа наблюдалось и среди миссионеров Казани. Е. Малов, например, 22 мая 1874 г. написал в своем дневнике: «Против издания “Миссионерского сборника” г. Радлов сильно ругает; он говорит, что у магометан не только против сборника связаны руки, но и зажат самый рот. Г. Радлов, будто, высказывает, что он намерен магометан привязывать симпатиями к Западной Европе, где процветает наука, а не к России. Итак, вот какой господин заправляет обрусением наших магометан. Какая аномалия допущена русским правительством».

Не исключено, что данные обстоятельства могли повлиять на задержку публикации остальных частей труда В.В. Радлова. Во всяком случае, издание было возобновлено лишь в петербургский период его жизни, после того, как он был избран ординарным академиком Петербургской Академии наук по части истории древностей азиатских народов (7 ноября 1884 г.).

До 1907 г. было опубликовано десять частей этой серии, правда, 5—7 и 8—10 части были объединены под другими названиями.

Остальные части первоначально предоставленного В.В. Радловым Петербургской Академии наук материала в доработанном виде были опубликованы в 1888—1911 гг. и образовали фундаментальное четырехтомное издание — «Опыт словаря тюркских наречий».

«Опыт словаря...» В.В. Радлова — богатейшее собрание лексики и фразеологии живых и древних тюркских языков. Здесь привлекает внимание обширность лексического материала и строгая научная систематизация.

В своей статье, посвященной алтайскому периоду жизни В.В. Радлова, исследователь Г.И. Курныкина сообщает, что в Центре хранения архивного фонда Алтайского края имеется копия донесения академиков Б. Дорна, В.В. Вельяминова-Зернова, О.Н. Бетлинга и А.А. Шифнера, ознакомившихся в 1860-х годах с его научными отчетами и опубликованными к тому времени трудами. Они отмечают, что занятия В.В. Радлова являются «более чем важными» (см. подробнее [Курныкина]).

Нет точных сведений о том, успел ли В.В. Вельяминов-Зернов до своей болезни поработать над «Опытом словаря...». Известно, что данную часть активно редактировал и издавал А.А. Шифнер. В 1867 г. А.А. Шифнер вернул рукопись В.В. Радлову с пожеланием изменить порядок букв. После букв *ы, і* должны были следовать *у, ү*, после буквы *ј* — буквы *н, р, л*. В итоге такой порядок был принят в словаре; хотя В.В. Радлову было не совсем ясно, по каким соображениям А.А. Шифнер предложил именно такую последовательность, но противоречить он не стал [Радлов 1888: 2]. Учитывая то, что А.А. Шифнер являлся одним из членов комиссии, рассматривавшей работы В.В. Радлова, можно предположить, что это замечание могло быть решением комиссии, в которую, кроме А.А. Шифнера, входили В.В. Вельяминов-Зернов, О.Н. Бетлинг и Б.А. Дорн. Сам В.В. Радлов в предисловии своего труда «Образцы наречий...» о В.В. Вельяминове-Зернове не упоминает, выражает благодарность лишь редактору немецкого текста А.А. Шифнеру [Радлов 1872: 15].

Подводя итоги, отметим, что вклад В.В. Вельяминова-Зернова в издание в России первых трудов В.В. Радлова продолжал оставаться в забвении. Сведения о том, что В.В. Вельяминов-Зернов являлся ответственным издателем первых четырех частей «Образцов народной литературы и тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи», сохранились в протоколах заседаний историко-филологического отделения Петербургской Академии наук. То,

что его имя в осуществлении фундаментальной, не потерявшей своей ценности и для современной науки публикации труда В.В. Радлова осталось в тени, — не единичный случай. Научно-редакторская, издательская деятельность В.В. Вельяминова-Зернова требует отдельного изучения по материалам петербургских архивов и периодических изданий Академии наук, научных обществ и соответствующего освещения.

Библиография

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863—1887.

Записки Императорской Академии наук. СПб., 1863. Т. 3.

Записки Императорской Академии наук. СПб., 1865. Т. 6. Кн. 1—2.

Записки Императорской Академии наук. СПб., 1868. Т. 13.

Известия Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2.

Калимуллина Ф.Г. В.В. Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. Казань, 2014.

Каталог изданий Императорской Академии наук. Издания на русском языке. СПб., 1876.

Курныкина Г.И. Алтайской период жизни и творчества академика В.В. Радлова // Актуальные вопросы истории Сибири. Секция «Россия, Сибирь и сопредельные страны [Электронный ресурс] <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/79-388.html>

Мурадов В. Ефимий Малов о Ш. Марджани, К. Насыри и В. Радлове // Гасырлар авазы — Эхо веков: Научно-документальный журнал. Казань, 1999. № 1—2.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. Ч. IV. СПб., 1872.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888. Т. 1.

Е.Н. Каменская

О ПОРТРЕТЕ И.Р. РАДЛОВОЙ РАБОТЫ А.Е. ЯКОВЛЕВА

Творчество Александра Евгеньевича Яковлева (1887—1939) — художника знакового, но парадоксально малоизученного, известно лишь отчасти. Его обширное наследие рассеяно по частным и музейным собраниям мира, и каждое вновь «открытое» произведение раскрывает еще одну грань его творческой индивидуальности.

В последнее время в антикварных галереях и аукционных домах довольно часто появляются работы Яковлева 1920—1930-х годов, составившие общемировую славу их создателю. Работы же раннего, российского, периода — явление гораздо более редкое. Именно к таким произведениям относится портрет Ирины Рудольфовны Радловой (1915 г.) из московской частной коллекции.

Портретное творчество Яковлева — явление сложное и многообразное. На протяжении всей жизни художник создавал портреты современников. В этом жанре нашли отражение его художественные поиски, мировоззрение, эстетическое кредо и отношение к модели. Портреты разнообразны по манере исполнения, технике, точке зрения на модель. Холодную репрезентативность «неоклассических» портретов 1910-х годов сменяет чувственная живописность произведений конца 1920-х, а пронизательность антрополога-физиогномиста «аф-

риканских» портретов 1924—1926 гг. — художественное обобщение. В целом же «портретная формула» Яковлева представляет собой переплетение нескольких стилистических потоков, в основе которых лежит неизменная академическая традиция, надолго утвердившая за ним реноме художника-неоакадемиста (или неоклассициста).

Творческие поиски Яковлева 1910-х годов совпали с установками первых теоретиков неоклассицизма. Константы нового стилевого направления в его творчестве преломились в виде увлечения искусством и техникой старых мастеров, а также попытки восстановления в живописи «картинной» традиции. Критическая эссеистика тех лет на страницах журнала «Аполлон» провозглашала призывы к обновлению через классику: неоклассицизм объявлялся единственным путем к спасению искусства от разрушения «новыми варварами». У Яковлева понимание классики было универсальным, в нем отсутствовала стратегическая программность. Примкнув в 1912 г. к воссозданному художественному объединению «Мир искусства», Яковлев вошел в группу «неоклассиков», к которым принято относить также В. Шухаева, Н. Радлова, К. Петрова-Водкина, Э. Серебрякову, архитекторов — В. Щуко, А. Таманова, И. Жолтовского, И. Фомина.

Знание искусства старых мастеров и неутолимый интерес к их живописи, воспринятые Яковлевым в стенах Академии художеств и Эрмитаже, а также в ходе первой поездки по Италии и Испании (1914—1915 гг.), на многие годы определили и его стилистическую манеру, и типологию созданных им портретов. Портреты художника 1910-х годов представляют собой своего рода иконографические ребусы. При общей пластической определенности неоклассической портретной концепции, предполагающей точность внешнего облика портретируемого, изобразительная лексика Яковлева насыщена как косвенными, так и прямыми отсылками к искусству старых мастеров. В художественных приемах его работ тех лет отзываются и торжественная отстраненность парадных портретов Аньоло Брон-

зино, и бесстрастность лиц Ганса Гольбейна, и чеканная линия Андреа Мантеньи и феррарцев, и тихая меланхолия пейзажей Джованни Беллини. Яковлев легко поддается влиянию их стилистики, сближаясь то с одним, то с другим.

К числу наиболее показательных примеров можно отнести портреты скрипача (Скрипач. 1915. Холст, масло. 201 × 69 см. Государственный Русский музей), мексиканского художника Роберто Монтенегро (Портрет Роберто Монтенегро. 1915. Холст, темпера. 221 × 112 см. Государственный Русский музей), а также портрет петербургской знакомой автора Ирины Рудольфовны Радловой, или, как ее именовали в те годы, — Ирен фон Радлов (Ирен фон Радлов. 1915. Доска, темпера, масло. Иконная доска, масло. 83 × 55. Частное собрание, Москва).

Все три произведения были созданы в период первой поездки Яковлева и привезены в Петроград в 1915 г. «Скрипача» вскоре приобрел известный столичный собиратель А.А. Коровин, а после революции 1917 г. вся его коллекция оказалась в фондах Русского музея. «Портрет Роберто Монтенегро», экспонировавшийся в 1916 г. на выставке «Мир искусства», спустя два года передала в Русский музей его жена, Белла Георгиевна Яковлева (Казароза). Портрет Ирен фон Радлов первоначально принадлежал изображенной, потом на долгие годы исчез из поля зрения искусствоведения, и лишь несколько лет тому назад был обнаружен в одной из частных московских коллекций.

Сведений об Ирен фон Радлов, Ирине Рудольфовне Радловой, в девичестве Моор, не так много. Известно, что она была женой Александра Васильевича Радлова (1871–1919 ?), сына известного ученого, востоковеда, лингвиста и этнографа, директора Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого В.В. Радлова (1837–1918). Можно предположить, что Ирина Рудольфовна была сестрой Вильяма Рудольфовича Моора, зятя В.В. Радлова, мужа его дочери Нины. В 1910-е годы Ирина Рудольфовна вместе с мужем и маленькой дочерью про-

живала в Петербурге, в так называемом Доме академиков, расположенном на углу Университетской набережной и 7-й линии Васильевского острова.

По воспоминаниям В.П. Барабанова, правнука А.В. Радлова, прадед с дореволюционных времен состоял на службе в Академии наук. Будучи столоначальником канцелярии Правления, он был направлен весной 1919 г. в Москву для оформления закупок бумаги и канцелярских принадлежностей в Финляндии, после чего домой не вернулся [Матвеева 2010: 6–14]. Ирине Рудольфовне и ее дочери Лилии было предписано не позднее 1 ноября 1919 г. освободить квартиру, занимавшую весь второй этаж. Они покинули Россию, а в 1930-е годы связь с родственниками прервалась. Из черновика ответа В.И. Шухаева на письмо С.А. Шустера (частный архив) известно, что «после революции» Ирина Рудольфовна «уехала в Италию и умерла на острове Иския». Из того же источника известно, что дочь Ирины Рудольфовны в 1920-е годы «приезжала к Саше Яковлеву в Париж».

Благодаря исследованиям историка М.Г. Талалая известно, что вторым мужем Ирины Рудольфовны стал Джузеппе Меннелла, итальянский медик и краевед. Они действительно жили на острове Иския, в городке Казамиччола-Терме. По всей видимости, Ирина Рудольфовна скончалась около 1949 г. Дочь ее, Лилия Александровна Радлова, была художницей, некоторое время жила с мужем, французским художником, в Париже. Вернувшись после смерти мужа на Искию, она продала дом матери и отчима с правом проживания там. После смерти Лилии Александровны в 1965 г. ее семейный архив был уничтожен.

Судя по большому количеству портретов Ирины Рудольфовны, исполненных Александром Яковлевым в конце 1900-х — начале 1910-х годов, художника и его модель связывали дружеские отношения. Можно предположить, что в 1920–1930-е годы они встречались в Италии, куда Яковлев постоянно наезжал: на соседнем Капри у него была своя мастерская.

История портрета Ирен фон Радлов, долгое время размещавшегося в гостиной известного московского дома¹, началась, по всей видимости, в конце 1900-х — начале 1910-х годов. Именно к этому времени относятся первые наброски и эскизы из собрания Русского музея, однако лишь некоторые из них были идентифицированы. Проведенный сравнительный анализ показал, что художник создавал их с одной модели — Ирины Рудольфовны Радловой.

Всего в ходе исследования в фондах Государственного Русского музея и Национального музея Армении было выявлено четыре большеформатных этюда портретного изображения молодой женщины работы Александра Яковлева. Установлено, что внешний облик каждой изображенной совпадает с обликом женщины с «московского» портрета, однако, в отличие от завершенного произведения, работы Яковлева из музейных собраний представляют собой этюды, точнее подготовительные этюды к портрету.

Имя изображенной, именуемой в каталогах музейных собраний как «неизвестная», удалось уточнить, опираясь на каталог совместной выставки А.Е. Яковлева и В.И. Шухаева [Государственный Русский музей. Государственный музей искусств Грузинской ССР], в котором под № 7, 18, 34 и 35 приводятся описания портретов Ирен фон Радлов. Так, под № 18 в каталоге значится датированный 1915 г. эскиз-вариант «Портрета Ирен фон Радлов». Портретное сходство изображенных в этом произведении и в ранних портретах Ирен фон Радлов 1909–1910-х годов, опубликованных в том же каталоге под

¹ В конце 1960-х годов американский журналист, корреспондент «Санди таймс» Эдвард Стивенс приобрел портрет у ленинградского коллекционера Соломона Шустера. В московском доме Роберта и Нины Стивенс с конца 1960-х годов бывали дипломаты и политики, советские и зарубежные журналисты, московские художники-нонконформисты. Нина Андреевна поддерживала художников, ее зарубежные гости с интересом открывали для себя неофициальное советское искусство. При ее содействии произведения Василия Ситникова, Владимира Немухина, Оскара Рабина и многих других художников попадали в зарубежные частные и музейные собрания.

№ 7 и № 34, убедительно свидетельствует о том, что на всех портретах запечатлена одна и та же модель — Ирен фон Радлов. Соответственно, близость изображений в «московском» портрете и в так называемом эскизе-варианте к нему позволяет датировать исследуемый портрет 1915 годом. Подтверждают это и письма Яковлева того же года, адресованные профессору Д.Н. Кардовскому, написанные во время поездки в Италию и Испанию. В них Яковлев упоминает свою работу над живописным поясным портретом «по рисункам с одной дамы, что сейчас в Петербурге находится» [«Когда краска еще свежа» 1989: 48]. Подтверждает авторство Яковлева и уточняет имя изображенной — «Ирина Рудольфовна» — на исследуемом портрете художник и близкий друг автора В.И. Шухаев в своем письме от 26 октября 1967 г., адресованном С.А. Шустеру, владельцу портрета 1960-х годов.

Характерное лицо модели узнаваемо в разных образах. В ранних портретах это дама в широкополой шляпе, украшенной пышными перьями по моде начала 1910-х годов. В других портретах лицо изображенной приближено; беглыми движениями тушью художник оставил абрис «головки» на манер рисунка на полях. Волосы модели, разделенные ровным пробором, уложены в «историческую» прическу в стиле «брюлловских» итальянок. Очевидно, образ, созданный художником, отражает вкус самой модели. На одной из фотографий тех лет Ирина Рудольфовна запечатлена именно с такой прической (см. рис.)¹.

Иное мы видим в подготовительных эскизах к «московскому» портрету. Лицо модели в них интересует автора куда меньше, нежели фон. Собственно, четыре вышеназванных эскиза разрабатывают варианты фона — от «ренессансного» каменистого пейзажа до фантазийного футуристического с диковинными конструкциями и растениями. В фигуре изображенной автор подчеркивает ее скованность и парадную «оцепеневшую» недвижность. Варианты фона и колористической гаммы при

¹ Фотография из архива П.А. Матвеевой, Санкт-Петербург.

неизменной композиции в этих эскизах дают любопытное свидетельство специфики творческого поиска автора. Лицо модели художник писал «по памяти»; очевидно, оно ему было хорошо знакомо. В эскизах из Русского музея и Национального музея Армении индивидуальный облик словно теряется за экспрессивной живописью фона. В окончательной версии автор выбирает более лаконич-

ную форму, «подсказанную», видимо, западноевропейским классическим искусством портрета. Несмотря на реминисценции с живописью старых мастеров — от композиции до техники (темпера и масло на доске), в портрете просматривается тяготение к схематичности и предельно лаконичному живописному решению в изображении как модели, так и интерьера.

Взятая за образец ренессансная портретная формула уравновешивает композицию. Между тем в формах — от проема в окне до овала лица и рисунка губ — заложена потенция к геометричности, доходящая едва ли не до знаковости. Почти монохромная густая темперная живопись серо-зеленой палитры с малиново-коричневой расцветкой создает эффект дагерротипа. Темные одежды скрывают пластику тела, а безучастный лик модели напоминает скорее гипсовую маску. Преувеличенная пластика губ, глубокие тени у век в сочетании с «глухой» живописью одежды и фона придают лицу сюрреалистический оттенок, а рука, перекинутая через парапет, обозначает границу двух пространств. Глянцевая круглящаяся поверхность с видимой склейкой, как и видимая физическая тяжесть доски, на которой написан портрет, создают уже внехудожественное впечатление — осязаемое ощущение «вещности» самой картины как предмета.

В портрете Ирен фон Радлов Яковлев-неоакадемист, «размывая» черты традиционной портретности, оказывается ближе к поисками современных ему европейских художников, обращавшихся к классической образности в русле своих ретроспективных экспериментов.

Значительное число портретов Ирины Рудольфовны Радловой дает основание утверждать, что в 1910-е годы эта дама стала самой востребованной моделью Яковлева. Ее «московский» портрет 1915 года — результат многолетней работы автора, нашедший воплощение также в вариантах эскизов.

Показательно, что портрет был создан в Италии после длительного путешествия художника по Ломбардии и Тоскане. Как представляется, именно это и определило концепцию портрета, основанную на реминисценциях с искусством ренессанса и маньеризма. В попытке найти аналогии можно предположить, что композиционная схема портрета (модель, изображенная по пояс в трехчетвертном повороте на фоне оконного проема с рукой на парашюте) тяготеет к парадным портретам Аньоло Бронзино. По цветовой гамме и моделировке формы выбор художника ближе к феррарской школе, в частности к живописи Козимо Тура.

Портрет Ирен фон Радлов 1915 года — квинтэссенция стиля Александра Яковлева 1910-х годов. В нем переплетены вкус автора к разного рода стилизациям и ретроспективное обращение к иконографическим принципам старых мастеров, неоакадемическая сдержанность и анатомические преувеличения в духе маньеризма. Вместе с тем в этом портрете наглядно просматривается двойственность, присущая неоклассицизму начала XX в. Классические формы обретают в нем пластичность, легко вбирают в себя оттенки различных современных художественных тенденций, актуализируя таким образом язык традиционного портретного искусства. Следовательно, Яковлев-неоакадемист в портрете Ирен фон Радлов приближается к поисками современных европейских художников, обращавшихся к классической образности в русле своих экспериментов.

Библиография

Государственный Русский музей. Государственный музей искусств Грузинской ССР. А.Е. Яковлев (1887—1938) и В.И. Шухаев (1887—1973). К 100-летию со дня рождения: Каталог выставки. Л., 1988.

«Когда краска еще свежа»: Из неопубликованных писем В.И. Шухаева и А.Е. Яковлева Д.Н. Кардовскому и О.Л. Делла-Вос-Кардовской (1909—1915) / Пред., комм. и подг. текста Е.П. Яковлевой // Советский музей. 1989. № 2. С. 48.

Матвеева П.А. Судьба семьи Радловых в России // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С. 6—14.

М.М. Керимова

РОССИЙСКОЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И СЕМЬЯ ЭТНОГРАФОВ ХАРУЗИНЫХ

Вклад семьи Харузиных в становление и развитие Российской этнографической науки последних десятилетий XIX — первой трети XX столетия неоспорим: они создали более 300 трудов по этнографии и антропологии, многие из которых вошли в золотой фонд отечественной научной мысли и не утратили актуальности и в наши дни. Велика роль Николая и Веры Харузиных в утверждении этнографии как специальной дисциплины в российских вузах и издании первых систематических курсов лекций по этнографии, Николая Харузина — в создании и редактировании первого в России специального журнала «Этнографическое обозрение», а также в активном участии Михаила, Алексея, Николая и Веры Харузиных в развитии этнографического программирования в России, экспедиционных и программных мероприятиях ведущих научных обществ, в архивном и музейном деле (подробнее о Харузиных см. статьи М.М. Керимовой: [2003; 1999; 2007; 2008; 2010; 2011 а; 2011 б]).

Братьев и сестру объединяла не только исключительная увлеченность науками, но и редчайшая преданность друг другу, готовность всегда и во всем прийти на помощь, делиться замыслами и планами. Их многочисленные исследовательские интеле-

ресы часто перекрещивались; они увлекались близкими темами, изучали одни и те же регионы России и зарубежья. Жизненный путь каждого из них, яркий и тернистый, и уж очень недолгий (его обрывала то ранняя смерть, то аресты, то нескончаемые недуги), имел в то же время много общего и в отношении к избранной профессии, и в отдельных нюансах общественно-политических взглядов.

Колоссальный диапазон деятельности Харузиных — специалистов широкого профиля — включал элементы научной, популяризаторской, организационной, лекционной и собирательской работы. Все это не прошло бесследно и для развития музейной этнографии в России. Харузиным довелось сотрудничать с центральными и местными музеями России, что позволило им проанализировать их работу и дать рекомендации по ее улучшению, привлечению физических лиц и общественных организаций для пополнения музейных фондов, увеличения количества экспедиций и др.

Старейший из этнографических музеев страны — Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге (МАЭ) — выделился из Кунсткамеры, которая была создана Петром I в 1714 г. В 1725 г. библиотека Кунсткамеры и ее этнографические и антропологические экспонаты были переданы в ведение Петербургской Академии наук. На основе сосредоточенных в Академии многочисленных коллекций возникло семь специализированных музейных собраний; среди них созданный в 1836 г. Этнографический музей Академии наук, который в 1879 г., после объединения с «Анатомическим кабинетом», стал называться Музей антропологии и этнографии Академии наук. В 1903 г. ему было присвоено расширенное название — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН.

Активную научную и экспедиционную деятельность МАЭ развивает в 1890–1900-е годы, когда с 1894 по 1918 г. его возглавляет академик В.В. Радлов. Приблизительно в это же время происходит знакомство Харузиных с деятельностью

музея и его сотрудниками. Их интересуют этнографические коллекции Сибири и Дальнего Востока, Океании, Австралии, Северной и Южной Америки, отраженные в собраниях музея и его периодическом издании «Сборник Музея антропологии и этнографии» [Станюкович 1964; Потапов 1964].

Чаще всего к разнообразным собраниям МАЭ обращается В.Н. Харузина. Она высоко оценивает деятельность Музея и его директора В.В. Радлова в рецензии на книгу «Ко дню семидесятилетия академика Василия Васильевича Радлова» [Харузина 1907 а: 5]. С ним Харузина была лично знакома, показывала ему этнографические коллекции Румянцевского музея [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Л. 50]. Это издание, по ее мнению, содержит перечень многочисленных работ маститого ученого и очерк о развитии МАЭ за 1904–1906 гг. под его руководством и при участии его ближайших сотрудников: Л.Я. Штернберга, С.Ф. Ольденбурга, Б.Э. Петри, Б.Ф. Адлера, Е.М. Романовой, Н.М. Могилянского и др.

Бесконечно много любви и труда, отмечает Харузина, вложено в рост музея, принятого директором в крайне бедном состоянии [Харузина 1907 а: 5]. Радлов сумел создать группу активных «жертвователей» в научный фонд музея, расширить экспедиционную работу, взаимообмен с иностранными учреждениями, и, главное, он определил способ каталогизации, дававший возможность распределения экспонатов в эволюционном и культурно-этническом порядке. Вера Николаевна считала, что именно такой способ позволял классифицировать предметы в соответствии с их однородностью, назначением и ролью в культуре.

Нам представляется, что краткая рецензия Харузиной о деятельности В.В. Радлова и всего коллектива сотрудников музея может служить образцом позитивной оценки деятельности МАЭ, так необходимой российскому этнографическому музееведению начала XX в. Подтверждением этому может служить запись в дневнике В.Н. Харузиной от 1 января 1915 г.: «Сейчас у меня так много желания работать, стоит только прочесть от-

чет МАЭ — и как волна поднимается» [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 76. Л. 38]. Она, очевидно, имела в виду отчет Л.Я. Штернберга «Деятельность Музея за 1914 год» [Сборник МАЭ 1916: 215—212] и очень радовалась успехам своих коллег, интересовалась новыми выставками. В.Ф. Миллер, например, сообщает Харузиной, что он был на открытии выставки Камчатской экспедиции Рябушинского (7 декабря 1912 г.), «провел все утро в Этнографическом музее Петра Великого при Академии. Осматривал айнскую коллекцию, а сегодня вечером коллекции этнографов, собранные для приезда из Москвы В.В. Богданова» [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 38. Л. 115 об.].¹

Заочное знакомство Николая и Веры Харузиных с известным этнографом и музееведом Л.Я. Штернбергом произошло в 1893 г., когда он, политический ссыльный, с 1889 по 1897 гт. член революционной организации «Народная воля», находясь на о-ве Сахалин и пребывая в тяжелейших условиях, смог отослать в Москву редактору журнала «Этнографическое обозрение» Н.Н. Харузину свою статью «Сахалинские гиляки» [Штернберг 1893]. А в дальнейшем, после ознакомления Харузина с его работой «Путешествие на крайний север о. Сахалин» [Штернберг 1896], прислал ему рукопись статьи «Орочи татарского пролива» (1896). Очевидно, ему было известно, что редколлегия журнала «Этнографическое обозрение» во главе с профессором В.Ф. Миллером и Н.Н. Харузиным приняла решение предоставлять ссыльным этнографам журнальные страницы.

Николаю Николаевичу не довелось лично познакомиться со Штернбергом, зато Вера Николаевна была с ним в дружеских отношениях. С 1901 г. Штернберг живет в Петербурге.

¹ Богданов Владимир Владимирович (1868—1949), этнограф, специалист по восточнославянской этнографии, доцент МГУ, музейный работник, член (1891—1930) и ученый секретарь (1905—1930) Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ). После смерти Н.Н. Харузина стал редактором журнала «Этнографическое обозрение».

Он сотрудник МАЭ, с 1904 г. — старший этнограф Музея. Харузина пристально следит за работами Штернберга, блестящего эрудита, теоретика и практика этнографических исследований по малым народам Дальнего Востока. В ее дневнике от 13 ноября 1909 г. есть запись о радостной весте — предложении Штернберга работать в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, где он в то время был редактором и автором многих статей [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 72. Л. 126]. Приезжая в Москву, Штернберг посещал дом Харузиных, а Вера Николаевна писала, что в 1916 г., будучи в Петербурге, «интересно разговаривала с ним по телефону» [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 76. Л. 75 об.].

Случайно пересеклись судьбы Штернберга, Харузиной и Б. Пилсудского (1866—1918). Поляк по рождению, участник «Народной воли», Пилсудский с 1889 г. отбывал срок на Сахалине, где в 1891 г. познакомился и сдружился со Штернбергом. Штернберга и Пилсудского объединяла любовь к этнографии айнов, нивхов, орочей и других народов. Он помогал Пилсудскому деньгами для пополнения огромной коллекции последнего, долго и пристально изучавшего народности Дальнего Востока. В 1903 г. ИРГО наградило Пилсудского малой серебряной медалью за ценнейшую айнскую коллекцию. В Архиве МАЭ сохранилась опись коллекции Пилсудского, некоторые из записей существуют в автографах Штернберга. Интересно, что А.П. Чехов помогал Пилсудскому организовать на Сахалине библиотеку. Пилсудский следил за блестящей карьерой Н.Н. Харузина и В.Н. Харузиной. После выхода учебника «Этнография» Н.Н. Харузина он обратился к его сестре и редактору труда с просьбой прислать ему экземпляр. Так завязалась их переписка, особо активная в 1912—1913 гг.

В своих письмах из Польши Пилсудский благодарит Веру Николаевну за заочное знакомство с В.Ф. Миллером, который проявил к нему большое внимание; сообщает, что на ее брошюру «Отчет о летней поездке в Германию», где идет речь о немецких этнографических музеях, написал рецензию для львов-

ского журнала «Lud», восторженно отзываясь о статье Веры Николаевны в книге «Игрушка. Ее история и значение» и особенно о статье «О почитании огня» (писал, что приложенную к последней этнографическую программу хочет распространить в Польше) [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 37. Л. 50; Д. 38. Л. 68].

Начиная с середины XIX в. в русском обществе не стихают споры о необходимости создания государственного музея русского искусства. Они завершаются в 1895 г., когда по приказу Николая II в С.-Петербурге учреждается Русский музей императора Александра III. Официально он был открыт для посетителей в 1898 г. в роскошном Михайловском дворце. В нем были отделы: памяти Императора Александра III, этнографический, художественно-промышленный и художественный. В 1902 г. из состава Русского музея выделился этнографический отдел, на основе которого в 1934 г. в Ленинграде был создан самостоятельный Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ), в 1992 г. переименованный в Российский этнографический музей (РЭМ). В 1948 г. в него влились коллекции из свернутого в годы Великой Отечественной войны Музея народов СССР (Москва).

Во главе этнографического отдела Русского музея (до 1910 г.) стоял известный этнограф, бывший народоволец Д.А. Клеменц, сотрудниками были Е.А. Ляцкий, Н.М. Могиланский, Ф.К. Волков, А.А. Миллер и др. В разработке научных основ плана и программы этнографического отдела Русского музея участвовали ведущие российские ученые: А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский, А.И. Соболевский, В.В. Стасов, П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Был приглашен и уже известный в научных кругах А.Н. Харузин¹, который свои сооб-

¹ О прочных связях А.Н. Харузина с музеем свидетельствуют следующие факты. Поскольку Мстислав Харузин увлекался историей и археологией Древнего Египта и даже побывал в Египте в 1914 г., А.Н. Харузин, поддерживая увлечение сына, повел его в музей Императора Александра III, где они познакомились с Б.А. Тураевым, который в дальнейшем помогал молодому ученому: «Слава вчера уехал в Петроград с рекомендательными письмами

ражения по этому вопросу изложил письменно. Горячие споры относительно задачи музея закончились решением: она должна состоять в «изучении этнографии Российской империи, славян и сопредельных стран». Была составлена и специальная программа, предусматривавшая экспедиции в разные регионы для сбора предметов материальной и духовной культуры европейской части России, Дальнего Востока и Сибири, Крыма и Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Краеведы и информанты широко привлекались к этой нелегкой работе. К 1909 г. в этнографическом отделе Русского музея насчитывалось 78 716 экспонатов.

В.Н. Харузина поддерживала связи с сотрудниками этнографического отдела. В ее дневнике сохранилась, например, такая запись: «10.I.1903. Сейчас письмо от Ляцкого. Он, оказывается, хранитель Этнографического музея Александра III — это место, о котором я мечтала для Коли (Николая Харузина. — М.К.), завязывает связи с московскими этнографами и приглашает меня к сотрудничеству. Этнография — общее дело» [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 68. Л. 72]. В ее дневнике сохранилась запись и о том, что в очередной раз своего посещения Петербурга была в музее, «разговаривала с А.А. Миллером об изучении орнамента и осматривала с ним Кавказское отделение» [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 76. Л. 75 об.].

Центральным московским музеем, имевшим большую этнографическую коллекцию, становится с 1862 г. переведенный из Санкт-Петербурга Румянцевский музей. Он был учрежден в 1828 г., открыт для посетителей в 1831 г. и состоял из коллекций, собранных при содействии кружка графа Н.П. Румянцева, ученого, коллекционера и мецената. Собрание предметов из Океании и стран Дальнего Востока было главным его бо-

Тураева к Марру и Орбели» [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 76. Л. 41–41, 49 об.]. Б.А. Тураев (1868–1920) — историк, академик (с 1918), создатель отечественной школы истории Древнего Востока, в частности Древнего Египта и Нубии. Наряду с В.С. Голенищевым считается основоположником египтологии в России.

гатством. В 1862–1869 г. он носил название «Московский Публичный музей и Румянцевский музей». В 1867 г., после закрытия Первой Всероссийской этнографической выставки в Москве и на основе ее экспонатов, собранных в разных регионах Российской империи и славянских сопредельных странах, в рамках Публичного и Румянцевского музея создается Дашковский этнографический музей. Его директором с 1867 г. и до своей кончины в 1896 г. был русский этнограф, меценат и коллекционер В.А. Дашков (1819–1896)¹, много сделавший для организации этнографической выставки и ее финансовой поддержки. По сути дела, с 1867 г. он возглавлял Московский Публичный и Румянцевский музей².

Велики заслуги выдающегося русского фольклориста, этнографа, языковеда и археолога В.Ф. Миллера (1848–1913), с 1884 по 1897 г. бессменного хранителя фондов Дашковского музея, составителя и автора четырехтомного труда «Систематическое описание коллекций Дашковского музея» (Вып. I–IV. М., 1887–1895). Н.Н. Харузин высоко ценил этот фундаментальный труд своего учителя. В журнале «Этнографическое обозрение» за 1894 г. (см. подробнее [Харузин 1894: 140–142]) он опубликовал пространный отзыв на третий выпуск. Он отличался от первых двух выпусков тем, что в них содержались, помимо описания музейных коллекций инородческого населения России, библиографические указатели всех трудов, по которым этнографы могли изучать их быт и культуру. В третьем же выпуске, где речь шла о велико- и малороссах, белорусах и поляках, такой надобности не было: существовала уже большая критическая литература, поэтому Миллер сосредоточил

¹ За счет В.А. Дашкова в период с 1868 по 1888 г. были изданы: «Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих» (I–II. М., 1868–1873); «История русской жизни с древнейших времен» И.Е. Забелина (I–II. М., 1876–1879); «Материалы для исторического описания Румянцевского музея» К.И. Кестнера (М., 1882) и др.

² На базе Румянцевского и Дашковского собраний был создан Центральный музей народоведения (1924), фонды которого в 1948 г. были перевезены в Ленинград.

внимание на проблеме трансформации русской крестьянской одежды под влиянием городской культуры. Разослав особую программу по этому вопросу в 35 губерний и получив богатый и ценный этнографический материал, он тем самым достиг двух целей — сохранения старины и уточнения компонентов современного костюма.

Н.Н. Харузин особо отмечал, что колоссальная работа, продолженная В.Ф. Миллером, привела к блестящему результату. Было систематически прослежено изменение внешнего, материального народного быта, в том числе одежды и нравов крестьянского населения России конца XIX в., а также новых взглядов и представлений в целом. По мысли рецензента, музейевед по призванию, Миллер, затронув мало разработанные вопросы быта восточных славян Российской империи, сумел оказать существенную услугу русской этнографии.

Эта работа Миллера в числе других публикаций, безусловно, выдвигала Румянцевский этнографический музей в число ведущих культурно-просветительских учреждений России. Когда в 1910 г. среди ученой общественности Москвы пошли разговоры о выделении этнографических коллекций из Румянцевского и Дашковского музеев (одним из основных сторонников этого был меценат и коллекционер И.Е. Цветков) и необходимости создания «Русского национального этнографического музея», о переводе всех московских фондов в Петербург, Вера Николаевна писала в своем дневнике 2 мая 1910 г.: «Ведь здесь коллекции, собранные моей семьей. <...> Столько положено нашей любви, <...> и столькому учились» [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 73. Л. 49 — 49 об].

В 1913 г. она дважды присутствует на заседании кафедры антропологии Московского университета, возглавляемой Д.Н. Анучиным, при обсуждении вопроса о создании нового музея, который, по его словам, «должен быть национальным, а национальность определяет прежде всего культуру, во вторых — язык, в третьих — быт, т.е. этнографию» [Там же. Д. 75. Л. 97—98]. К работе в музее, считает Анучин, нужно

привлекать молодежь, но использовать и кадры опытных сотрудников. В.Н. Харузина тесно сотрудничала с дирекцией этого музея, ее нередко приглашали на совещания [Там же. Д. 39 Л. 22]. В 1913 г. было образовано общество друзей музея, в которое вошла и Вера Николаевна.

В связи с ее переживаниями по поводу перевода этнографических фондов в Петербург уместно перечислить некоторые предметы, подаренные членами ее семьи, их родными, знакомыми и учениками Дашковскому этнографическому музею. Интересна дневниковая запись Харузиной от 10 декабря 1903 г.: «Отвозила в Румянцевский музей глиняные свистульки. Как всегда, музей меня притягивает. Мне бесконечно интересны разные мелочи, посуда, деревянные изделия и пр. В плачевном состоянии шкафы: Янчук показал мне из Костромской, Орловской губ. вышитые поневы» [Там же. Д. 68. Л. 138 об.]¹.

Среди экспонатов, подаренных Дашковскому этнографическому музею членами семьи Харузиных, их родственниками и знакомыми, были предметы быта (образцы тканей, элементы народного костюма), народные музыкальные инструменты, открытки с изображением представителей разных народов в национальных костюмах, каталоги зарубежных этнографических музеев. Все это было собрано во многих губерниях России, а также в Германии, Австрии, Бельгии, Франции, Боснии и Герцеговине, Сербии, Словении. Больше всего предметов передали в музей В.Н. Харузина, А.Н. Харузин и другие члены их семьи, а также студентки Веры Николаевны и коллеги-этнографы (Р.С. Данковская, Е.Н. Клетнова, Е.И. Гущина, А.Д. Солодовников и М.П. Солодовникова, А.А. Ивановский, Н.А. Крылов, В.П. Тихонов и др.).

Например, Н.Н. Харузин в 1897 г. передал музею следующие предметы: десять глиняных свистулек из Скопинско-

¹ «23.X.1906. Сегодня в Румянцевском музее подошел ко мне Романов. Он из Могилева переезжает в Вильну в новоучрежденный Этнографический музей. Изучает постановку музейного дела в Румянцевском музее». Харузина дала ему для ознакомления материалы Этнографической выставки 1867 г. [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 70. Л. 131 об.].

го уезда Рязанской губернии и десять фотографий рабочих золотых приисков, костюмы бурятского шамана и китайцев, мужские лапти мордвы-эрзи из Нижегородской губ., а также изображение уличной сцены в станице Сретенской Забайкальской области.

Экспонаты по этнографии эстонцев, поступившие в Дашковский этнографический музей, были приобретены во время подготовки к печати А.Н. Харузиным издания «Временник Эстляндской губернии» при содействии членов ИОЛЕАЭ в Эстляндской губернии и при посредничестве Эстляндского губернского статистического комитета. Это 49 образцов тканей из Вейсенштейнского и Везенбергского уездов, пастушеская труба из Виленской губернии, женские головные уборы — чепцы (*каптур*), башмаки мужские и женские (*клумпай*) из Ковенской губернии (часть этих экспонатов передана друзьями Харузиных — Н.И. Астровым, Е.О. Шарко, А.Д. Солодовниковым).

А.Н. Харузин в 1905–1906 гг. подарил музею головной убор невесты из Хотинского уезда Бессарабской губернии, 14 писанок из Буковины и Бессарабии; вместе с В.Н. Харузиной он пожертвовал также 22 посткарты хорватов, 12 — сербов, 28 — румын и венгров; 4 открытки с изображениями румын.

Больше всего различных предметов поступило от В.Н. Харузиной: три фотографии калмыков, переданные ей А.Н. Харузиным в 1887 г., ее собственная коллекция деревянных ложек из Нижегородской, Воронежской, Московской, Черниговской, Эстляндской, Тамбовской, Пермской, Вятской, Владимирской, Вологодской губерний, Кавказа и Области Войска Донского, из окрестностей Соловецкого монастыря, Боснии и Герцеговины (1903 г.). Кроме того она подарила музею фотографии, тканые пояса, ладанки из майолики, холщовые полотенца из Тамбовской губ. и от малороссов Галиции, переданные ей информантами, а также множество других предметов быта¹.

¹ См. подробнее: А РЭМ (Архив Российского этнографического музея, Санкт-Петербург). Ф. 5. Оп. 46. Д. 36. Л. 24, 32, 44, 62, 63, 106, 110, 113–119, 125–128, 137, 152; Оп. 4. Д. 33. Л. 12, 13, 33, 34, 107, 162, 137, 145–147.

Николай и Вера Харузины, ведя систематическую лекционную работу в вузах Москвы, убеждали своих учеников в необходимости изучения этнографических музейных фондов и неоднократно свои лекции по отдельным темам сопровождали экскурсиями в Публичный, Румянцевский и Исторический музеи. Они считали, что наглядное восприятие экспонатов, сопровождаемое комментарием лектора, в значительной степени поможет студентам усваивать учебные материалы.

В связи с этим весьма интересны письма В.Н. Харузиной за 1916—1921 гг. известному этнографу Д.К. Зеленину [СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 436]. Будучи лектором Археологического института, Вера Николаевна лелеяла мечту наряду с устройством институтской этнографической библиотеки создать и музей. В письме к нему от 24 апреля 1916 г. она отмечала: «В Московском Археологическом институте возникает мысль основать при Институте музей по антропологии, археологии и этнологии — чисто учебного характера. В связи с этим учреждается Общество друзей музея. Устав, который я Вам посылаю, дает право осуществлять широкие задачи — но это со временем. Главное — создать музей. Ведь через такие общества создавались в Германии и крупные музеи. <...> Прошу Вас, не откажите мне написать, <...> **что бы Вы считали необходимым для такого отделения музея, в общем и в деталях**» [СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 436. Л. 1 об., 4 об.]

Харузина просит Зеленина прислать также конспект его лекций по этнографии и программу Русского географического общества. В этом и других письмах она выражает свое горячее желание лично познакомиться с Д.К. Зелениным (удалось ли это, нам не известно). Во всяком случае, она хорошо знала, что Зеленин (выходец из Сарапульского у. Вятской губ.) — прекрасный знаток родного края, исследователь быта и культуры восточных славян, собиратель сказок, мифов и других произведений народной словесности и искусства. Он был ей близок уже поэтому.

Вера Николаевна в других письмах от 1916 г. сообщает, что ее рецензия на «Очерки русской мифологии» Зеленина напечатана в «Живой старине» и что она интересуется защитой его докторской диссертации по этой книге в Московском университете в 1917 г. и извиняется, поскольку не сможет быть на защите из-за болезни (письмо от 9 января 1916 г.), но приглашает Зеленина домой, чтобы познакомиться с ним.

В письме от 14 апреля 1917 г. Харузина жалеет, что не смогла снова свидеться с Зелениным, и, поздравляя его с защитой диссертации и желая новых трудов, пишет: «Узнала, что диссертация вышла удачной. <...> Ваше имя и труды дороги русским этнографам. <...> Сердечно благодарю Вас за извещение об избрании моем в члены Географического общества. Скажу Вам, что избрание это мне очень приятно — хотя я чувствую, что становлюсь очень плохой работницей» [СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 436. Л. 6].

Харузина просит Зеленина сделать корректировку в плане и замечаниях по проекту этнологического отдела в учебном музее и делится своими соображениями. Она хочет разбить отдел на два: первый — «по обучению правильным методам собирания этнографических материалов и другой, в котором коллекции располагаются так, чтобы дать понятие об эволюции явлений и дать идею о значении сравнительного изучения их у разных народов» [СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 436. Л. 4 об.].

В идеале, считает она, хорошо иметь оригиналы, но и подбор рисунков, фотографий, моделей полезнее, чем ожидание накопления оригиналов. «Мне бы хотелось, чтобы, выйдя из нашего учебного музея, можно было идти учиться дальше, в окружные этнографические музеи, и подходить к их богатейшим коллекциям более осмысленно <...> и также усвоить себе приемы собирания и найти всё, что нужно для подготовки, например, этнографической карты, программы, библиографии, библиотечных указателей, образцовых снимков, планов, записей, инструкций, как готовиться к дальнейшим поездкам» [СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 436. Л. 5].

Последнее письмо к Зеленину доказывает, что метод, применяемый ею к анализу этнографических данных, остается прежним — сплавом эволюционного, сравнительно-исторического и социологического методов. В основном она придерживалась его в своем учебнике «Этнография» (1909, 1914) и в отдельных исследованиях разных лет.

Д.К. Зеленин, высоко ценивший научную деятельность Харузиной, исполнил свой долг перед другом и коллегой: он написал рецензию на ее брошюру о музеях Германии, а после ее смерти опубликовал некролог о Вере Николаевне в польском журнале «Lud Słowiański» [Зеленин 1931].

В многогранном научном творчестве Харузиных большое внимание уделялось музейным коллекциям российских регионов, Центральной Европы и Америки. Будучи в Сибири вместе с братом Николаем, Вера не могла обойти факт существования на этой богатой земле краеведческих и этнографических музеев. Их привлекли Тобольский, Минусинский, Томский¹, Пермский музеи, с 70-х годов XIX в. шире других развернувшие работу по собиранию разнообразных коллекций и подключению науки с ее достижениями к просветительско-популяризаторской деятельности, которая, по мнению Н.Н. Харузина и В.Н. Харузиной, имела большое значение для развития самобытных сибирских народностей.

Н.Н. Харузин принял участие в делах Тобольского губернского музея, основанного в 1870 г. и имевшего свой этнографический отдел по изучению быта остяков и самоедов и их культуры. Он отмечал роль музея и его подвижнические начинания в накоплении множества экспонатов, имевших большое значение не столько для изучения края, необходимого для понимания жизни и быта инородцев и русского населения, сколько для сплочения кадров местной интеллигенции в деле сохранения уходящей старины².

¹ Для ознакомления с фондами Томского музея и написания статьи «О древностях Томского музея» (Археологические известия и заметки. 1895. № 9–10) Н.Н. Харузиным была предпринята поездка в Сибирь в 1895 г.

² Две рецензии Н.Н. Харузина на «Ежегодник Тобольского губернского музея» Вып. III–V. (Этнографическое обозрение. 1896. № 1. С. 169–170;

В своей рецензии на труд Е.К. Яковлева «Описание Минусинского музея» [Харузина 1900: 152–154] В.Н. Харузина высоко оценила коллекции по этнографии инородческого населения Енисейской губернии и роль каталога его этнографического отдела. Коллекция отдела из 3 тыс. единиц хранения давала возможность, считала она, исследовать старые формы жизни этого далекого сибирского края, их столкновение с новыми явлениями, которые принесли сюда переселенцы: русские, эсты, латы, мордва. Ценность коллекции музея, созданного в 1877 г., заключалась в экспонатах малоизученных локальных групп хакасов, сойотов, алтайцев, остяков и эвенков, а также китайцев и японцев.

Особо подчеркивала рецензент то, что энергичные работники музея — небольшая группа людей — сделали очень много, бескорыстно посвятив себя всестороннему изучению обширного региона. Энтузиасты создали девять отделов, метеостанции, библиотеку в 15 тыс. наименований. Музей участвовал во Всемирной Парижской выставке 1900 г., отправив туда коллекции по флоре, этнографии и археологии Енисейской губернии. Уже все это подняло его авторитет и значимость.

Соглашается Вера Николаевна и с точкой зрения Яковлева о том, что нужно спешить с изучением народного быта и религиозных воззрений аборигенных народов, которые подвергаются влиянию христианства, буддизма, а сказки и былины исчезают постепенно, по мере вымирания самих сказочников. Весьма ценной считает Харузина вступительную статью автора (122 с.), в которой тщательно описан каждый предмет этнографического отдела Минусинского музея, что позволяет представить его зрительно. Материалы по русскому населению края, состоящему из крестьян и казаков, проанализированы очень вдумчиво, как и материалы по мордве и латышам, остякам, тунгусам и китайцам, подготовленные для экспозиции самим создателем музея Н.М. Мартяновым¹.

Этнографическое обозрение. 1897. № 1. С. 183–184) помещены в разделе «Критика и библиография».

¹ О деятельности Н.М. Мартянова писал В.В. Богданов в рецензии на работу Ф.Я. Кона «Исторический вестник местного музея за 25 лет. 1877–

Николай и Вера Харузины сделали очень много на отечественном музейном поприще. Их пристальное внимание к этнографическим музеям и реальное участие в их делах способствовали популярности этнографии и самих заведений и прогрессу лекционно-образовательного процесса в вузах. Благодаря росту интереса к центральным российским этнографическим музеям и к этнографическим коллекциям в краеведческих музеях шло и расширение общего кругозора читательской массы и студентов.

Не получившая высшего образования и решившая заняться самообразованием, В.Н. Харузина, в 1888—1889¹ и 1892—1893 гг. совершила вместе с сестрой Еленой и братом Николаем поездку в Париж, Берлин, Дрезден, Мюнхен, Лейпциг, Женеву, Вену, Варшаву, а затем в 1901 г. вместе с Алексеем — в словенские земли Австро-Венгрии, Триест, Берлин. В 1907 г. с Еленой и ее мужем она опять едет в Берлин, Женеву, Париж, Гренобль, Люцерн. В 1908 г. вновь возвращается в Берлин и Баварию, в 1909—1910 гг. посещает Бельгию, Австрию, Швейцарию.

В 1911 г. Харузина уже одна, по заданию Археологического института, выезжает в Европу, где длительно и целенаправленно выясняет состояние музейного дела. Даже во время поездок в Европу для отдыха и лечения в 1888—1907 гг. она всегда находила время, чтобы посетить музеи и встретиться с выдающимися европейскими музейоведами и этнографами, следила за литературой и периодикой, освещающей деятельность европейских музеев².

1902» (Казань, 1902). Он отмечал заслугу основателя музея, сделавшего его известным провинциальным культурным учреждением России (Этнографическое обозрение. 1902. № 3).

¹ Отметим, что еще в 1890 г. ИОЛЕАЭ отправило В.Н. Харузину в Финляндию для ознакомления с организацией там этнографический музеев. См. подробнее: ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 63. Л. 15—17.

² См., например, ее статью [Харузина 1907 б]. В связи с восторженной характеристикой богатейших коллекций нового этнографического музея в Антверпене В.Н. Харузина критикует недостатки комплектации Московского

Замечательную брошюру «Отчет о летней поездке в Германию. Каталогизация, консервирование и размещение коллекций в этнографических музеях» (96 с.), опубликованную в 1912 г., Харузина писала, опираясь на свои отчеты о командировке в Германию от Археологического института и от этнографического отдела ИОЛЕАЭ. В 1910 и 1911 гг. она посетила этнографические музеи Берлина, Гамбурга, Ганновера, Лейпцига, Нюрнберга, Франкфурта, Штутгарта. До этого в журнале «Этнографическое обозрение» за 1909 г. она опубликовала рецензии, касающиеся организации работы в этнографических музеях Дармштадта, Кёльна и Берлина, явившиеся как бы прологом к указанной выше брошюре. В них Харузина подчеркивала мысль о важности сохранения в этнографических музеях «старинных форм материальной культуры крестьян», о необходимости основания научных периодических изданий при музеях, публикующих материалы о разных племенах, в частности о племенах Центральной Австралии, а также о введении географического принципа в систематику расположения предметов и появления залов сравнительных коллекций.

Харузина предельно четко ограничивает себя в описании Берлинского, Франкфуртского, Штутгартского, Дрезденского и Кёльнского музеев проблемой каталогизации, консервирования и размещения коллекций. При этом она не скупится на подробности, стараясь в каждой детали работы музеев подчеркнуть особенности, новаторство концепций музейеведов и практические новшества.

Подробнее других характеризуется устройство Берлинского¹ и Кёльнского музеев. В шести отделах Берлинского музея

Румянцевского музея и этнографических собраний российских краеведческих музеев и призывает по крупицам собирать предметы и пытаться создать такой же блестящий научно оборудованный музей. По поводу французских музеев Харузина консультировалась с известным собирателем исторических песен Н. Gaidoz. См. его письма к Харузиной: ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 16. Л. 42.

¹ Впервые Харузина познакомилась с коллекциями этого музея в 1907 г., тогда она писала: «Такое счастье для меня видеть все это. Час пребывания в зале Africa, толком не понимаю ничего. Сотрудники тоже мало знают, но

были представлены Азия, Африка, Северная и Южная Америка, Океания и Австралия; их дополняли отделы дублетов, фотографий и предметов, не составляющих собственность музея. КATALOGИ делились на четыре категории: карточный, валовой, инвентарный и обозначающий место нахождения предмета, кроме того, существовал каталог дублетов и фотографий. Научный фонд музея был представлен в карточном каталоге. В.Н. Харузина приводила даже образец карточки (с размерами), в которую вносилось название предмета, подробное его описание и фотография. Коробки с карточками хранились в шкафах, на внутренней дверце которых помещался список с алфавитным указателем племен и местности (географический принцип размещения экспонатов), что изначально облегчало научную работу в музее. Чрезвычайно подробно останавливается автор брошюры на консервировании экспонатов (применении мышьяка, сулемы, нафталина, керосина, бензина, паров формалина).

Все тонкости немецкой каталогизации и консервирования, считает В.Н. Харузина, универсальны, их полезно знать и обсуждать при открытии новых национальных этнографических музеев. Детали организации экспозиции музея Харузиной объяснял профессор антропологии, директор Берлинского этнографического музея Ф. Лушан, с которым на протяжении ряда лет, начиная с 1892 г., она вела переписку и консультировалась по разным научным вопросам. В дневнике Харузиной от 9 мая 1908 г. и 16 июня 1910 г. есть запись о том, что в Берлине она подарила Ф. Лушану учебник Н.Н. Харузина «Этнография» (1901–1905), а он познакомил ее с коллекцией предметов из Камеруна. Здесь она прослушала лекцию Лушана по «психологической антропологии». В связи с лекцией Вера Николаевна отметила, что для нее составляет большой труд постижение ме-

все-таки могут что-то объяснить. 4 и ½ часа провела в музее. Лушану подарила свою программу про огонь» [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 71. Л. 27]. Н.Н. Харузин также был лично знаком с Ф. Лушаном.

тодов немецких исследователей, тем не менее их лекции расширяют ее кругозор [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 73. Л. 78 об.].

Последние страницы своего труда автор посвящает взглядам разных немецких ученых на задачи музейного дела начала XX в. и перспективы будущего музееведения.

Профессор В. Фой, как считала Харузина, был не только эволюционистом, но и сторонником культурно-исторической школы Гребнера. Задачу этнографического музея он видел в показе «культурно-исторических отношений между отдельными областями одного или нескольких материков, наслоений культурных явлений, движения культуры». Эта задача, на его взгляд, была присуща вообще сравнительному народоведению, т.е. этнологии, в отличие от эмпирической этнографии. Музей для Фоя — научная лаборатория.

С ним в основном соглашался профессор К. Вейле, директор Лейпцигского музея. Задачу музея он также решал в культурно-историческом ключе. Он считал, что цель этнографических музеев заключается в том, чтобы дать представление о культуре отдельных областей и зависимости каждой культуры от окружающей среды, поэтому коллекции должны располагаться по географическому принципу. Необходимо создавать и сопоставительные коллекции. Например, в одном шкафу в Лейпцигском музее были представлены все способы добывания огня, известные человечеству до изобретения спичек, в другом — денежные знаки различных народов.

Известный немецкий ученый профессор Ф. Гребнер (1877–1934), основатель культурно-исторической школы в этнографии (с ним также были знакомы В.Н. Харузина и Н.Н. Харузин)¹, работавший сначала в Кёльнском, а затем в Берлинском этнографическом музее, подобно В. Фою, выступал против разделения коллекций на научные и учебно-просветительские. По его мнению, наука выполняет обе эти функции, поэтому было бы неправильным выставлять в отдельном помещении лишь

¹ См. письмо Ф. Гребнера за 1912 г. [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 38. Л. 7].

часть коллекций специально для широкой публики, дробить коллекции. Путеводители, каталоги, специальные руководства, лекционная работа так или иначе служат лучшему восприятию экспонатов.

Интересные взгляды высказал профессор Ф. Лушан. Работая много лет в Берлинском музее и прекрасно зная специфику всех этнографических музеев Германии, он также категорически выступил против мысли, широко обсуждавшейся в немецкой прессе, о полном разделении достояния музея на собрания, доступные публике, и на научные коллекции и выдвинул программу академического преподавания этнографии. Каждый музей, считал он, должен иметь отдельное собрание предметов, которым можно было бы пользоваться при преподавании. Такая коллекция должна размещаться отдельно от научных и публичных коллекций.

Останавливается Харузина и на концепции известного музейного работника Берлина и Дрездена О. Рихтера. Он выдвигал задачи, стоящие перед этнографическими музеями: эстетическо-воспитательную и национально-патриотическую. Расшифровывая эти понятия, он убеждал: этнографические музеи должны служить источником знакомства с чужими странами, что будет косвенно содействовать развитию колониальной политики, торговли и могуществу нации. К тому же, музеи должны вызывать эстетическое наслаждение, являясь стимулом к художественному творчеству. Музей может включать и археологические коллекции, т.е. в нем могут быть собраны предметы древних культур аборигенных народов, доказывающих, что под слоем современной культуры во многих местах Земного шара существуют уже отмершие культурные слои.

Харузина на основании размышлений Рихтера приходила к выводу, что в XX в. складывается понятие музея общей этнографии. Его научное значение она видит в создании прочного фундамента, «оснащенного исторически и психологически» и способного создать картину всеобщей истории эволюции человечества. Но в ее брошюре недостает критической оценки

воззрений германских этнографов-музееведов. Возможно, она и не считала себя вправе делать это. Такая позиция подтверждается записями в ее дневнике от 3 и 28 августа 1910 г.: «Он (Ф. Гребнер. — М.К.) слишком спешно идет вперед, радуется широте открытых горизонтов, отстаивает свои мысли». И далее: «Меня мучительно взволновала немецкая этнография». После Германии, пишет она, «я себя чувствую банкротом, <...> немецкая этнография развивается намного лучше, чем российская, идет вперед большими шагами. <...> В душе переменялось отношение к этнографии, <...> я приобрела большую устойчивость в своих занятиях. Читаю (лекции. — М.К.) я не так уж плохо, пример др. Лушана был мне дорог» [ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 73. Л. 81, 81 об., 84].

Харузина старается быть объективной. При описании германских музеев она всегда подчеркивает роль государства, благотворительности богатых немецких бюргеров и других меценатов в их поддержке и обустройстве музеев, а также участие в музейной деятельности известных немецких ученых — этнографов и антропологов, имеющих хорошо аргументированные концепции, получившие известность в других странах.

Ее заслуга заключается в популяризации взглядов немецких ученых, в подробном показе сильных сторон каталогизации и консервации в этнографических музеях Германии, что было безусловно важно для восприятия их передового опыта российскими музееведами, опиравшимися в большинстве случаев лишь на свой энтузиазм, энергию и желание принести пользу своему народу и отечеству¹.

¹ В.В. Богданов в рецензии на эту работу Харузиной подчеркивает объективность ее критической оценки взглядов европейских ученых, касающихся задач этнографических музеев. Он считал разнообразие в организации музейных коллекций Германии залогом их большого успеха, но упрекал автора брошюры в том, что она не касается судеб и состояния музейных коллекций при смене их руководства, положения самой этнографии в Германии (кафедр при университетах, частных съездах ученых, покровительства и помощи государства) и солидной научной работы во многих этнографических музеях. И все же, заключает Богданов, «Отчет о летней поездке в Германию» В.Н. Хару-

Исключительная любознательность привела В.Н. Харузину к малоизвестному в России материалу о музеях Америки. Если в Германии она лично изучала музеи, то американские ей были недоступны. Поэтому свой обзор под названием «Об успехах этнографии в Соединенных Штатах» [Харузина 1903: 107–115] она построила, опираясь на одноименный доклад известного английского антрополога А. Хэддона и на большое исследование немецкого этнографа А. Мейера об американских музеях [Meuser 1900–1901]. Из этих трудов она сумела извлечь максимум сведений о том, в каком состоянии находилась этнографическая наука и этнографическое музееведение в США.

Она достаточно подробно характеризует этнографические коллекции в различных музеях США, деятельность Бюро американской этнологии (Bureau of American Ethnology), способствовавшего развитию антропологического отдела Национального музея в Вашингтоне. Особенностью музееведения в США являлось то, что специализированные музеи состояли при крупных университетах (Пенсильванском и др.).

Важно, что В.Н. Харузиной удалось в своем обзоре раскрыть специфику американского музееведения, глубокую связь университетского образования с организацией, оснащением и финансированием этнографических музеев.

Итак, мы показали взгляды Харузиных на роль музейного дела в становлении, развитии, популяризации этнографических знаний, плодотворность их участия в разных сферах российского музееведения, а также причастность к разработке научных основ планов и программ этнографических музеев России и зарубежья.

Харузины сделали чрезвычайно много для того, чтобы пробудить серьезный интерес российской научной общественности и передовой молодежи к музейному делу и его связи с преподаванием этнографии в вузах России, а также в какой-то мере

зиной можно рекомендовать и нашим деятелям этнографии как весьма полезный и содержательный материал» (см. подробнее: [Этнографическое обозрение. 1912. № 1–2. С. 241–243]).

и для приближения российских этнографических музеев к европейским стандартам.

Источники

- ОПИ ГИМ¹. Ф. 81. Д. 37. Л. 50; Д. 38. Л. 68.
 ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 38. Л. 115 об.
 ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 72. Л. 126.
 ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 73. Л. 78 об.
 ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 73. Л. 81, 81 об., 84.
 ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 76. Л. 38.
 ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 68. Л. 72.
 А РЭМ². Ф. 5. Оп. 46. Д. 36. Л. 24, 32, 44, 62, 63, 106, 110, 113–119, 125–128, 137, 152; Оп. 4. Д. 33. Л. 12, 13, 33, 34, 107, 162, 137, 145–147.

Библиография

- Зеленин Д.К. Вера Николаевна Харузина (1866–1931) // *Lud Słowiański*. Kraków, 1931. Т. 2. S. 275–281.
- Керимова М.М. Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 4. С. 90–105.
- Керимова М.М., Наумова О.Б. А.Н. Харузин — этнолог и антрополог // *Репрессированные этнографы*. М., 1999. С. 164–198.
- Керимова М.М. Н.Н. Харузин и В.В. Кандинский // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 6. С. 14–33.
- Керимова М.М. В.Н. Харузина — первая женщина профессор этнографии в России // *Гласник этнографского Института САНУ*. Београд, 2008. № 1. С. 19–36.
- Керимова М.М. Этнографические изыскания М.Н. Харузина (к 150-летию со дня рождения) // *Славяноведение*. 2010. № 6. С. 18–26.
- Керимова М.М. Словенские сюжеты в научном наследии Харузиных // *Slovenica*. История и перспективы российско-словенских отношений. СПб., 2011 а. С. 18–26.

¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

² Архив Российского этнографического музея, Санкт-Петербург.

Керимова М.М. О создании журнала «Этнографическое обозрение» (1889–1916) (по архивным материалам В.В. Богданова) // Антропологический форум. 2011 б. № 15. С. 397–412.

Потапов Л.П. Музей антропологии и этнографии АН СССР (к 250-летию музея) // Советская этнография. 1964. № 4. С. 196–217.

Сборник МАЭ. Т. 3. Пг., 1916.

Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. М.; Л., 1964.

Харузин Н.Н. [Рец. на:] В.Ф. Миллер. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1893. Вып. III // Этнографическое обозрение. 1894. № 1. С. 140–142.

Харузина В.Н. [Рец. на:] Е.К. Яковлев. Описание Минусинского музея. Вып. IV. Минусинск, 1900 // Этнографическое обозрение. 1900. № 3. С. 152–154.

Харузина В.Н. Об успехах этнографии в Соединенных Штатах // Этнографическое обозрение. 1903. № 2. С. 107–115.

Харузина В.Н. Ко дню семидесятилетия академика Василия Васильевича Радлова // Этнографическое обозрение. 1907 а. № 1. С. 5.

Харузина В.Н. По поводу заметки Р. Андрэ о новом этнографическом музее в Антверпене // Этнографическое обозрение. 1907 б. № 4. С. 91–103.

Штернберг Л.Я. Сахалинские гилеяки // Этнографическое обозрение. 1893. № 2. С. 1–46.

Штернберг Л.Я. Путешествие на крайний север о-ва Сахалин // Сахалинский календарь и материалы к изучению о-ва Сахалина. Сахалин, 1896. Ч. 11. С. 16–21.

Meyer A.V. Ueber die Museen des Ostens der Ver. Staaten vor Nord America. I–II. В., 1900–1901.

С.А. Корсун

РОЛЬ АКАДЕМИКА В.В. РАДЛОВА В ФОРМИРОВАНИИ АМЕРИКАНСКОГО СОБРАНИЯ МАЭ

Немецкий исследователь Фридрих Вильгельм Радлов получил образование на философском факультете Берлинского университета. В студенческие годы он серьезно увлекся лингвистикой и стал изучать восточные языки. Летом 1858 г. Ф.В. Радлов отправился в Россию. 11 мая 1859 г. он принял присягу на русское подданство и получил имя — Василий Васильевич Радлов (1837—1918). В период с 1859 по 1879 гг. В.В. Радлов жил в г. Барнауле, где изучал этнографию, фольклор и языки тюркских народов, с 1872 по 1884 гг. работал инспектором мусульманских школ Казанского учебного округа. 7 ноября 1884 г. В.В. Радлова избрали ординарным академиком по истории и древностям азиатских народов. С этого времени он постоянно жил в Санкт-Петербурге, в 1885—1890 гг. являлся директором Азиатского музея. 16 марта 1894 г. на объединенном заседании Физико-математического и Историко-филологического отделений ИАН академика В.В. Радлова единогласно избрали директором МАЭ.

Необходимо остановиться на том, что представлял собой музей в тот период. МАЭ занимал второй этаж музейного здания в Таможенном переулке. Его экспозиция, открытая в 1891 г., состояла из трех разделов — «Отделения доисторических ка-

менных орудий», «Краниологического или антропологического отделения» и «Этнографического отделения», где были представлены собрания по зарубежным народам. Коллекции были выставлены по собирателям, каждая коллекция была размещена в отдельном шкафу или на отдельной полке. Музейные номера были только у коллекций, отдельные предметы внутри коллекций номеров не имели. Ученый хранитель музея Федор Карлович Руссов (1826—1906) составил списки предметов некоторых собирательских коллекций, но это были лично его рабочие документы: информация об отдельных предметах не была отражена в музейной документации. При этом в шкафах Ф.К. Руссова расставил вещи по «чуждым этнографии требованиям эстетики и симметрии» [Штернберг, Ольденбург 1907: 32].

«Только феноменальная память и долгая служба ученого хранителя К.Ф. Руссова и его бесконечно преданного Музею помощника, сторожа Саминова, давали возможность при таких условиях, более или менее, ориентироваться в провенансе (происхождении. — С.К.) и назначении отдельных предметов. Это была, до известной степени, их личная тайна, и с их смертью научное значение большинства предметов Музея могло быть совершенно потеряно для науки» [Там же: 32—33].

Познакомившись с работой музея, В.В. Радлов начал коренное преобразование в отношении сбора, учета, хранения и регистрации коллекций; образовательной, выставочной и научной деятельности. К тому времени «тысячи предметов датировались еще временами Петра Великого и его Кунсткамеры. Документы к ним давно погибли или не были известны; редкие старинные этикетки носили загадочные номера, ничего не говорившие регистратору. Огромные коллекции Адмиралтейского департамента и И.Г. Вознесенского имели кое-какие описи, но, вследствие отсутствия нумерации на самих предметах, требовались огромные усилия, иногда остававшиеся бесплодными, чтобы подыскать предметы, соответствующие описям. Кроме того, в подвалах Музея, сваленные в кучи, громоздились целые

груды свезенных в 1891 г. из бывшего Музея Географического общества коллекций со всех концов России, коллекций, не имевших ни описей, ни нумерации, если не считать кучи отрывочных заметок и случайных этикеток» [Музей 1917: 248].

Первостепенной задачей была регистрация всего собрания. Для знакомства с организацией музейного дела В.В. Радлов совершил командировку в Западную Европу. Наиболее удачной ему показалась система учета Королевского музея Копенгагена, где каждая поступившая коллекция получала общемузейный номер, а предметы внутри нее получали двойной номер — номер коллекции и порядковый номер для каждого предмета. По этому принципу с 1896 г. началась регистрация собрания МАЭ.

В конце 1894 г. Ф.К. Руссов тяжело заболел, он «хотя и прожил еще после этого довольно долго, но в Музей мог являться только изредка и то лишь на короткое время» [Музей 1917: 247]. В.В. Радлов был вынужден принимать сотрудников для выполнения временной работы.

«Приходилось прибегать к случайным регистраторам, совершенно не знакомым с делом, которые требовали беспрестанного руководства и обучения (вероятно, говорится о Е.Л. Петри и Е.Н. Клеменц. — С.К.). Это была тяжелая работа: по целым дням среди атмосферы пыли, затхлости и ядовитых дезинфекционных препаратов. И на эту громадную работу первоначально было ассигновано, и то только после особого ходатайства, по 50 руб. в месяц на вознаграждение 2-х лиц для регистрации!» [Штернберг, Ольденбург 1907: 35].

В 1891 г. в МАЭ поступила коллекция по тлинкитам от миссионера Г. Чудновского, которой тогда же присвоили коллекционный номер 211. В 1896 г. зарегистрировали отдельные предметы внутри этой коллекции. Они получили номера 211-1, 211-2, 211-3 и т.д. В 1897 г. зарегистрировали предметы коллекций № 337, также поступившей в музей в 1891 г. В 1898 г. Историко-филологическое отделение ИАН предоставило В.В. Радлову право «войти в сношение с лицами, живущими

в различных частях России, которые могли бы быть полезными при пополнении наших этнографических коллекций и, в случае надобности, предоставить Отделению имена тех лиц, которые могли бы быть официально назначены корреспондентами Музея по этнографии и антропологии Императорской Академии наук с выдачей на это звание диплома» (цит. по: [Соболева 2011: 53]).

В деле преобразования музея В.В. Радлов нашел единомышленника в лице Карла Карловича Гильзена (1864–1918). Он начал работать в музее еще в 1892 г. как внештатный сотрудник. В 1893 г. на свои средства К.К. Гильзен совершил поездку в США, где познакомился с коллекциями нескольких американских музеев и посетил резервацию индейцев сиу. В 1896 г. он начал регистрацию североамериканского собрания МАЭ. Для каждого предмета К.К. Гильзен сделал карточку, где записал его название, номер временной и постоянной регистрации и этническую принадлежность. Также на эту карточку он наклеивал все музейные этикетки, имеющиеся к предмету. С 1903 по 1911 г. К.К. Гильзен жил в Симбирске, затем вернулся в столицу. В 1912 г. его приняли в постоянный штат МАЭ.

Еще одним помощником В.В. Радлова стал Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927). В студенческие годы он был одним из руководителей южнорусского отделения революционной организации «Народная воля». В 1886 г. его арестовали, в 1889–1897 гг. Л.Я. Штернберг отбывал ссылку на острове Сахалин, где занимался изучением нивхов и айну. Он начал работу в МАЭ в 1901 г. в возрасте сорока лет. Первое время Л.Я. Штернберг работал без оклада, в 1902 г. получил диплом о высшем образовании, и В.В. Радлов перевел его в штат на должность младшего этнографа.

В.В. Радлов не боялся привлекать к работе в государственном академическом музее бывших политических ссыльных-народовольцев — «этнографов поневоле». Они длительное время проживали среди народов Сибири и изучали их культуру

и язык, тем самым на практике осуществляя главную идею народовольческого движения — «хождения в народ».

Еще в 1891 г. В.В. Радлов работал в составе Орхонской экспедиции вместе с Дмитрием Александровичем Клеменцем (1848–1914). Он по достоинству оценил профессиональные качества своего спутника-народовольца. В 1896 г. В.В. Радлов принял Д.М. Клеменца на постоянную работу в МАЭ. В дальнейшем он оказывал различное содействие и другим политическим ссыльным: Э.Ю. Петри, Э.К. Пекарскому, В.Н. Васильеву, В.М. Ионову, В.З. Немчинову, Б.П. Пилсудскому, В.Л. Серошевскому, В.И. Иохельсону, В.Г. Богоразу.

В первый период (1894–1903 гг.) работы В.В. Радлова в МАЭ «три условия тормозили дело развития музея: скудный бюджет, недостаток ученого персонала и тесное помещение. Настойчиво, шаг за шагом, несмотря на всевозможные затруднения, В.В. Радлов устраняет эти препятствия» [Штернберг, Ольденбург 1907: 39].

В 1899 г. в связи с предстоящим в 1903 г. двухсотлетним юбилеем основания Санкт-Петербурга В.В. Радлову удалось добиться решения об увеличении штата и расширении экспозиционных площадей МАЭ. В распоряжение музея выделили весь флигель музейного здания, примыкающего к Кунсткамере. Л.Я. Штернберг и С.Ф. Ольденбург отметили: «Чтобы провести такое дело, как увеличение штатов, необходимо, и то с надлежащего разрешения, предпринять целый ряд разведок, подавать записки, убеждать и, только добившись предварительного согласия Министерства финансов, входить с соответствующим представлением, а когда все эти мытарства пройдены, не надо жалеть трудов, чтобы дело не застряло в последней инстанции на целые годы» [Там же: 41].

К юбилею столицы В.В. Радлов решил подготовить новую экспозицию, для ее создания провели сверку коллекций. Музейное собрание сначала разделили по частям света: Америка, Африка, Австралия и Океания и т.д., а затем по «культурно-этническим группам» — народы Дальнего Востока России,

народы северо-восточной Азии, народы Аляски и т.д. В течение 1902–1903 гг. сотрудники музея создали новую экспозицию, эта работа позволила выявить лакуны в собрании музея по «культурно-этническим группам». Выяснилось, что среди североамериканских коллекций, кроме народов Русской Америки, имеется около десятка предметов по «канадцам» и около сорока предметов по ирокезам. Народы Центральной и Южной Америки были представлены всего 257 предметами. Эти вещи в основном относились к случайным сборам и не давали представления о традиционной культуре отдельных народов.

В деле преобразования музея В.В. Радлову приходилось преодолевать множество бюрократических преград. Его неоднократные обращения по поводу увеличения штата и финансирования музея вызывали недовольство президента ИАН великого князя Константина Константиновича Романова.

«В.В. Радлов взял на себя самую неприятную и, может быть, самую трудную часть работы — изыскание средств, ходатайства перед властями, отстаивание везде и всюду интересов Музея: официальное его положение как директора Музея и академика и престиж его имени давали гарантию успеха. И во всякую погоду, и в дождь, и в слякоть, и в трескучий мороз, и в сильный ветер, он, невзирая на свой уже тогда довольно преклонный возраст, одев на себя для большего престижа ордена и ленты, безропотно шел, как он выражался “антишамбировать”, т.е. ждать очереди в приемных министров и других сановников» [Ратнер-Штернберг 1928: 37].

Еще в 1899 г. в Риме во время работы XII Международного конгресса востоковедов В.В. Радлов выдвинул идею создания Международного комитета для изучения Средней и Восточной Азии для сохранения памятников культуры этого региона. Это предложение было поддержано участниками конгресса. В 1902 г. в Гамбурге на XIII Международном конгрессе востоковедов было принято окончательное решение о создании Международного комитета. В 1903 г. В.В. Радлов организовал его отделение в России, которое он назвал Русским комитетом

для изучения Средней и Восточной Азии и подготовил его устав. Он включил туда пункт, по которому все коллекции, собранные участниками экспедиций Русского комитета, поступали в МАЭ. В 1903 г. Русский комитет вошел в ведение Министерства иностранных дел и получил финансирование — пять тысяч рублей в год. Таким образом, у администрации музея появились свободные средства для планомерных сборов коллекций среди народов Азии, как в России, так и за рубежом.

В период с 1902 по 1911 гг. в музее работал Бруно Фридрихович Адлер (1874—1942). Он отвечал за коллекции по народам Китая и Японии. До поступления в МАЭ, в 1901—1902 гг., Б.Ф. Адлер был сотрудником Музея Грасси при Лейпцигском университете. По поручению В.В. Радлова летом 1903 г. Б.Ф. Адлер и Л.Я. Штернберг ездили в Германию для знакомства с организацией работы в немецких музеях. При установлении партнерских отношений с зарубежными исследователями «несомненно, сыграли роль тот престиж и те старые связи, которые сохранил В.В. Радлов за границей, особенно в Германии» [Ратнер-Штернберг 1928: 47].

В Лейпциге Б.Ф. Адлер установил деловые контакты с братом Ганса Мейера — Германом Мейером (1869—1932). В течение 1895—1896 и 1898—1899 гг. он проводил исследования в Бразилии и Эквадоре среди индейских племен: ауэти, бакайри, кабиши, камаюра, мехинаку, трумаи, хиваро, яулапити, населявших район верховий реки Шингу. В то время этот регион был плохо изучен. Впервые этнографические исследования среди этих индейцев провел К. Штейнен в 1884 и 1887—1888 гг. В письме от 7 октября 1903 г. Г. Мейер писал: «Предметы принадлежат народностям, которые частично только посредством моего посещения, в первый раз имели дело с белыми. Эти племена до этого времени не знали железа и изготовляли свои орудия из камня, кости, зубов и дерева. Опись предметов я позволю себе приложить, и располагаю более точными данными об их происхождении и применении» (цит. по: [Соболева 2011: 52]).

Коллекция Г. Мейера (№ 785) из 206 предметов поступила в музей осенью 1903 г. В дальнейшем Г. Мейер стал постоянным корреспондентом МАЭ. Он жертвовал музею значительные суммы денег, оплачивал покупку коллекций и организацию экспедиций, оказывал помощь в установлении деловых контактов с зарубежными учеными и коллекционерами. Г. Мейер договорился с инженером Оскаром Менгельбиром (Oscar Mengelbier) из города Аахен о продаже его коллекций в МАЭ. О. Менгельбир в течение длительного времени работал в Чили, Перу и Боливии. Для знакомства с этой коллекцией в 1904 г. в г. Аахен приезжал Б.Ф. Адлер. Собрание О. Менгельбира из 698 предметов традиционной культуры арауканов, огнеземельцев, аймара и археологических находок было приобретено за восемь тысяч марок (№ 845 и 846).

«Коллекция эта, содержащая много уникалов, в особенности представляет крупную ценность для нашего Музея, в котором коллекции из этой части света до сих пор совершенно отсутствовали. Кроме объектов чисто этнографических, рисующих прошлое и настоящее быта южноамериканских народов, коллекции эти заключают в себе до 200 предметов перуанских древностей (преимущественно, предметов гончарного искусства времен инка)» [Там же].

Из вещей арауканов в коллекции были представлены: ткацкий станок, образцы тканей, ковры, большой набор пончо, головные уборы, орнаментированные пояса, домашняя утварь. Вещи огнеземельцев О. Менгельбир собрал в районе Магелланова пролива у Пунта Арена и на острове Исабель. В коллекцию № 846 вошли серебряные изделия арауканов.

* * *

Сотрудничество между МАЭ и Американским музеем естественной истории Нью-Йорка (АМЕИ) началось в 1898 г., когда руководитель этнологического отдела АМЕИ Франц Боас (1858–1942) обратился с письмом к В.В. Радлову. Он

просил порекомендовать русских ученых для проведения научных исследований в Сибири в составе Джезуповской (Северо-Тихоокеанской) экспедиции. В.В. Радлов рекомендовал бывшего политического ссыльного — народовольца, члена ИРГО Владимира Ильича Иохельсона (1855—1937). Тот привлек к участию в экспедиции специалиста по этнографии чукчей Владимира Германовича Богораза (1865—1936).

Осенью 1898 г. в Берлине произошла личная встреча Ф. Боаса с В.В. Радловым и В.И. Иохельсоном. Ф. Боас был крайне заинтересован в проведении исследований среди береговых чукчей, поэтому он согласился на участие в экспедиции В.Г. Богораза. В 1889—1898 гг. В.Г. Богораз отбывал ссылку в Сибири, в мае 1899 г. он приехал в Санкт-Петербург и стал сотрудничать с МАЭ.

Цель Джезуповской экспедиции состояла в сравнительном изучении народов северо-восточной Азии и Аляски. Ф. Боас считал, что предки индейцев заселили Америку через район Берингова пролива. После начала ледникового периода они оказались оторванными от народов Азии. По мере таяния ледникового щита древние индейцы стали двигаться на север, перешли Берингов пролив и заселили Чукотку и Камчатку. Из концепции Ф. Боаса получалось, что чукчи, коряки и ительмены — это потомки древних мигрантов из Америки. Он считал обоснованными и предположения некоторых немецких и американских исследователей о культурных связях между народами района Амура и индейцами северо-западного побережья Северной Америки.

Во время работы в составе Джезуповской экспедиции в 1900—1902 гг. В.И. Иохельсон занимался изучением юкагиров и коряков, В.Г. Богораз — чукчей и азиатских эскимосов.

В 1903 г. В.В. Радлов в письмах к Ф. Боасу рекомендовал Л.Я. Штернберга как специалиста по этнографии народов Амура, заинтересованного в сотрудничестве с АМЕИ. Несмотря на то что Б.Ф. Адлер и Л.Я. Штернберг были одновременно назначены в 1902 г. на должности младших этнографов,

в 1904 г. на должность старшего этнографа В.В. Радлов перевел только Л.Я. Штернберга.

В августе 1904 г. Л.Я. Штернберг участвовал в работе XIV Международного конгресса американистов в Штутгарте. Здесь он лично познакомился с Ф. Боасом и встретился не только с европейскими учеными, но и с исследователями из Аргентины — Самуэлем Лафоне Кеведо, Роберто Леман-Нитше и Хуаном Баутиста Амбросетти. Благодаря новым контактам в 1905 г. МАЭ получил две коллекции из 63 предметов по индейцам Аргентины от директора музея города Ла-Плата С. Лафоне Кеведо (№ 938 и 939). Среди этих вещей наибольший интерес представляют орудия охоты яган (ямана) и она (селькнам и хауп), которые использовались в промысле гуанако, птиц, тюленей и китов.

Командировка Л.Я. Штернберга в США состоялась в 1905 г., в рамках программы Джезуповской экспедиции. С середины апреля до конца июля он работал в АМЕИ, а затем две недели провел в Музее естественной истории им. М. Филадельфия в Чикаго. За время совместной работы с Ф. Боасом и куратором этнологического отдела АМЕИ Кларком Уисслером Л.Я. Штернберг не только договорился об обмене коллекциями, но и лично отобрал вещи, необходимые для МАЭ [Купина 2004: 55]. В 1905 г. МАЭ получил из Нью-Йорка серию коллекций по аборигенам Америки. Эскимосская коллекция из 82 предметов (№ 957) состоит из сборов 1895–1896 гг. полярного исследователя Р. Пири и капитанов морских судов Дж. Комера из сборов 1899 и 1902 гг. и Дж. Матча из сборов 1900 г. Коллекция по алгонкинам из 17 предметов (№ 959) состоит из сборов А.Л. Крёбера 1901 г. и В. Джонса 1902–1903 гг. Коллекция из 15 предметов каска и талтан (№ 960) относится, вероятно, к сборам Дж. Эммонса. Собирателем небольшой коллекции по индейцам нутка (№ 961), возможно, был Ф. Боас. Собирателями коллекции из 95 предметов (№ 958) по индейцам равнин и плато были А.Л. Крёбер, Г.В. Гриннел, Р. Кроан, А. Ниссел, Л. Фарранд. Индейцы Мексики были представле-

ны небольшой коллекции из 12 предметов (№ 962). В ответ МАЭ предоставил коллекцию по культуре ненцев из сборов Е.Н. Ледкова и А.В. Журавского.

Первый опыт вдохновил сотрудников МАЭ и АМЕИ к продолжению обменных операций. Так как оба музея нуждались в археологических собраниях, К. Уисслер предложил провести обмен коллекциями по периоду неолита. МАЭ отправил в Нью-Йорк образцы керамики неолитической стоянки из района Нижнего Новгорода, а из АМЕИ в 1906 г. поступило 34 фрагмента керамики (№ 963), полученных во время археологических раскопок в районе долины реки Огайо [Ершова, Корсун 2005: 5–6]. После этого в отношениях двух музеев наступил длительный перерыв, вызванный отставкой Ф. Боаса в мае 1905 г. с поста руководителя этнологического отдела АМЕИ. Обмен с американскими музеями оказался дорогостоящим для МАЭ. Главными при обмене стали не научная ценность и количество предметов, а вес и размеры ящиков, в которых они перевозились, так как от их параметров зависели транспортные расходы.

В 1906 г. началось сотрудничество руководства музея с меценатом, антикваром Евгением Ивановичем Александром.

«Для Радлова были важны связи этого антиквара со всеми заграничными музеями, благодаря которым академический музей имел возможность с наименьшими затратами, а часто и в дар получать все то, что при других обстоятельствах было бы для него совершенно недоступно» [Басаргина 2008: 303].

В 1906 г. в МАЭ поступила коллекция из более 250 предметов от Д.Г. Гинцбурга (№ 1063). Ее собрал брат дарителя — Габриель Горадиевич (Осип Осипович) Гинцбург в 80-е годы XIX в. среди индейцев Эквадора и Британской Гвианы. Д.Г. Гинцбург подарил МАЭ часть этой коллекции, а другую ее часть купил для музея Е.И. Александр. После приобретения коллекции в большом конференц-зале Академии наук организовали выставку новых поступлений [Очередная выставка... 1906]. Коллекция состояла из «примитивной одежды из этой

последней (лубяной материи. — С.К.) с древними орнаментами, множества предметов украшений из перьев, надкрылий, игл дикобраза, стеклянных и растительных бус, раковин и т.д. Другая часть представляет ткани и одежду, частью европейского уже типа, утварь, керамику и т.п.» [Штернберг, Ольденбург 1907: 64–65].

Летом 1907 г. Б.Ф. Адлер посетил этнографические музеи Стокгольма, Копенгагена и Парижа для знакомства с организацией учета и хранения коллекций. В сентябре-октябре того же года В.В. Радлов совершил поездку, в ходе которой посетил музеи Стокгольма, Копенгагена, Лейпцига, Гамбурга, Берлина и еще нескольких городов Германии [Радлов 1907]. По результатам этих поездок В.В. Радлов решил принять более активное участие в межмузейном обмене. Европейские музеи стремились получить коллекции по народам Америки, Австралии и Океании, Африки, Юго-Восточной Азии, Индонезии, Сибири и т.д. Соответственно, у каждого музея были свои возможности формировать коллекции. Некоторые музеи имели тесные связи с колониальной администрацией своих стран, другие организовывали самостоятельные экспедиции, третьи активно скупали этнографические коллекции на аукционах и международных выставках.

МАЭ должен был предоставить для обмена коллекции, которые отсутствовали в европейских музеях, — по народам России и, главным образом, по народам Сибири. Однако МАЭ не имел обменного фонда таких коллекций. В 1889 г. собрание музея по народам Сибири состояло всего из 1223 предметов, поэтому было необходимо срочно организовать экспедиции по сбору коллекций внутри страны.

Уже говорилось о создании В.В. Радловым «Русского Комитета», который получил государственное финансирование. За пятнадцать лет его работы с 1903 по 1918 гг. было проведено более десяти экспедиций, музей существенно пополнил свои фонды и создал большой обменный фонд из дублетных материалов [Ратнер-Штернберг 1928: 38–39]. Особенно активным

меценатам и собирателям (как в России, так и за рубежом) стали присваивать почетные звания членов-корреспондентов МАЭ.

Одним из меценатов музея был преподаватель экономического факультета Санкт-Петербургского университета Владимир Владимирович Святловский (1871–1927), который в 1907–1908 гг. совершил кругосветное путешествие. Он посетил Северную и Южную Америку, Австралию и Океанию, по поручению МАЭ В.В. Святловский собирал коллекции. В Перу ему удалось приобрести керамический сосуд древних инков (№ 1292), в Канаде — археологическую коллекцию каменных наконечников стрел, найденных во время археологических раскопок в районе расселения гуронов, и амулет в виде фигуры черепахи индейцев равнин (№ 2802). В.В. Святловский установил деловые отношения с профессором экономики университета Торонто Дж. Мэвором, от которого он получил сборную коллекцию из 50 предметов по эскимосам, северным атапаскам, черноногим, ирокезам, сиу, шошони, пуэбло (№ 1333).

В письме к В.В. Радлову от 5 февраля 1908 г. В.В. Святловский писал: «В трех университетских городах: Чикаго, Модизоне и Денвере, в которых я был после Квебека, мне для Вас устроить ничего не удалось, да и нечего собственно по этнографии здесь было и делать. Удачнее было в Калифорнии. Из двух ее университетов (Берклей и Пало-Альто) в государственном, Берклеевском, этнография в большом фаворе и имеется хороший музей, специально предназначенный калифорнийским индейцам. Заведующий музеем профессор Кробрер (Affiliated Colleges, San-Francisco Cal. U.S.), изъявил согласие прислать полную коллекцию вещей калифорнийских индейцев, особенно племен юрок и пима. Взамен он желает получить предметы быта наших сибирских и кавказских инородцев» (цит. по: [Розина 1974: 135]).

Таким образом, до 1908 г. развитием международных проектов музея активно занимался не только В.В. Радлов, но

его помощники Б.Ф. Адлер и Л.Я. Штернберг. Постепенно В.В. Радлов перевел руководство международными проектами МАЭ на Л.Я. Штернберга. Видимо, отдача от его деятельности была намного больше, чем от работы Б.Ф. Адлера. С 1908 г. Л.Я. Штернберг фактически становится заместителем В.В. Радлова.

В сентябре 1908 г. в столице Австро-Венгерской империи Вене состоялся XVI Международный конгресс американистов. Здесь Л.Я. Штернберг в очередной раз встретился с Х.Б. Амбросетти, который в 1904 г. стал директором Этнографического музея при факультете философии и филологии Национального университета Буэнос-Айреса. Они заключили соглашение об обмене коллекциями. В 1909 г. из Аргентины была получена интересная археологическая коллекция из района Кольчаки, селений Тилькара и Ла-Пайе из 84 предметов (№ 1481). В следующем году поступила этнографическая коллекция по индейцам чиригуано, матако и чороте из 65 предметов (№ 1745) и археологическая коллекция из раскопок древнего города Ри Кача из 144 предметов (№ 1800). В ответ МАЭ отправил в Аргентину коллекции по ненцам [Лукин 1965: 132].

Для обмена с зарубежными музеями МАЭ через своих сотрудников и корреспондентов собирал коллекции по народам России, которые поступали в обменный фонд. Эти коллекции отправляли в Лейпциг на имя Германа Мейера, он был основным посредником между МАЭ и европейскими музеями. Г. Мейер имел дело со многими исследователями и музеями Германии — Музеем народоведения Берлина, Музеем народоведения Лейпцига, Музеем народоведения Гамбурга, а также с коммерческим предприятием «Музеем Умлауффа» в Гамбурге.

К.В. Хартман стал третьей стороной в этой системе обмена. Он в обмен на коллекции по народам России регулярно отправлял Г. Мейеру собрания по народам тех районов мира, которые были необходимы для МАЭ. Таким образом, для МАЭ значительно расширилась возможность получения коллекций из «экзотических» стран.

В конце 1908 г. на средства мецената Е.И. Александра музей отправил в Лейпциг собрание по народам России из нескольких тысяч предметов. Сложность состояла в том, что после доставки в Германию все коллекции значились как собственность Е.И. Александра, так как музей, являясь государственным учреждением, не мог продавать коллекции. Часть этого собрания действительно являлась собственностью Е.И. Александра. В частности, ему передали коллекцию по ненцам и коми из двух тысяч предметов из сборов А.В. Журавского, так как в 1906 г. он выделил деньги на исследования А.В. Журавского. Первоначально планировалось, что после доставки коллекции в Санкт-Петербург музей выплатит Е.И. Александру половину суммы, а коллекция будет поделена поровну между музеем и меценатом. Однако осенью 1908 г., когда собрание А.В. Журавского поступило в МАЭ, у В.В. Радлова не оказалось свободных средств и всю коллекцию, за исключением 75 предметов, передали Е.И. Александру.

В 1910 г. А.В. Журавский посетил этнографический отдел Русского музея, где увидел вещи из своих сборов. Их купили за счет казны в «Музее Умлауфа» в Гамбурге. Узнав, какую сумму заплатили за его коллекции, А.В. Журавский решил, что он сильно продешевил, продав их МАЭ. Он выдвинул претензии руководству Императорской Академии наук по поводу того, что в Гамбург были отправлены особо ценные экспонаты и что Л.Я. Штернберг неверно указал этническую принадлежность ряда предметов для увеличения их стоимости [Терюков 1993: 258–259].

«Основным пунктом обвинений А.В. Журавского было то, что коллекции были проданы без его ведома и разрешения» [Терюков 2008: 96].

Понятно, почему А.В. Журавский не предъявил обвинения В.В. Радлову. Авторитет академика был достаточно высок, чтобы его можно было в чем-либо обвинить без серьезных доказательств, а никаких доказательств противоправных действий руководства МАЭ у А.В. Журавского не было. Если

кто и изменял этническую принадлежность предметов, то не Л.Я. Штернберг, а предприниматели из торговой фирмы «Музей Умлауффа». Например, они сшивали кожу обезьян и рыб и продавали их как чучела «русалок» из России [Соболева 2007: 82].

Для разбирательства инцидента создали третейский суд, он отказал А.В. Журавскому в «удовлетворении». Кроме третейского суда, разбирательством конфликта занималась специальная комиссия ИАН. Члены комиссии отметили «бескорыстную, проникнутую исключительно научными интересами деятельность В.В. Радлова, благодаря которой музей занял одно из первых мест среди наиболее богатых, быстро развивающихся и постоянно совершенствующихся институтов ведомства Императорской Академии наук» (цит. по [Басаргина 2008: 304]).

Все же этические нормы были нарушены, на стороне А.В. Журавского выступил Б.Ф. Адлер, и в начале 1911 г. он ушел из музея. В результате межмузейного обмена некоторые коллекции, полученные из Германии и Швеции, значились в документах МАЭ как поступившие от Е.И. Александера. Позднее Е.И. Александера записали их собирателем. В частности, речь идет о коллекции из 603 номеров по культуре народов Мексики (№ 1812), поступившей в 1910 г., и о коллекции из 27 статуэток — типов населения Мексики (№ 1868), поступившей в 1911 г. До поступления в МАЭ они в течение десяти лет находились на хранении в Музее народоведения Гамбурга, их собиратели были неизвестны.

В настоящее время во многих музеях Америки и Европы есть коллекции по народам России, собирателем которых значится Е.И. Александер [Соболева 2007 а: 186]. И.С. Гурвич и Р.Г. Ляпунова писали: «В музее им. Пибоди Гарвардского университета (основан в 1866 г.) мы ознакомились с коллекцией Фр. [фирмы. — С.К.] Александера по орочам (эвенам), очевидно с Охотского побережья. <...> Амурские коллекции этого музея демонстрируют вышивку и одежду, орудия охоты, курительные трубки, деревянные фигурки, шкатулки. Есть кол-

лекции и по хантам и манси. Часть этих сибирских коллекций поступила сюда из Дрезденского музея» [Гурвич, Ляпунова 1980: 125].

Все вышеперечисленные коллекции принадлежали МАЭ, Е.И. Александер был только посредником, через которого они поступали в зарубежные музеи и на международные аукционы. Московский этнограф В.В. Богданов, посетивший Германию в 1910 г., писал о деятельности Е.И. Александера: «В Лейпцигском этнографическом музее <...> мне пришлось обратить внимание на некоторые предметы сомнительного происхождения. Мне и тогда было известно, что в Гамбурге существовала фирма Александера, которая занималась специальным посредничеством с разными этнографическими музеями по закупке “дублетов”, которые и отсылала заказчикам. В то же время в Петербурге был открыт секрет этой фирмы, изготовлявшей самостоятельно музейные предметы по нужным образцам» [Богданов 1993: 8].

В 1909 г. в МАЭ создали Попечительский совет во главе с князем Александром Георгиевичем Романовским, в его состав вошли несколько богатых меценатов: Е.И. Александер, В.В. Святловский, Л.М. Скидельский, Г. Мейер, Э. Нобель и др. В отличие от Е.И. Александера, другие меценаты помогали музею за моральное вознаграждение — почетные звания, чины или ордена. Попечительский совет работал до 1914 г. и оказал музею значительную финансовую поддержку.

В 1909 г. сотрудник Национального музея естественной истории при Смитсоновском институте в Вашингтоне (НМЕИ) А. Хрдличка проводил антропологические исследования в Египте. После завершения работы он посетил несколько европейских музеев, в том числе и МАЭ, где вел переговоры об обмене коллекциями. Его особенно интересовали антропологические материалы. К этому времени МАЭ провел несколько обменов книгами со Смитсоновским институтом, и В.В. Радлов без колебаний принял предложение А. Хрдлички. Он предложил для обмена бюст, несколько черепов и серию фотографий

по культуре кетов, которые отправили в Вашингтон. В ответ в 1910 г. МАЭ получил два гипсовых бюста вождей кроу и оседж (№ 1751), четыре плетеные корзины разных индейских племен из сборов Дж. Муни, Дж. Стивенсона, И.Л. Клифтона и Минделефа (№ 4154) [Купина 2004: 65] и археологическую коллекцию из района реки Потомак и залива Чесапик, представляющую развитие каменных орудий, из 44 предметов (№ 2201). Тогда же была достигнута договоренность об обмене коллекции туркестанской керамики XI–XIV веков на коллекцию керамики индейцев пуэбло и древнего населения района Чирики в Панаме [Там же: 63].

В 1911 г. по отработанной схеме обмена МАЭ при посредничестве Г. Мейера и К.В. Хартмана получил из НМЕИ собрание из более 180 предметов по культуре североамериканских индейцев. Собирателем значительной части этого собрания был М.Р. Харрингтон. В коллекцию № 1881 входят предметы культуры алгонкинов, в коллекцию № 1882 — ирокезов, № 1889 — сиу, № 1890 — мускогов, № 1891 — кайова, № 1892 — читамача, № 1893 — вичита. О том, каким образом эти коллекции поступили в Европу, сведений не сохранилось, но так как на некоторых вещах имеются этикетки «Музей Умлауффа», то становится понятным, что именно в этой коммерческой фирме они были куплены.

В 1910–1911 гг. житель селения Хесус-Мария, расположенного недалеко от города Тепике, штата Наярит, индеец кора Сотеро Партида собрал более 600 предметов по культуре кора и уичоль. МАЭ получил это собрание в конце 1911 г. при посредничестве Г. Мейера (№ 1902 и 1902 а). В том же 1911 г. через Г. Мейера поступило собрание путешественника и врача В. Бауэра из более 400 предметов культуры и быта майя, масатеков и чонталь (№ 1861–1863). Он был учеником Э.Г. Зелера — заведующего отделом американской археологии Музея народоведения Берлина. В. Бауэр совершил несколько поездок в Мексику специально для сбора керамических изделий. В настоящее время, кроме МАЭ, его коллекции находятся на хра-

нении в музеях Берлина, Бремена, Нью-Йорка, Вашингтона, Мехико. В 1911 г. Е.И. Александер передал в МАЭ коллекцию древнеперуанской керамики из 25 предметов из сборов немецкого археолога Г. Беккера (№ 1880).

* * *

Если до назначения В.В. Радлова директором МАЭ штат увеличивали только в 1836 г., то во время его директорства штат увеличивали дважды — в 1899 и 1912 гг. Благодаря новому штату музея в 1912 г. впервые появилась возможность создать отделы по регионам и назначить их руководителей. Заведующим отделом Центральной и Южной Америки стал К.К. Гильзен, регистратором коллекций отдела Северной Америки назначили С.А. Ратнер-Штернберг, которая с 1910 г. была внештатным сотрудником музея. Л.Я. Штернберг одновременно возглавил два отдела — Северной Америки и Сибири и Севера России (другие названия — отдел Севера России, отдел народностей Азиатской России).

В мае 1912 г. Л.Я. Штернберг участвовал в работе XVIII Международного конгресса американистов в Лондоне. На конгрессе присутствовали Х.Б. Амбросетти, А. Хрдличка, К.В. Хартман и Ф. Боас, с которым у Л.Я. Штернберга не прерывалась переписка со времени их знакомства в Штутгарте в 1904 г. После ухода из АМЕИ в 1905 г. Ф. Боас продолжал преподавать в Колумбийском университете Нью-Йорка. В 1908–1913 гг. среди индейцев виннебаго в штатах Висконсин и Небраска проводил исследования ученик Ф. Боаса — П. Радин. МАЭ, по предложению Ф. Боаса, частично профинансировал экспедицию П. Радина и в 1914 г. через Колумбийский университет Нью-Йорка получил коллекцию по культуре виннебаго из 62 предметов (№ 2332).

Это был не единственный совместный проект, разработанный Ф. Боасом. Начиная с 1891 г. сотрудники Музея американской археологии и этнологии им. Дж. Пибоди (МАОЭ)

проводили археологические исследования в Мексике. В январе 1911 г. благодаря усилиям Ф. Боаса, Э. Зелера, Р. Диксона и Б. Гордона в Мехико открыли Международную школу американской археологии и этнологии. Ключевой фигурой этой научной организации стал ученик Ф. Боаса, мексиканский археолог Мануэль Гадио. Он начал раскопки древнего города Аскапоцалько. В 1912 г. раскопки Аскапоцалько продолжила десятая экспедиция МААЭ. Ф. Боас предложил МАЭ и КМЕИ принять доленое участие в их финансировании. Соответственно полученные коллекции планировалось разделить между тремя музеями. В октябре-ноябре 1913 г. К.В. Хартман полтора месяца провел в США, где от имени МАЭ и КМЕИ частично профинансировал археологические исследования Аскапоцалько. Свою часть этой коллекции из 225 предметов МАЭ получил только в 1936 г.

После завершения работы XVIII Международного конгресса американистов Х.Б. Амбросетти посетил Санкт-Петербург для знакомства с собранием МАЭ, которое он осмотрел с большим интересом. Х.Б. Амбросетти обратил внимание на мумифицированную голову индейца. По его совету К.Е. Гильзен написал статью об этом экспонате и о связанных с ним военных обычаях мундуруку [Гильзен 1918]. В 1913 г. от Х.Б. Амбросетти музей получил пятнадцать археологических и этнографических коллекций из более 700 предметов [Ершова, Корсун 2005: 32–34]. В свою очередь, МАЭ отправил в Буэнос-Айрес не только дублетные коллекции по народам Сибири, но и редкие предметы материальной культуры народов Русской Америки [Лукин 1965: 133]. В дальнейшем Х.Б. Амбросетти оказал содействие участникам Второй русской экспедиции, которые работали в Латинской Америке в 1914–1915 гг.

«9 (22) ноября 1913 г. на заседании историко-филологического отделения Петербургской Академии наук В.В. Радлов сообщил: «Профессор Амбросетти, директор Этнографического музея в Буэнос-Айресе, с которым наш музей давно уже состоит в непрерывном обмене, прислал вновь об-

менный материал — этнографические и археологические коллекции в количестве 314 предметов. <...> Особенно ценны для музея предметы двух племен: она и яган из Огненной Земли, так как в музее эти племена были до сих пор очень слабо представлены» [Там же: 134].

Еще один участник лондонского конгресса, А. Хрдличка, также в 1912 г. приехал в Санкт-Петербург. Он планировал совершить экспедицию в Сибирь и Монголию для сбора материалов по антропологии народов Азии. А. Хрдличка хотел найти подтверждение своей теории об азиатском происхождении индейцев. В Санкт-Петербурге он ожидал разрешения на проведение полевых исследований в Сибири, изучал русский язык и неоднократно встречался с В.В. Радловым. По его рекомендации переводчиком в экспедиции А. Хрдлички стал Ф.А. Фиельструп.

В тот же период в МАЭ работал датский этнограф, сотрудник Королевского музея Копенгагена (Национального музея Дании — НМД) Г. Хатт (Гатт). Он занимался изучением различных типов одежды народов Сибири и Америки [Hatt 1914]. После возвращения на родину Г. Хатт отправил в МАЭ небольшую коллекцию из 28 номеров по культуре эскимосов западной Гренландии (№ 2350). По просьбе В.В. Радлова он договорился с администрацией Датского колониального правления о сборе коллекции по эскимосам Гренландии, которая была доставлена в Копенгаген в 1914 г., но получена МАЭ только в 1924 г. (№ 3044).

В 1913 г. через Германа Мейера поступили интересные коллекции, собранные в 1909—1910 гг. немецким ботаником Э. Улле в районе границы Бразилии и Венесуэлы, в междуречье Рио-Негро и Ориноко, среди карибских племен: вапишана, арикуна, макуши и ягуа (№ 2136—2139, 2153). В состав этого собрания входит 173 предмета и 57 фотографий (№ 4552).

Продолжились деловые связи и с НМЕИ. В 1913 г. в обмен на коллекцию туркестанской керамики МАЭ получил четыре образца керамики из Панамы из сборов И.А. Мениэль,

(№ 2213) и восемь керамических изделий индейцев пуэбло из сборов В.Г. Холмса (№ 2212).

Дальнейшие связи между МАЭ и зарубежными музеями были прерваны из-за начала в 1914 г. Первой мировой войны.

Таким образом, в короткий отрезок времени с 1903 по 1914 гг. между зарубежными музеями и МАЭ был проведен ряд крупных обменов коллекциями, в результате которых МАЭ получил несколько тысяч предметов по культуре народов Америки, Африки, Австралии и Океании, Юго-Восточной Азии. Соответственно за них было передано большое количество экспонатов по народам России. Во многом благодаря межмузейному обмену начала XX в. МАЭ стал единственным специализированным музеем России, посвященным этнографии народов всего мира.

«Радлов и Штернберг в полтора десятилетия собрали для музея большую половину наличных коллекций и сборов. Особенно в последние годы, перед самой войной, их работа по организации научных экспедиций, можно сказать во все области и материка Земного шара, развернулась с большой широтой. Мировая война застала экспедиции Музея в таких удаленных друг от друга местах, как Южная Америка, Индия и восточная Азия» [Богораз 1927: 278].

В выше процитированной статье В.Г. Богораз назвал В.В. Радлова «старшим другом и учителем» Л.Я. Штернберга [Там же]. Одним из основных достижений академика В.В. Радлова на посту директора МАЭ было то, что еще до начала Первой мировой войны он добился принципиального решения о возврате музею всего исторического здания Петровской Кунсткамеры [Музей... 1925: 7].

В 1914–1915 гг. состоялась Вторая русская экспедиция в Южную Америку. Наряду с другими научными учреждениями Санкт-Петербурга и Москвы МАЭ принял долевое участие в ее финансировании. В состав экспедиции входили студенты, занимающиеся этнографией: Генрих Генрихович Маннер (1889–1917) и Федор (Теодор) Артурович Фиельструп

(1889–1933), а также студенты-зоологи И.Д. Стрельников, Н.П. Танасийчук и экономист С.В. Гейман. Участие МАЭ в организации экспедиции ограничилось выдачей небольшой суммы для приобретения коллекций и инструкциями по их сбору и хранению. По прибытии в Аргентину участники экспедиции оказались в трудном финансовом положении. В связи с началом Первой мировой войны им пришлось остаться в Америке не на четыре-пять месяцев, как они планировали, а на полтора года. Всего участники экспедиции собрали более 750 предметов по всем вышеупомянутым народам, а также путем обмена и в качестве подарков получили небольшие коллекции по другим племенам. При тех незначительных средствах, которые МАЭ выделил на приобретение коллекций, результат превзошел все ожидания.

После возвращения Г.Г. Манизера в Санкт-Петербург в октябре 1915 г. В.В. Радлов принял его на временную работу в отдел Центральной и Южной Америки для регистрации коллекций [Отчет... 1917: 2]. Ф.А. Фиельструп также поступил на работу в МАЭ, но позднее, в 1916 г., после окончания университета. За год работы в музее Г.Г. Манизер сделал очень много: написал монографию об экспедиции Г.И. Лангсдорфа в Бразилию и занимался обработкой своих полевых материалов. Он подготовил к печати статьи о ботокудах, музыкальных инструментах индейцев Бразилии, индейцах каинган штата Сан-Паулу [Манизер 1916, 1918, Manizer 1930] и обзорную статью о своих исследованиях в Южной Америке [Манизер 1917]. В конце 1916 г. Г.Г. Манизера призвали в армию. Как немца, его не собирались отправить на фронт, но он выразил добровольное желание участвовать в боевых действиях. В мае 1917 г. на румынском фронте он заболел сыпным тифом. Скончался Г.Г. Манизер 21 июня 1917 г. в возрасте двадцати семи лет.

После февральской революции 1917 г. В.В. Радлов разрабатывал проект создания на базе МАЭ Государственного Музея антропологии, этнографии и археологии. В частности, он планировал объединить в одном учреждении этнографические

коллекции из всех музеев Петрограда. Интересно отметить, что идея В.В. Радлова о централизованном хранении в одном музее всех этнографических коллекций по народам зарубежных стран в дальнейшем была частично осуществлена. В 1930 г. МАЭ получил американские этнографические коллекции из ЦВММ, Военно-морского училища, Строгановского дворца-музея, в 1931 г. из музея Академии художеств, в 1932 г. из Академии истории материальной культуры и Ленинградского государственного университета, в 1938 г. из Государственного музея этнографии народов СССР, в 1951 г. из Артиллерийского исторического музея, в 1955 г. из Музея искусства народов Востока, в 1959 г. из Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

В октябре 1917 г. в Петрограде было свергнуто Временное правительство. Это событие его сторонники называли Великой Октябрьской социалистической революцией, а противники — большевистским переворотом. Зимой 1918 г. из-за дезорганизации системы государственного управления в городе закончилось продовольствие, начался голод. Положение сотрудников музея было очень тяжелым, приходилось работать в помещениях, которые не отапливались, всеобщая карточная система распределения продуктов только начинала формироваться.

Не выдержав нервного перенапряжения, голода и лишений, В.В. Радлов скончался 12 мая 1918 г. на 82 году жизни. Как подчеркивал неперемный секретарь АН академик С.Ф. Ольденбург, В.В. Радлов фактически умер от голода [Решетов 1995: 80].

Подводя итоги его работы, Л.Я. Штернберг писал: «Прекрасный организатор, подлинный “ловец людей”, он (В.В. Радлов. — С.К.) в то же время обладал талантом практика в отыскании “путей и средств”. С такими талантами, умноженными счастливым даром долголетия, за двадцать пять лет своего управления, ему удалось добиться исключительных результатов. Застав штат из одного наемного консерватора и сторожа, он оставил музей с составом в 14 квалифицированных храни-

телей. Количество коллекций возросло во много раз. С трудом отвоевывая у правительства самое необходимое, он привлек в России и за границей частных жертвователей, на средства которых он расширял помещение Музея, выстроил третий этаж, заново обмелировал Музей, снаряжал экспедиции и приобрел все новые и новые коллекции.

Вместе с тем за этот период радикально изменилась и внутренняя структура музея. Из хранилища коллекций он постепенно превратился в подлинный исследовательский Институт этнографии» [Штернберг 1925: 60–61].

В советский период (20–80-е годы XX в.) имя В.В. Радлова среди создателей МАЭ ушло на второй, если не на третий план. Отчасти это было обусловлено новой «советской» идеологией, когда вспоминать заслуги «царского академика» стало не принято. Имя В.В. Радлова из науки не вычеркнули, но на первый план выдвигали научные заслуги бывших революционеров-народников: Л.Я. Штернберга, В.Г. Богораз, В.И. Иохельсона и др. Особенно в этом плане показательна статья С.А. Ратнер-Штернберг «Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук» [Ратнер-Штернберг 1928: 31–67]. Как отмечалось, Л.Я. Штернберг проработал под руководством В.В. Радлова семнадцать лет. С.А. Ратнер-Штернберг расставила акценты так, что представила Л.Я. Штернберга как фактического руководителя музея, который установил партнерские связи с зарубежными коллегами и музеями, организовал обмен коллекциями и проведение полевых исследований, воспитал целое поколение отечественных этнографов.

Заслуги Л.Я. Штернберга перед отечественной этнографией велики, но противопоставлять Л.Я. Штернберга и В.В. Радлова некорректно, тем более когда заслуги одного всячески подчеркиваются, а другого умалчиваются.

Библиография

Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX—XX веков (очерки истории). М., 2008.

Богданов В.В. Музейная этнография. М., 1993.

Богораз В.Г. Л.Я. Штернберг как человек и ученый // Этнография. 1927. № 2. С. 269—282.

Гильзен К.К. Человеческая голова как трофей у индейцев племени мундуруку // Сборник МАЭ. 1918. Т. V. Вып. 1. С. 351—358.

Гурвич И.С., Ляпунова Р.Г. Коллекции музеев США по народам северо-западной Америки и Сибири // Советская этнография. 1980. № 5. С. 121—128.

Ершова Е.А., Корсун С.А. Указатель собирателей и дарителей коллекций отдела этнографии народов Америки МАЭ // Аборигены Америки: предметы и представления (Сборник МАЭ. Т. L). 2005. С. 4—58.

Купина Ю.А. Утраты или приобретения? (история коллекционных обменов МАЭ РАН с американскими музеями) // Курьер Петровской Кунсткамеры. 2004. Вып. 10—11. С. 52—85.

Лукин Б.В. Хуан Амбросетти и его связи с русскими этнографами (к столетию со дня рождения) // Советская этнография. 1965. № 4. С. 129—137.

Манизер Г.Г. Ботокуды (боруны) во время пребывания среди них в 1915 г. // Ежегодник русского антропологического общества. Пг., 1916. Т. VI. С. 83—130.

Манизер Г.Г. Из путешествия по Южной Америке в 1914—1915 гг. // Природа. 1917. № 5—6. С. 619—660.

Манизер Г.Г. Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии (Кадзувео. Терено. Файя. Каинган. Гуарани. Ботокуды) // Сборник МАЭ. 1918. Т. V. Вып. 1. С. 319—350.

Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого // Материалы для истории Академических учреждений за 1889—1914 гг. Пг., 1917. Т. 2. Ч. 1. С. 241—308.

Музей антропологии и этнографии. Основан в 1837 году. Л., 1925.

Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого за 1916 год. СПб., 1917.

Очередная выставка последних поступлений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Императорской Академии наук. СПб., 1906.

Радлов В.В. Отчет о командировке для обозрения этнографических музеев // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1907. Т. 1. С. 743–748.

Ратнер-Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ. 1928. Т. VII. С. 31–67.

Решетов А.М. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 75–85.

Розина Л.Г. В.В. Святловский — собиратель коллекций из Океании // Культура и быт народов Австралии и Океании (Сборник МАЭ. Т. XXX). 1974. С. 127–140.

Соболева Е.С. Частные этнографические музеи Гамбурга и коллекционирование в конце XIX — начале XX в. // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 году. СПб., 2007. С. 78–84.

Соболева Е.С. Из истории отношений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Гамбургского Музея народоведения (конец XIX — начало XX в.) // Санкт-Петербург — Гамбург. Балтийские побратимы. СПб., 2007. С. 179–203.

Соболева Е.С. Братья Ганс и Герман Мейеры как создатели Музея антропологии и этнографии в конце XIX — начале XX в. // Россия и Германия. 2011. № 1. С. 48–53.

Терюков А.И. Коллекции А.В. Журавского в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого: (судьба собирателя) // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1993. Вып. 2–3. С. 254–265.

Терюков А.И. Андрей Владимирович Журавский и его коллекции по русским старообрядцам в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН // Коллекции отдела Европы: Выставочные проекты. Каталоги. Исследования / Отв. ред. Т.А. Бернштам, А.И. Терюков (Сборник МАЭ. Т. LIV). СПб., 2008. С. 88–108.

Штернберг Л.Я. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. 1925. № 7–8. С. 45–66.

Штернберг Л.Я., Ольденбург С.Ф. и др. Музей антропологии и этнографии за 12-летие управления В.В. Радлова // Ко дню семидесятилетия В.В. Радлова. СПб., 1907. С. 29–107.

Hatt G. Arktiske Skinddragter i Eurasien og Amerika. København, 1914.

Manizer H.H. Les Kainganges de San Paulo // Proceedings of the XXIII International Congress of Americanists (1928). N.Y., 1930. P. 760–791.

Е.В. Ревуненкова

В.В. РАДЛОВ И КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ КУЛЬТУРЫ И БЫТА БАТАКОВ (СУМАТРА)

Фонд коллекций по Индонезии — один из самых крупных в общем музейном собрании Кунсткамеры. Он создавался в основном в то время, когда во главе Музея стоял академик В.В. Радлов. Именно в этот период большого подъема музейной деятельности не только изыскивались средства на снаряжение этнографических экспедиций, но и налаживалась система обмена с зарубежными музеями и приобретения предметов культуры и быта у собирателей других стран. Важную роль в пополнении музейных фондов играл основанный В.В. Радловым Попечительский совет, куда помимо ученых входили и крупные промышленники. Благодаря им закупались многие коллекции, в том числе и из Индонезии.

В 1904 г. служащий табачной компании в Дели на Суматре Карл Машмейер подарил Музею большую коллекцию предметов культуры и быта батаков племени каро, состоящую из 285 номеров и 418 предметов. Вслед за этой коллекцией в этом же году К. Машмейер посылает еще одну батакскую коллекцию, состоящую из шести предметов, и сопровождает ее письмом к В.В. Радлову, которое хранится в описи данной коллекции (№ 896-40)¹.

¹ Оригинал письма и перевод опубликован в следующих изданиях: [Ревуненкова 1997: 151–167; 2010: 343–346].

Письмо на бумаге с печатью *Deli, Sumatra*, но оно было написано в Гери-Мюнхене, Бёклингштрассе 1. На нем стоит дата — 18 ноября 1904 г. Вот его содержание:

«Глубокоуважаемый господин Радлов!

Сообщаю Вам о получении Вашего в высшей степени важного письма от 15 июня. Разрешите мне одновременно с этим с величайшим почтением препроводить для Вашего высоко ценного Музея груз, состоящий из 2-х кофферов со следующим содержанием:

1. Батакский дом *Rumah sangkamanuk*¹. Дом стоит на 4-х массивных подпорках высотой около 6-ти футов от поверхности земли. Подпорки из дерева *джохар* (самое твердое дерево в Индии, сердцевина которого напоминает сердцевину вида акации). С каждого входа — в передней и задней части дома, имеется веранда, в качестве которой служат 4 плотно уложенные друг на друга подпорки, скрепленные с внешней стороны специальным креплением².

2. Модель военного корабля *Solu na bolon* с командой и т.д. с озера Тоба.

3. Корабль мертвых *Gari*. Сипиринги — люди, имеющие ачехское происхождение, но обосновавшиеся в области Каро. От своих ачехских правителей они получили разрешение ежегодно отправлять вниз по течению реки Вампу прах умерших в Ачех. С этой целью сипиринги вырезают лодку, изготавливают изображения умерших в течение года и пускают судно с деревянными фигурками вниз по течению реки. То, что река Вампу уже десятки лет не течет в Ачех, никак не меняет этот обычай.

4. *Gotak* — наручники. Кисть одной руки просовывается с одной стороны, кисть второй — с другой стороны наручни-

¹ Названия предметов в письме даны не только в латинской, но и в оригинальной батакской графике, которая опущена из-за технических трудностей.

² Этот дом находится в центре современной экспозиции в зале «Народы Индии и Индонезии».

ков. При этом руки кладутся так, что обвивают подпорку дома и пленник таким образом оказывается прикованным.

5. Искусно вырезанная коробочка для хранения драгоценностей.

6. *Durung* — ручная рыболовная сеть, употребляемая женщинами.

В надежде, что эти вещи доставят Вам радость, приветствую Вас.

В совершеннейшим к Вам почтением, искренне преданный
Ваш К. Машмейер».

Это письмо является документом, который до сих пор не был известен ни в биографии В.В. Радлова, ни в биографии К. Машмейера, это дополнительный штрих к портрету ученого и директора МАЭ. Отмечу, что эту коллекцию, так же, как и подаренную К. Машмейером в 1901 г. коллекцию предметов с островов Борнео (Калимантан), Целебеса (Сулавеси) и Суматры (№№ 665), В.В. Радлов зарегистрировал сам. А небольшое, но очень содержательное письмо к Радлову, представляющее собой историко-культурный комментарий к предметам коллекции, свидетельствует о более или менее постоянных контактах и очень выразительно характеризует стиль отношений между В.В. Радловым и выдающимся немецким собирателем.

Библиография

Ревуненкова Е.В. Индонезия и Малайзия — перекресток культур. СПб., 2010. С. 343–346.

Ревуненкова Е.В. О батакской коллекции Кунсткамеры // Этнография, история, культура стран Южных морей. Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 151–167.

Е.С. Соболева

В.В. РАДЛОВ
И СИСТЕМА ТРАНСПОРТИРОВКИ В МАЭ
(конец XIX — начало XX в.)

Пополнение музейных фондов методом полевых сборов всегда представляло собой непростую задачу. Не случайно Устав Международного совета музеев ставит приобретение коллекций на первое место среди главных его задач — приобретения, сохранения, исследования, экспонирования и коммуникации. Музейное учреждение, которое перестает приобретать новые экспонаты, перестает быть живым музеем.

Выявление и сбор экспонатов напрямую связаны с талантом собирателя — его умением общаться с информантами, представить свой музей общине в правильном свете, понять и оценить качество и музейное значение вещи. Не меньшим искусством является решение логистических задач. Чтобы доставить коллекции в музей в целости, российские собиратели совершали настоящие чудеса и подвиги. Из письма И.Ф. Крузенштерна, руководителя первой русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг., известно, что моряки начали собирать коллекции еще до того, как был создан Морской Музеум, не имея ни опыта, ни методик [РГА ВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 283. Л. 12 об.]. На судах, длина которых составляла около 30—40 м, моряки везли в Петербург приобретенные ими в Русской Америке кожаные лодки пяти и более метров в длину и хрупкие модели туземных судов, которые приходилось держать в специальных упаковках.

Без помощи государства, спонсорской поддержки и энтузиазма частных лиц учреждения Академии наук не добились бы таких впечатляющих результатов по сбору и сохранению уникальных коллекций, составляющих базис отечественной и мировой науки.

Это ярко иллюстрирует опыт Санкт-Петербургского Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее — МАЭ), который входит в число крупнейших музеев этого профиля в мире и единственный в стране показывает «сколько-нибудь полную картину постепенного развития человеческого рода и разнообразного культурного положения различных племен» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Д. 24. Л. 2]. Директор МАЭ с 1894 по 1918 г. ординарный академик В.В. Радлов разработал систему пополнения МАЭ и сумел решить многие логистические проблемы доставки коллекций в МАЭ, движения экспедиций по территории России и даже проблемы транспортировки за рубежом. Опираясь на отечественные нормы и правила, он использовал и опыт родственных зарубежных музеев. Разработанные В.В. Радловым методы и способы решения сложнейших логистических задач облегчали работу других академических музеев.

Когда 15 марта 1895 г. в Историко-филологическом Отделении Императорской Академии наук (далее — ИФО ИАН) рассматривалось предложение российского вице-консула в Маниле Оскара Дюрра доставлять для петербургских музеев различные предметы, которые он собрал на Филиппинских островах и был готов их подарить, встал вопрос о том, как покрыть расходы на перевозку. Отделение постановило «снести с директорами Музеев» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 18.]. С тех пор вопросы доставки коллекций в Академию наук, льготных тарифов на оплату транспортировки и пр., беспрошльного пропуска таможенных грузов и цензурных процедур при получении отправок из-за рубежа решались при активном участии В.В. Радлова.

Программу развития вверенного ему музея В.В. Радлов изложил ИФО ИАН 12 марта 1894 г. и, в частности, просил дать ему «право войти в сношение с лицами, живущими в различных частях России, которые могли бы быть полезными при пополнении наших этнографических коллекций и, в случае надобности, представить Отделению имена тех лиц, которые могли бы быть официально назначены корреспондентами Музея по Этнографии и Антропологии Императорской Академии Наук с выдачей на это звание диплома» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Д. 24. Л. 2.]. Звание было введено в 1898 г., и до 1914 г. корреспондентами МАЭ были избраны 21 чел., из них две женщины и девять иностранцев.

С 1898 г. В.В. Радлов добивался распространить на МАЭ права, подобно Азиатскому музею, обращать остатки от сумм, отпускаемых на пополнение коллекций и на ученые командировки, в специальные средства МАЭ для расходования на те же надобности, а также увеличения штата музея [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1901). Д. 86. Л. 1]. Государственный Совет рассмотрел эти предложения Министерства народного просвещения, и Государь Император утвердил их 4 февраля 1901 г. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1901). Д. 86. Л. 4].

13 ноября 1902 г. В.В. Радлов просил ИФО ИАН возбудить ходатайство о переименовании Музея [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1902. Д. 149. Л. 308]. Государь Император 21.12.1903 г. высочайше соизволил наименование «Музей антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Д. 90. Л. 4]. Новое название способствовало расширению масштабов деятельности Музея, но одновременно повышало уровень требований к качеству его продукции (экспозиций, научных публикаций, образовательных услуг и пр.).

С 1909 по 1917 г. по инициативе В.В. Радлова действовал Попечительный Совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого при Императорской Академии наук, в который входили влиятельные промышленники,

банкиры и чиновники. Почетными членами Совета, в хронологическом порядке, стали Эмиль-Феликс Юльевич Шотлендер (с 1909 г.), Феофил Егорович Мейендорф и Владимир Владимирович Святловский (с 1910 г.), Герман Мейер, Иосиф Иосифович Леман и Александр Георгиевич Романовский (с 1912 г. — Почетный Председатель Попечительного Совета), Эмануил Людвигович Нобель и Борис Александрович Игнатъев (с 1913 г.), Карл Карлович Шейблер (с 1914 г.), Джон Мюргед (с 1915 г.), Анатолий Павлович фон дер Остен-Дризен (с 1917 г.).

Эти меры повысили статус МАЭ, следствием чего стал интерес влиятельных особ и специалистов к разным сторонам деятельности академического музея. Приток средств и иная помощь от заинтересованных лиц позволили В.В. Радлову с 1907 г. наконец-то реализовать свою программу самостоятельных экспедиций, наладить покупку коллекций, оплачивать труд коллекторов на местах, выдавать экспедициям Открытые листы от МАЭ, помогать российским музеям в пополнении их предметных и книжных фондов, вести обмен дубликатами с другими музеями мира. Именно в этот период В.В. Радлов сумел наладить отношения с организациями, которые занимались доставкой и отправлением грузов.

Благодаря энергии, настойчивости, последовательной просветительской деятельности академика В.В. Радлова в 1898, 1904, 1909 гг. ИАН удалось договориться с руководителями Российских железных дорог, Почтового ведомства, Таможни (как Портовой, так и Сухопутной), разных компаний торгового и пассажирского флота. Была налажена система отправки и доставки коллекций в МАЭ из всех частей света, выработаны единые нормы оплаты транспортировки грузов и командированных ИАН сотрудников. Эти нормы распространялись на другие учреждения Академии наук и действовали до середины 1920-х годов.

О том, какими способами В.В. Радлов пополнял коллекции МАЭ в конце XIX — начале XX в., свидетельствуют доку-

менты СПФ АРАН). Рассмотрим некоторые ключевые моменты этой системы.

Почтовое ведомство

Российское государство рано предоставило значительные льготы на посылки для учреждений Императорской Академии наук. Согласно § 33 Высочайше утвержденного 8 января 1836 г. Устава Императорской Академии наук посылки, прибывающие на Петербургский Почтамт, не подлежали обложению дополнительным сбором. Согласно ст. 374 Почтового Устава посылки до пуда отправлялись почтамтом бесплатно [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1895. Д. 12. Л. 13].

Эти меры помогали МАЭ получать коллекции от собирателей с мест. 23 мая 1898 г. служащая при МАЭ Евгения Львовна Петри сообщала технические подробности транспортировки вещей начальнику Лепсинского уезда Семиреченской области Константину Николаевичу де-Лазари, который предложил собрать в дар МАЭ коллекции и информацию о быте киргизов. МАЭ предоставил ему право на получение фотографического материала наземными посылками при условии, что посылки не должны быть тяжелее 30 фунтов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 52. Л. 49]. 7 февраля 1898 г. коллекции де-Лазари прибыли в музей [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 52. Л. 22–23].

Другую коллекцию предложил собрать Самаркандский уездный врач Константин Евгеньевич Островских среди узбеков, таджиков, бухарцев. 9 декабря 1899 г. дирекция МАЭ выразила ему признательность за это предложение, но попросила определить условия сотрудничества [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 52. Л. 83–86]. «Наиболее удобный для Музея способ Вашего сотрудничества был бы такой: получение коллекций, собранных Вами, и уплата по представленному Вами счету их стоимости. Пересылка вещей может проводиться почтою в посылках весом не более пуда. Таковые, на

основании Устава ИАН и § 60-го почтовых правил, должны быть принимаемы бесплатно» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 52. Л. 84].

Планируя собирательскую активность внутри страны и за рубежом, руководство ИАН ходатайствовало о сохранении за ИАН тех прав, что были ей дарованы. 31 мая 1900 г. был рассмотрен Проект о мерах по упорядочению пересылки по почте бесплатно корреспонденции [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 51. Л. 76 — 76 об.].

МАЭ организовал систему выписки профильных изданий из других стран, обмен публикациями. ИФО ИАН 11 октября 1900 г. в этой связи уведомляло директора Санкт-Петербургского Почтамта (отношение от 29 сентября 1900 г. № 42047), что ИАН имеет право получать из-за границы ученые книги без цезурного просмотра. Некоторые из посылок попадали в Комитет иностранной цензуры для определения характера вложения. Право это, впрочем, распространялось только на ученые книги и журналы [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1900. Д. 147. Л. 316].

29 июля 1905 г. в «Правительственном Вестнике» № 163 был опубликован Закон от 16 июня 1905 г. «О льготной пересылке почтовых отправок внутри Империи», по которому ИАН лишалась прав на бесплатные пересылки корреспонденции. Новый закон был расценен как тяжелый удар по Академии наук. В.В. Радлов как председатель Комиссии по вопросу о применении к Академии закона от 16 июня 1905 г. доложил об этом Общему собранию ИАН 8 октября 1905 г. В его Объяснительной записке (I-е Приложение к протоколу заседания) подчеркивалось, что, согласно законодательному акту 1836 г. (§ 3 Устава), ИАН — это корпорация, ученое сообщество, «ученое сословие, обязанное расширять пределы человеческих знаний и распространять просвещение вообще, содействовать изысканиям и ученым открытиям в России». Для реализации этой миссии ИАН «требуется непрерывное сношение с Россией», поэтому право даровой пересылки корреспонденции по

почте было бы желательно распространить по Академии наук, «как на все правительственные учреждения». Так, Книжный склад постоянно рассылал издания ИАН (только в 1904 г. было отправлено 309 пудов книг), Библиотека — книги и рукописи для временного пользования (ежегодно 200–300 посылок весом от 5 фунтов до 1 пуда), Главная физическая обсерватория — издания астрономических наблюдений (более 3000 посылок в 1904 г., в т.ч. 1120 ящиков), Зоологический музей — посуду, снаряды, приспособления для укупорки коллекций на местах (250–300 посылок в год).

Особо подчеркивалось, что «сношения с лицами, обращающимся к ИАН, таким образом, было бы затруднены». Народ России пользовался привилегией «сноситься с Академией наук почтой без платежа весовых», что расширяло обращения в АН учащих лиц «из глухих уголков Империи». Это приносило пользу науке и отечественному просвещению: присылаемые с мест результаты наблюдений, естественно-исторические коллекции, рукописи, старинные книги, этнографические предметы сберегали государству тысячи рублей, избавляя от снаряжения дорогих ученых экспедиций. Только Главная физическая обсерватория имела в России 160 коллекторов. В 1904 г. Геологический музей получил 632 посылки, коллекции в 513 ящиках, в 1905 г. — 287 посылок в 250 ящиках; Ботанический музей от 40 лиц получил 90 посылок, 50 — из Сибири и Туркестана. Этнографический музей в 1905 г. получил 117 ящиков этнографических коллекций из Приамурского края, Якутской области, Туруханска, Средней Азии, Крайнего Севера и Европейской России [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1905. Д. 152. Л. 109, 118–119].

По подсчетам комиссии, в год ИАН требовалось 60 тыс. руб. на отправление посылок и оплату получаемых (из них Главной физической обсерватории — до 30 тыс. руб., Зоологическому музею — до 13 тыс. руб.). Почтовые сношения определялись энергией членов АН, невозможно предвидеть условий по работе и присылке коллекций в академические музеи. Правление

ИАН выразило опасение, что музеи могут лишиться половины коллекций, т.к. невозможно предварительно делать денежные расчеты с неизвестными лицами. Провинциальные корреспонденты Музеев ИАН встретили трудности при отправке коллекций в Санкт-Петербург.

Академикам хотелось бы избежать ситуации, когда издания ИАН рассылались бы меньшему количеству российских учреждений. В приложенном комиссией проекте изменений в закон предлагалось: «1) ИАН и подведомственные ей учреждения (список прилагался) пользуясь правом посылать за казенными печатями внутри Империи письма, пакеты и посылки (в ящиках и мягкой укупорке) до трех пудов весом, без платежа весовых денег; 2) ИАН пользуется и тем правом, чтобы посылаемые на ее имя письма, пакеты, посылки (в ящиках и мягкой укупорке) до трех пудов весом будут принимаемы в почтовом ведомстве без платежа весовых». Одновременно Общее собрание ИАН специально просило Министерство народного просвещения просить МВД отложить на шесть месяцев с 1 января 1906 г. действие нового закона по отношению к МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1905. Д. 152. Л. 115, 120].

Ходатайство ИАН было рассмотрено, отмену этого положения нового закона 22 апреля 1906 г. утвердил Его Императорское Величество Николай II. 11 июня 1906 г. в № 130 «Правительственного Вестника» был опубликован закон о предоставлении ИАН льгот по бесплатной пересылке почтовой корреспонденции: посылок — до 1 пуда, письма — до 1 фунта. Эти привилегии была распространена на ИАН, Канцелярию Конференции, Канцелярию Правления Академии, Архив Конференции, Библиотеку ИАН, особо — на Музей антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого, а также на музеи (Зоологический, Ботанический, Азиатский), кабинеты (Русский, Нумизматический, Физический), лаборатории (химическую, по анатомии и физиологии растений, особую Зоологическую и Физиологическую), а также на Николаевскую Главную Физическую обсерваторию. 1 июля 1906 г. циркуляр

(текст закона для предъявления его правительственным почтовым конторам в случае надобности) был разослан всем Музеям и подведомственным учреждениям ИАН [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1906. Д. 153. Л. 56 об.].

Но проблемы остались, и 2 декабря 1906 г. Непременный Секретарь ИАН получил разрешение Общего Собрания «на сношение с Главным Управлением Почт и Телеграфов в видах устранения некоторых недоразумений, вызываемых применением нового закона от 22 апреля 1906 г. с предоставлением ИАН льгот по бесплатной пересылке почтовой корреспонденции» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1906. Д. 153. Л. 84 об.].

Количество, объем и вес отправляемых в МАЭ коллекций увеличивался, и 28 апреля 1908 г. Санкт-Петербургский Почт-директор вынужден был отправить В.В. Радлову следующее официальное письмо № 13174: «На отношение от 9 апреля № 36 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я совершенно лишен возможности сделать распоряжения о приеме Почтамтом и бесплатной пересылке упомянутых в отношении посылок, т.к. по распоряжению Главного Управления Почт и Телеграфов, напечатанного в № 178 "Правительственного Вестника" за 1905 г., с введением в действие новых правил о льготной почтовой пересылке никаких соглашений заинтересованных ведомств с центральными или местными органами Почтово-Телеграфного Ведомства о приеме к бесплатной пересылке почтовых отправок на удовлетворяющих новым правилам по своему характеру или весу, — допущено быть не может. К сему считаю нужным присовокупить, что сии посылки будут оплачены почтовым сбором за пересылку, то к приему их одновременно до 25 пудов препятствий не встретится, бесплатно же могут быть приняты в одно почтовое отправление только 1 пуда, при условии, чтобы вес каждой посылки не превышал 12 фунтов» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 57. Л. 104 — 104 об.]

Тем не менее Почтовое ведомство входило в положение. Так, в январе 1909 г. Русский Комитет по изучению Средней и

Восточной Азии известил 1-й Департамент Министерства иностранных дел, что от студента Петербургского университета Медведева из Пекина 3 октября 1908 г. были отправлены шесть ящиков этнографических объектов с китайской трактатной почтой через Монголию Российской Императорской миссией, но в декабре 1908 г. они были задержаны в Троицкославске русской почтовой администрацией ввиду большого веса, как не подлежащие бесплатной пересылке. Вес ящиков 3–5 пудов, так что они не могут быть почтовыми. Проблему удалось разрешить, и Верхнеудинский уездный начальник 18 февраля 1909 г. малой скоростью отправил ящики в Санкт-Петербург, и доставка обошлась в 31 руб. 60 коп. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 57. Л. 128, 138].

Как правило, Почтовое ведомство, шло навстречу Музею. Так, 12 февраля 1913 г. В.В. Радлов обращался к начальнику Пермского Почтово-Телеграфного округа: «На основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета 22 апреля 1906 г. посылки до 1 пуда и закрытые письма до 1 фунта, адресованные на имя ИАН и ее учреждений, принимаются на почту без оплаты весом сбором. Ижевская (Вятская) почтово-телеграфная контора отказывается от бесплатной пересылки посылок на имя АН от лиц, не снабженных командировочным листом. Просим сделать распоряжение. Посылки могут быть от сельского старосты с. Юсек Старовеньской волости Андрея Андреева Ложкина. В.В. Радлов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 63. Л. 391]. Поскольку предметы были громоздкие, он 11 марта 1913 г. давал рекомендацию: «Ручная мельница вотяков может быть разделена на 2 посылки — 1 посылка 10 ф. и 1 посылка 27 ф. Просим принять бесплатно в виде исключения — от с. Юсек» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 63. Л. 429].

Таможенное ведомство

Как в Портовую, так и в Сухопутную таможеню на адрес МАЭ поступали разнообразные грузы. Их получал служи-

тель МАЭ Иван Николаевич Субоч, старший запасной унтер-офицер, поступивший на службу в музей 13 апреля 1901 г.

По возможности руководство ИАН старалось не нарушать правил, но иногда сроки хранения грузов затягивались, в т.ч. и по бюрократическим причинам, и ИАН получала предупреждения о возможной продаже таковых невостребованных грузов с публичного торга (аукциона) после указанного срока. Такой угрозе в 1904 г. подверглась археологическая коллекция В.М. Савенкова, отправленная по Николаевской железной дороге в Москву (в Исторический музей) в апреле 1903 г. Академик В.В. Радлов добился, чтобы ящики вернули в Санкт-Петербург [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 196–198; Д. 53. Л. 472 а].

Подобная ситуация повторилась 19 марта 1914 г. Тогда действительный статский советник В.В. Радлов успел сообщить в Департамент таможенных сборов Министерства финансов о том, что им получено уведомление из Санкт-Петербургской Портовой таможни, что 20 марта 1914 г. поступят в продажу две решетки с деревянными изделиями по описи № 960 1913 г. Среди них — «вещи, составляющие этнографическую коллекцию, принадлежащую Петровской Галерее, вследствие чего Музей ходатайствует перед Департаментом Таможенных сборов о беспошлинном пропуске означенных вещей». Одновременно Санкт-Петербургскую Портовую таможню (Главная Складочная) в ответ на отношение от 12 марта 1914 г. за № 6718 В.В. Радлов «имеет честь известить, что им возбуждено ходатайство перед Департаментом таможенных сборов о беспошлинном пропуске означенных в названном отношении деревянных изделий. Вследствие этого Музей просит отложить продажу этих вещей, назначенную на 20 марта с.г., до получения ответа от Департамента таможенных сборов» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 66. Л. 311, 312].

Когда В.В. Радлов добился в апреле 1901 г. передачи МАЭ нижнего этажа здания по Таможенному переулку, то на пожертвованные лейпцигским профессором Гансом Мейером средства

были заказаны для новых залов в АО «Артур Коппель» железные экспозиционные шкафы [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1901). Д. 26. Л. 42; Ф. 1. Оп. 1 а — 1901. Д. 148. Л. 299]. Выписанные из Германии железные части шкафов прибыли к сентябрю 1901 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 53. Л. 261—262]. В 1902 г. в Сухопутную таможенную пришли из Бремена на имя МАЭ четыре ящика с машинными частями для оборудования музейного здания, которые также было разрешено беспошлинно пропустить как груз для Академии наук [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1902). Д. 8. Л. 1].

Продолжая заботиться об оснащении музея, В.В. Радлов хлопотал, чтобы соблюдался § 33 Устава АН — право «выписывать из чужих краев <...> всякого рода вещи, к научным предметам относящиеся, без платежа таможенных пошлин». Департамент таможенных сборов дал утвердительный ответ на его запрос: железные шкафы МАЭ и мебель относятся к категории этих предметов. В будущем предполагалось выписать составные части железных выставочных шкафов и витрин (карнизы, стенки, перегородки, стекло, колпаки, др.), поскольку «выставочная мебель в Санкт-Петербурге делается из иностранного материала, иностранными мастерами, хуже выписной, дорогая». В.В. Радлов 16 февраля 1905 г. заранее просил ИФО ИАН ходатайствовать перед Министром финансов о беспошлинном и беспрепятственном пропуске их через Таможню [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1905. Д. 152. Л. 352].

21 июня 1906 г. Общее собрание ИАН напоминало, что книги на иностранных языках пропускаются при ввозе из-за границы беспошлинно, на русском языке — оплаченной пошлиной 77 руб. с пуда (п. 2 ст. 178 таможенного тарифа Министерства торговли и промышленности), и ходатайствовало о распространении этого права на книги на украинском языке: «Украинский язык получил право гражданства, не надо его стеснять» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1906. Д. 153. Л. 57 об.].

В.В. Радлов как председатель Комиссии директоров академических музеев успешно находил решение проблем, с ко-

торыми сталкивались учреждения, и Общее собрание ИАН нередко уполномочивало его делать это. Так, 2 октября 1910 г. В.В. Радлову было поручено сообщить директорам Музеев Отношение 1-го Департамента МИД от 17 октября № 6029: «В отдельных случаях научных командировок в Китай были примеры тому, что лица, пользующиеся означенными командировками, собирали в Китае различные коллекции предметов, с научной целью, и пытались проводить эти коллекции без всяких предварительных сношений с Миссией нашей в Пекине, через пункты, где существуют китайские таможи. Между тем большинство предметов, входящих в такие коллекции, по существующим таможенным правилам, подлежат оплате вывозной пошлиной, каковая может быть сложена лишь по предварительному соглашению Миссии с Главным управлением китайских таможен, с указанием научной цели предметов. В противном случае предметы эти задерживаются китайской Таможней, пропуск их может быть достигнут лишь благодаря личной любезности Главного инспектора китайской таможи.

Сообщая об изложенном, 1-й Департамент имеет честь просить ИАН не отказать в установлении на будущее время такого порядка, чтобы лицам, командируемым с научной целью, указывалось, что в случае вывоза им научных коллекций через пункты, где имеются китайские таможи или их отделения, они должны заблаговременно обращаться в Императорскую Миссию в Пекине для того, чтобы последние могли принять меры к беспрепятственному выпуску из Китая указанных коллекций» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 57. Л. 194].

2 ноября 1911 г. Департамент таможенных сборов не соглашался выдать беспошлинно научные инструменты (антропометрические), так как МАЭ не значился «в списке учреждений, которые имеют право на беспошлинное получение из-за границы каких-либо предметов». В.В. Радлов просил неперменного секретаря сообщить, что МАЭ является учреждением ИАН и, следовательно, пользуется этими правами [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 63. Л. 148].

Вновь В.В. Радлову пришлось просить 17 октября и 15 ноября 1912 г. выдать по льготному тарифу ящики с книгами, находившиеся в Сухопутной таможне [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 63. Л. 296, 320].

Состав коллекций нередко требовал особого оформления. 7 сентября 1908 г. в Портовую таможню прибыло для МАЭ два ящика с оружием из-за границы, на пароходе «Вологда» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 57. Л. 111]. Департаменту таможенных сборов Министерства финансов 28 января 1914 г. № 2941 В.В. Радлов, ссылаясь на Отношение от 4 сентября № 379, сообщал о разрешении МАЭ получения «из-за границы этнографических коллекций, заключающих в себе, между прочим, оружия, пребывающее обыкновенно в совершенно непригодном виде, без предъявления подлежащих разрешительных свидетельств Департамента Полиции на право ввоза оружия в пределы Империи» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 67. Л. 31].

Начало Первой мировой войны значительно осложнило, а иногда и прервало собирательскую работу. Серьезные проблемы возникли с возвращением экспедиций и перевозкой их грузов. По закону военного времени частным лицам было запрещено перевозить через линию фронта любые записи, и от этого запрета едва не пострадали участники Второй русской (т.н. студенческой) экспедиции в Бразилию.

В.В. Радлов лично писал 2 ноября 1915 г. Его Превосходительству г-ну начальнику военной цензуры: «У командированного Музеем антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого в Бразилию Г.Г. Манизера 23 октября 1915 г. на ст. Белоостров по неизвестным причинам были отобраны все его рукописи. Так как таковые составляют собственность вверенного мне Музея, то я покорнейше просил бы сделать распоряжение о скорой передаче рукописей г. Манизеру или о пересылке их в Музей» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Д. 69. Л. 201].

Собранные участниками экспедиции коллекции попадали в Петроград по-разному. Так, 18 мест груза, в которых находились коллекции, принадлежавшие музеям ИАН, должны были следовать из Архангельска в Петроград, но в Вологде не были перегружены на нужный поезд и, по-видимому, остались в Вологде. Собиратель зоолог Н.П. Танасийчук был направлен в Вологду 17 октября 1915 г. В.В. Радловым по Открытому листу МАЭ для отыскания и отправления груза в Петроград [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Д. 69. Л. 188, 189].

23 января 1916 г. на таможенно Финляндского вокзала прибыл ящик с этнографическими коллекциями из Южной Америки Ф.А. Фиельструпа [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1916. Д. 8. Л. 3]. У него тоже были конфискованы полевые дневники. Директор МАЭ В.В. Радлов 28 января 1916 г. «сим свидетельствует, что податель сего Ф.А. Фиельструп был командирован для научных исследований в Южную Америку и что отобранная у него записная книжка содержит нужные для Музея научные сведения и счета на расходование сумм, необходимых для музейной отчетности, и потому Музей просит таковую книжку, если не имеется к тому особых препятствий, вернуть подателю» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Д. 69. Л. 251].

Железные дороги

Петербургско-Варшавская железная дорога, Николаевская железная дорога, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) и другие смежные с ними магистрали были задействованы в перевозках коллекций академических музеев. Коллекции доставлялись в МАЭ по государственным и по частным железным дорогам по льготным тарифам.

Старший этнограф МАЭ Д.А. Клеменц 2 июля 1899 г. телеграфировал в Томск П.И. Малушину: «Пусть Адрианов высылает лодку музею издержки укупорки перевозки уплатим» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 52. Л. 82]. Управление железной дороги в ответ на отношение от 10 июля

1898 г. № 911 дало согласие 4 октября 1898 г. на освобождение Академии наук от платы за провоз и хранение берестяной лодки из Томска [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 51].

Когда МАЭ был приглашен к участию в Северо-Тихоокеанской экспедиции Джекзупа (1897–1902 гг.), ИФО ИАН 15 марта 1900 г. постановило командировать В.И. Йохельсона и В.Г. Богораза в Американский музей естественной истории (American Museum of Natural History) с проездом по льготному тарифу [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 19 а — 1900. Д. 147. Л. 266 об.], а 24 мая 1900 г. льготный провоз был распространен для проезда экспедиции Джекзупа по железным дорогам и на пароходах [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 19 а — 1900. Д. 147. Л. 303 об.].

В 1902–1903 гг. руководство ИАН и транспортных компаний сумели обеспечить работу экспедиций Бронислава Осиповича Пилсудского (командирован на о. Сахалин для сбора коллекции для МАЭ) и Вацлава Леопольдовича Серошевского (командирован в Маньчжурию, Японию и Китай). Комплексное решение проблемы стало моделью для последующих экспедиций, поэтому остановимся на нем подробнее.

Правление Общества Китайской Восточной железной дороги разрешило № 3845 20 мая 1902 г. Пилсудскому и его товарищу, командированному МАЭ из Владивостока на о. Сахалин для собирания этнографических коллекций, бесплатный проезд на пароходе Общества с провозом багажа (и обратно) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 95]. Заручившись согласием ИФО ИАН (§ 233 27 ноября 1902 г.), В.В. Радлов сообщал Б.О. Пилсудскому, что его коллекции безвозмездно будут перевезены Добровольным флотом в Одессу, а далее по железной дороге в Петербург [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 19 а — 1902. Д. 149. Л. 319].

Правление Общества КВЖД 10 января 1903 г. № 231 разрешило В.Л. Серошевскому во время командировки на Дальний Восток ехать бесплатно и провезти 10 пудов багажа

по железной дороге и на пароходах между Китаем, Японией и Владивостоком, но для бесплатного перевоза коллекций потребовало сведения о размере груза [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 110].

Вице-президент ИАН П.В. Никитин направил официальное письмо в Управление железных дорог МПС 18 января 1903 г. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Д. 96. Л. 2]. Ответ МПС в ИАН 25 января 1903 г. № 4215: «Управление железных дорог имеет честь уведомить, что по вопросу о перевозке по железным дорогам коллекций для Музея Академии по антропологии и этнографии, направленных из п. Корсаковск через Одессу в Петербург, сделано сношение с Министерством финансов, в порядке ст. 3 разд. 1 Закона о льготных перевозках, что же касается выдачи бесплатного билета на проезд по железной дороге командированного Академией наук в текущем году В.Л. Серошевского от Санкт-Петербурга до Маньчжурской границы, то управление железных дорог затрудняется сделать соответствующее по сему предмету распоряжение, ввиду неуказания цели командировки означенного лица» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Д. 96. Л. 3].

Управление железных дорог МПС 7 февраля 1903 г. письмом № 6669 сообщало в Правление ИАН: «Вследствие отнесения от 18 января 1903 г. за № 83 Управление железных дорог имеет честь уведомить, что по вопросу об установлении льготного тарифа на бесплатную перевозку от Одессы до Санкт-Петербурга коллекций, собранных на о. Сахалин г. Пилсудским для Музея Академии по антропологии и этнографии, было сделано в установленном порядке подлежащее сношение с Департаментом железнодорожных дел, который ныне, отношением от 3 февраля 1903 г. за № 1275/115, сообщает, что Министерство финансов признало возможным изъять согласие на установление для означенной перевозки по железным дорогам, согласно прежде бывшим примерам, льготного в 1/100 коп. с пуда и версты тарифа и что соответствующий льготный тариф будет опубликован в № 1441 Сборника тарифов с применением

его с 5 февраля по свидетельствам Правления ИАН» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Д. 96. Л. 4]. 3 февраля 1903 г. № 1275/115 Министерство финансов согласилось установить по казенной железной дороге льготный тариф 1/100 коп. с пуда и версты, начиная с 5 февраля 1903 г. По отношению № 23 от 13 января 1903 г. Управление железных дорог 7 февраля 1903 г. приняло решение о бесплатной перевозке коллекций из Одессы в Санкт-Петербург [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 51. Л. 117].

Добровольный флот в январе 1903 г. уведомил МАЭ о расторжении фрахта 84 руб. 60 коп. за перевозку на пароходе «Ярославль» восьми ящиков коллекций из Владивостока и Сахалина от Пилсудского и Серошевского в ИАН, потребовал оплатить расходы по нагрузке, выгрузке, портовые, гербовые, эксплуатационные и прочие сборы [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 115]. Справка о высланной из Корсакова в Санкт-Петербург Серошевским коллекции позволила ходатайствовать о применении льготного тарифа [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 119]. В.В. Радлов был приглашен в Комитет Добровольного флота для обсуждения ситуации [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 116].

2 сентября 1903 г. (№ 3228) Комитет Добровольного флота предоставил В.Л. Серошевскому проезд в каютном помещении на пароходе с 20%-ной скидкой тарифа (Нагасаки — Шанхай 26 руб. 40 коп., Шанхай — Одесса 293 руб. 60 коп.) с питанием [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 141]. Уже 25 сентября 1903 г. Добровольный флот прислал коносамент № 84 на семь ящиков этнографических коллекций, отправленных Серошевским из Нагасаки [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 147]. 4 октября 1903 г. из Кореи он отправил часть японской и айнской коллекции в десяти ящиках [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 50. Л. 227—228], 28.12.1903 г. — на пароходе «Кострома» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 50. Л. 244—245].

Комитет Добровольного флота 11 декабря 1903 г. № 4549 просил ИАН присылать предварительное письмо о каждой отправке коллекций, поскольку обязательств на себя взять не мог [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 152, 153].

Коллекции В.Л. Серошевского перевезли бесплатно по морю, но по железной дороге уплата предполагалась по получении [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 174.]. МПС железных дорог установило льготы в 1/100 коп. за пуд и версту, и тариф на перевозку каждой из его этнографических коллекций В.Л. Серошевского с о. Иессо решался отдельно (накладные №№ 1504, 4775, 861) [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 177].

В Сухопутную Санкт-Петербургскую таможенную по накладной № 4775 прибыли два ящика с этнографическими предметами, доставленные из Нагасаки в Одессу пароходом «Тамбов» Добровольного флота 10 января 1904 г. по коносаменту № 102 [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 171.], пароходом «Кострома» из Коломбо — одно место (накладная № 861). Счет Добровольному флоту составил 1 руб. 60 коп. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 173].

Поскольку льготный тариф действовал только по 31 декабря 1903 г., оплату провоза коллекций в 1904 г. надо было уладить в Департаменте железных дорог и подтвердить льготный тариф № 8/1903 для других накладных [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 178]. Принять решение по этому поводу мог только Съезд представителей железных дорог в феврале 1904 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 179]. В конце концов, 16 марта 1904 г. Петербургско-Варшавская железная дорога дала согласие применить льготный тариф к накладной № 861 [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 188].

В.В. Радлов 5 февраля 1904 г. обратился в Канцелярию Правления ИАН, чтобы «на основании протокола ИФО

ИАН от 24 сентября 1903 г. ст. 187 просить Управление железных дорог о льготном провозе вещей, высланных В.Л. Серошевским, и сверх того о применении этой льготы на будущее время по отношению к всем коллекциям, присылаемым в Музей» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Д. 96. Л. 5]. Вице-президент ИАН П.С. Никитин в этот же день отправил письмо № 348 в Управление железных дорог Министерства путей сообщения: «По сообщению Директора Музея Академии наук по антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого, ординарного академика, тайного советника Радлова, начали прибывать назначенные для этого музея коллекции с Дальнего Востока от командированного в этот край г. Серошевского, а в ближайшем будущем предвидится несколько новых командировок в разные части света с целью собирания коллекций для того же музея. Правление Императорской Академии наук, принимая во внимание ограниченные средства музея и питая надежду, что ему и впредь не будет отказываемо Управлением железных дорог в льготном провозе коллекций и не желая беспокоить ходатайствами по каждому музейному случаю, имеет честь покорнейше просить распоряжения Управления по льготному провозу впредь вообще этнографических коллекций, сдаваемых на железные дороги для доставления на имя названного музея Академии наук» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Д. 96. Л. 6].

Управление железных дорог ответило ИАН 5 апреля 1904 г. № 14752: «Означенный вопрос рассматривался на 94-м Общем тарифном съезде представителей железных дорог, бывшем февраля с.г., причем Съезд признал возможным изъявить согласие на то, чтобы антропологические и этнографические коллекции для Музея им. Императора Петра Великого при АН перевозились по всем русским железным дорогам общего значения по льготному, в 1/100 коп. с пуда и версты, тарифу, при условии адресования названных коллекций на имя Правления Императорской Академии наук и со взиманием дополнительных сборов — особо, на общих основаниях. Изложенное поста-

новление Съезда ныне утверждено в установленном порядке; о чем последует подлежащая публикация в ближайшем номере Сборника тарифов» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Д. 96. Л. 7].

16 января 1908 г. В.В. Радлов убедил ИФО ИАН ходатайствовать перед Правлением ИАН о возбуждении ходатайства об одном бесплатном билете для проезда одного из служащих МАЭ по российским железным дорогам в случаях, «когда представляется надобность в таких поездках по делам Музея» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1908. Д. 155. Л. 334 об.].

В 1909 г. вновь был поднят вопрос об условиях транспортировки грузов для Академии наук. Заведующий Делами общих съездов представителей Русских железных дорог по тарифным вопросам письмом № 149 от 19 января 1909 г. сообщил в Правление ИАН, что на съезд вынесен вопрос об изменении условий применения льготного тарифа № 27—1904 г., установленного на перевозку коллекций для Музеев при Академии наук в Санкт-Петербурге. Предлагалось командировать представителя 28 января 1904 г. в 13.00 в помещение конторы Съезда (Невский пр. — угол Екатерининского канала, д. 16—30) [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1908). Д. 95. Л. 1]. Таковым представителем ИАН на съезде стал ординарный академик тайный советник В.В. Радлов [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1908). Д. 95. Л. 4].

Вновь были подтверждены условия применения на казенных железных дорогах льготного тарифа № 27—1904 г. (Свод льготных тарифов № 7309. Сборник тарифов № 1925, с. 299), установленного на перевозку коллекций для Музеев при Академии наук. Коллекции должны быть адресованы на имя Правления ИАН. Но в случае, «когда эти коллекции адресованы на имя предъявителя дубликата накладной или частного лица, если при выдаче оных Правлением Академии будут предъявлены станции Санкт-Петербург надлежащие удостоверения в том, что прибывшие грузы принадлежат Академии наук и поступают в ее пользование. Условия № 27—1904 г. для

Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого при Императорской Академии наук действуют как на казенных, так и на частных железных дорогах, выработаны 94-м Общим тарифным съездом» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1908). Д. 95. Л. 2 об.]. Управление железных дорог отношением от 20—22 декабря 1908 г. № 31462 относительно льготного, в 1/100 коп. с пуда и версты, тарифа № 27-1904, просило «поместить соответствующую о сем публикацию в Сборнике тарифов со введением оной в действие со дня опубликования» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1908). Д. 95. Л. 3]. Льготный тариф № 27—1904 г. был установлен лишь для перевозки коллекций малой скоростью [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 64. Л. 277].

В дальнейшем льготная оплата провоза по железной дороге оговаривалась по стандартной форме для каждой накладной. Например: «26 февраля 1911 г. № 47 Начальнику Товарной станции Северо-Западной железной дороги. На основании тарифа № 27—1904 г., опубликованного в Сборнике тарифов № 1559, покорнейше прошу выдать по разрешенному тарифу в 1/100 коп. с пудо-версты этнографические коллекции для МАЭ по накладной № 5463» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 63. Л. 39]. Непременному секретарю приходилось давать справки, что МАЭ является учреждением Императорской Академии наук и пользуется этими правами [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 63. Л. 148].

Проезд участников экспедиций также всякий раз оговаривался заранее. В течение месяца после письма В.В. Радлова Товарищу председателя правления Общества КВЖД 5 мая 1910 г. дал согласие на выделение билетов второго класса (на пять месяцев с правом провоза пяти пудов багажа) на проезд командированного для научных исследований в Приамурском крае статского советника Л.Я. Штернберга и двух его помощников И.И. Зарубина и У.М. Аншелеса по КВЖД и Уссурийскому ее отделению от ст. Маньчжурия до Владивостока и обратно [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 57. Л. 175]. Он

подтверждал согласие на перевозку грузов по накладной согласно тарифу 1/75 коп. с пуда и версты (льготный) по письму МАЭ, в котором указывались бы станция отправления, время приема, наименование отправки, вес. «Выражаем готовность предоставить означенную льготу и в будущем, прошу уведомлять Правление заблаговременно» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 57. Л. 196 — 196 об.]

С началом Первой мировой войны доставка коллекций в МАЭ по железным дорогам замедлилась. Отправленные на Дальний Восток экспедиции с большим трудом отправляли ящики в Петроград. В этой ситуации собиратели на местах принимали решение дожидаться благоприятного времени.

Торговый и пассажирский морской флот

Коллекции с Дальнего Востока и стран Азии приходилось отправлять в Петербург морским путем. Этому способствовали русские консулы в Сингапуре, Коломбо, Калькутте, Рио-де-Жанейро и других портах.

Грузы доставлялись на судах разных российских морских судоходных обществ.

Большую помощь МАЭ оказали руководители Добровольного флота. Суда этой паровой компании ходили по главной восточной линии Одесса — Владивосток, Одесса — Санкт-Петербург и др. Как правило, ходатайство относительно перевозки музейного груза составлял директор МАЭ и неприменный секретарь ИАН направлял документ в Комитет. Управление Добровольного флота размещалось в Петербурге по адресу Большая Морская ул., 19.

К. Клейменов из Императорского Русского консульства в Сингапуре сообщал В.В. Радлову 10/23 июня 1897 г.: «Один из директоров табачной плантации в Дели, на о. Суматра, г-н G. Meissner, препроводил ко мне 15 ящиков, заключающих в себе этнографическую коллекцию для препровождения таковых в ИАН. Отправил я ныне означенные ящики на адрес

Академии, Лиз. Р.С., к № 104, ящ. А-О, на пароходе Добровольного флота «Екатеринослав», идущем прямо в Санкт-Петербург, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о получении ящиков не оставить меня уведомлением» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 50. Л. 75 — 75 об.]. Эта коллекция по культуре и быту батаков ныне экспонируется в МАЭ РАН.

Другая крупная коллекция была отправлена Н.Л. Гондatti в четырех ящиках из Владивостока на пароходе «Киев» 21 декабря 1897 г. на имя Его Превосходительства г. ректора Императорского Новороссийского университета Федора Никифоровича Шведова [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 52. Л. 44–45]. Еще 46 ящиков были отправлены в МАЭ 16 декабря 1898 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 50. Л. 94–95]. Чукотские и эскимосские коллекции благополучно достигли МАЭ, где были исследованы и опубликованы.

В 1898 г. принципы сотрудничества ИАН и Добровольного флота были в основном согласованы. Об этом сообщалось непременно секретарю ИАН Н.Ф. Дубровину 15 июня 1898 г. в письме № 3045, в ответ на Вх. № 507 от 16 июня 1898 г.: «Вследствие ходатайства Вашего Превосходительства, выраженного в отношении от 4-го июня за № 570, Комитет признал возможность бесплатно перевезти из Сингапура в Санкт-Петербург коллекции, жертвуемые г. Бергманом Императорской Академии Наук, с соблюдением следующих условий:

- 1) перевозка коллекций будет произведена, по мере возможности, на тех пароходах, которые будут иметь неполное количество грузов и, следовательно, будут располагать свободным местом для удобного помещения коллекций;

- 2) расходы по погрузке в порте отправления и выгрузке в СПб будут отнесены, в размере их действительной стоимости, в счет Академии;

- 3) все таможенные формальности в СПб должны быть исполнены попечением и за счет АН.

Сообщая вышеизложенное Вашему Превосходительству, Комитет имеет честь присовокупить, что агенту Добровольного флота в Сингапуре вместе с ним сделано соответствующее распоряжение по настоящему предмету» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1898. Д. 4. Л. 12].

Добровольный флот по возможности предоставлял также льготный или бесплатный проезд из Одессы, Владивостока и других портов участникам академических экспедиций.

Другая крупная транспортная организация «Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства» также не отказывала В.В. Радлову в содействии. 16 января 1906 г. МАЭ была возвращена уплаченная Музеем сумма за провоз на пароходе «Гр. Литке» этнографических коллекций, за что директор выразил Председателю Правления глубокую признательность [СПФ АРАН. Ф.142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 56. Л. 108]. В 1905 г. Правление Товарищества рассмотрело вопрос о бесплатном провозе из Архангельска в Санкт-Петербург этнографических коллекций д-ра Поле, собранных в Печорском крае, и сумма фрахта составила 102 руб. 20 коп. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 57. Л. 21].

3 мая 1908 г. В.В. Радлов лично писал Его Превосходительству Михаилу Петровичу Боткину, председателю пароходного товарно-пассажирского предприятия «Кавказ и Меркурий»: «Командируя с научной целью в Малую Азию студента Сигизмунда Брониславовича Смогоржевского, обращаюсь у Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой оказать вверенному мне Музею, ввиду недостатка в материальных средствах, содействия для снабжения студента Смогоржевского билетом на даровой проезд на пароходе Русского общества пароходства [и торговли] из г. Одесса в порты Малой Азии и обратно» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 56. Л. 277].

Амурское Общество пароходства и торговли в 1910 г. также пошло навстречу МАЭ, и оплата за провоз этнографической коллекции из Хабаровска в Санкт-Петербург 9 июля и 27 августа по накладным малой скоростью № 3934 и № 3990

от ст. Пограничная до ст. Маньчжурия, а также по Северо-Западной железной дороге от Нуаньченцзы через Сретенск была рассчитана по 1/75 коп., и в Санкт-Петербург груз прибыл 29 октября 1910 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 57. Л. 197–199].

20 марта 1913 г. по просьбе Физико-математического отделения ИАН В.В. Радлов оказал помощь гг. Г.И. фон-Вик и Фуншон из Хартума, ходатайствуя перед Агентством Русского общества пароходства и торговли, осуществлявшего перевозку на р. Кубань, о льготах на багаж [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 64. Л. 262].

15 апреля 1914 г. на пароходе «Екатеринослав» Добровольного флота отправились на о. Цейлон командированные МАЭ Герман Христианович и Людмила Александровна Мерварты. Они успели собрать ценнейшие этнографические коллекции, и первые ящики были отправлены 14/27 июня из Коломбо пароходом Добровольного флота «Воронеж» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 67. Л. 232]. Ящики были выгружены в Александрии вследствие событий военного времени, но в коносаменте, присланном в контору Добровольного флота в Петроград, этот груз вообще не был указан [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 69. Л. 19]. 18 апреля 1915 г. старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг обратился к Правлению Добровольного флота «с покорнейшей просьбой отправить в Александрию телеграфное распоряжение о том, чтобы груз был передан в ведение Таможни и находился там в хранении от имени музея. Все расходы и платежи по перевозке, выгрузке и хранении в Александрии, равно как и расходы по телеграфному распоряжению, Музей берет на себя» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 69. Л. 122].

Одновременно академик В.В. Радлов отправил письмо в Императорское Российское консульство в Александрии: «На пароходе “Воронеж”, который вследствие военных обстоятельств в июне 1914 г. выгрузился в Александрии, находились четыре ящика с этнографическими коллекциями из Коломбо,

адресованные во вверенный мне Музей. Ныне по распоряжению Добровольного флота груз этот передан на хранение в "Египетские завозные склады", находящиеся в ведении Таможни. Ввиду крайней научной ценности груза покорнейше прошу Консульство принять в свою очередь меры по охране этого груза и по окончании войны отправить через Добровольный флот в Одессу по адресу: Петроград, Императорская Академия наук, Музей этнографии. Все расходы по хранению вещей в таможне и сдаче на пароход Музеем будут уплачены» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 69. Л. 123].

23 января 1916 г. В.В. Радлов вновь писал Его Сиятельству г-ну Директору-распорядителю Добровольного флота [князю Маврокордато]: «Вследствие телеграммы от 30 ноября 1915 г. агента Добровольного флота относительно предстоящей продажи с аукциона принадлежащих Императорской Академии наук 4-х ящиков с этнографическими коллекциями по коносаменту за № 14, хранящихся в Таможенных складах Александрии, Музей антропологии Академии честь имеет просить сделать зависящие от Вашего Сиятельства распоряжения, дабы означенные 4 ящика были отправлены в Порт-Саид агенту Добровольного флота для хранения впредь до окончания военных действий» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 69. Л. 242 об.] К сожалению, грузы, хранившиеся в Порт-Саиде, впоследствии были проданы там с аукциона, и судьба коллекции неизвестна.

Мервартам пришлось оставить в разных музеях Индии (Калькутта, Мадрас) и Цейлона (Колombo) основную часть коллекции (200 ящиков), и лишь 11 ящиков они сумели увезти с собой во Владивосток в 1918 г., когда срок их командировки в Индию и на Цейлон был официально завершен [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1920). Д. 2. Л. 52].

Только в 1923 г. связи регионов со столицей опять были налажены, и Академия наук сумела организовать поиски и транспортировку в академические музеи «застрявших» на местах коллекций.

12 июня 1923 г. «с Гутуевской таможи доставлена прибывшая из Лондона на пароходе “Синус” часть индийских коллекций, собранных гг. Мервартами, в количестве 71 ящик», которые хранились в Индийском музее в Калькутте [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923). Д. 3. Л. 60]. Из Government Museum (Мадрас) 18 июля 1923 г. 56 ящичков были выданы уполномоченному Академии наук Г.Д. Красинскому и погружены на пароход “Элленга”» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 4. Л. 138]. Коллекции были тщательно перепакованы, вывезены в Сингапур, где сданы на хранение и застрахованы, оттуда предметы забрал для доставки в Петроград пароход «Декабрист» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1923). Д. 3. Л. 106]. Из Народного комиссариата внешней торговли (Москва) в письме от 20 октября 1923 г. № 6582/219433 указывалось Петроградской портовой таможене, что «на прибывающем в ближайшее время в Петроград из Владивостока пароходе “Декабрист” находятся: А) 92 места этнографических коллекций Академии наук; б) 14 мест чайных коллекций, собранных в 1917–1918 гг. экспедицией Временного правительства. Сообщаем об этом и, руководствуясь Постановлением СНК от 15 марта 1922 г., Таможенное управление предлагает Петроградской портовой таможене указанный выше груз выпустить Академии наук бесплатно. Зам. начальника управления Долженко» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 4. Л. 278].

1 ноября 1923 г. непреременный секретарь ходатайствовал перед Правлением Российской Академии наук «о включении в юбилейный кредит 1924 г. и об отпуске в срочном порядке 310 фунтов стерлингов для уплаты расходов по доставке коллекций, собранных учеными хранителями МАЭ в Индии», и о включении этой суммы в смету АН 1923–1924 гг. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 4. Л. 239]. На заседании общего собрания РАН 3 ноября 1923 г. особо оговаривалось, что Красинский выполнял это поручение РАН, не располагая нужными на указанный предмет кредитами, и вынужден был позаимствовать на означенную цель 310 фунтов стерлингов

у посторонних учреждений, каковым вышеупомянутая сумма и должна быть возвращена [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1923. Д. 172. Л. 29 об.].

Квитанция № 2168 Сухопутной таможни на 8 руб. 41 коп., счет № 1372 Добровольного флота на 8 руб. 70 коп., счет И.Н. Субоча на доставку индийской коллекции 7 руб. 92 коп. составили 25 руб. 03 коп. золотом (49 руб. 40 коп.) и были оплачены из остатков Ученого кредита МАЭ 24 марта 1924 г. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1924). Д. 25. Л. 15, 17].

Руководство железных дорог пошло навстречу нуждам Музея и в вопросе об оплате возвращения супругов Мерварт из Харбина в Ленинград. Транспортно-экономический отдел НКПС 12 ноября 1923 г. за № 2388Э2 сообщил Правлению РАН, что «Тарифным комитетом просьба о предоставлении ученому хранителю МАЭ А.М. Мерварту с семьей права бесплатного проезда от ст. Маньчжурия до ст. Петроград и бесплатного провоза имущества и коллекций удовлетворена» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 4. Л. 254]. 3 августа 1924 г. они прибыли в Ленинград. Главнаука НарКомПрос информировала МАЭ 21 мая 1925 г. письмом № 23/35376: «Тарифный Комитет удовлетворил Ваше ходатайство о бесплатной перевозке коллекций, собранных в Индии А.М. Мервартом в количестве 12 ящиков 50 пудов, направленных от ст. Владивосток до ст. Ленинград в адрес Российской академии наук. Соответствующее распоряжение дано Правлению Октябрьской железной дороги и начальнику Уссурийской железной дороги нашей телеграммой № 23/30987» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Д. 20. Л. 149]. 30 октября 1925 г. в МАЭ прибыли последние «хранившиеся в Дальневосточном университете 11 ящиков с индийскими коллекциями ученого хранителя А.М. Мерварта, заключающие в себе 811 предметов быта и 150 книг» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Д. 8. Л. 86].

Как видим, традиции сотрудничества Академии наук, путей сообщения, морского флота, таможенных и почтовых служб со-

хранились, несмотря на изменения в стране. Но эта тема требует специального рассмотрения.

К сожалению, вклад руководства российских железных дорог, пароходных компаний, таможенного, почтового и других ведомств в формирование музейного фонда России долгое время не получал надлежащей оценки. Все эти ведомства в немалой степени способствовали пополнению фондов МАЭ, их можно причислить к числу создателей Кунсткамеры — первого музея России, 300-летие которого отмечается в 2014 г.

Источники

- РГА ВМФ¹. Ф. 14. Оп. 1. Д. 283. Л. 12 об.
 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1900. Д. 147. Л. 316.
 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1902. Д. 149. Л. 308.
 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1905. Д. 152. Л. 109, 118—119.
 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1905. Д. 152. Л. 115, 120.
 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1905. Д. 152. Л. 352.
 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1906. Д. 153. Л. 56 об.
 СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1906. Д. 153. Л. 84 об.
 СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Д. 24. Л. 2.
 СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1895. Д. 12. Л. 13.
 СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1901). Д. 86. Л. 1.
 СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Д. 90. Л. 4.
 СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 18.
 СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 51. Л. 76 — 76 об.
 СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 152, 153.
 СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 52. Л. 49.
 СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 52. Л. 84.
 СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 57. Л. 128, 138.
 СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 57. Л. 194.
 СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 63. Л. 429.
 СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 66. Л. 311, 312.
 СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 67. Л. 31.
 СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Д. 69. Л. 251.

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота.

М.Г. Талалай

LILIAN VON RADLOFF

Знакомство с творчеством художницы Лилии Александровны Радловой произошло там, где она провела большую часть своей жизни и где скончалась — на острове Иския в Неаполитанском заливе. Ее имя впервые мне назвал местный культуртрегер, стоматолог и владелец художественной галереи Массимо Иелази (Ielasi). Я с ним разговорился, увидев в его галерее фотографию Бродского.

— А кто еще из русских был на Иския?

— Лилиан фон Радлофф!

Я попросил о ней сведения, но Массимо, как и большинство из нас, был ревнив к своим открытиям: — подождите, мол, пока выйдет моя книга о международной богеме на Иския. Книгу я ждал лет десять, и она, действительно, вышла — все там же, на Иския, в местном издательстве «Imagaenaria». Под обложкой с названием «Un irresistibile soffio di luce» («Неотразимое дуновение солнца») Массимо Иелази собрал воедино разные анекдоты о форестьерах — так на Юге Италии называют чужестранцев, любителей их краев.

Лилиан фон Радлофф было посвящено полторы страницы. Как позднее выяснилось, пересказ текстов из небольшого каталога посмертной выставки художницы, устроенной им же, Массимо, в далеком 1984 г. Пришлось ограничиться этими текстами: ведь тот каталог начинался следующей фразой: «От

Лилиан фон Радлофф не осталось ничего — все ее бумаги, все ее письма, все ее личные предметы — всё утрачено». В итоге получилась такая скромная биографическая справка:

«Родилась 12 июля 1902 г. в Петербурге, детство прошло в высококультурной среде. Дед — академик В.В. Радлов. Ее отец, Александр Радлов и мать, Ирина Рудольфовна, урожд. Моор, эмигрировали после революции. Овдовев, мать вышла замуж за итальянского медика Джузеппе Меннеллу (Mennella) и поселилась с ним на Искии. Лилия в Париже вышла замуж за французского художника Ришара Маунца (Maunz), у которого научилась живописи. Овдовев, поселилась вместе с матерью и отчимом на Искии, в городке Казамиччола-Терме, где и прошла ее остальная тихая жизнь. После смерти матери и отчима в 1949 г. она продала знаменитую краеведческую библиотеку отчима, а также и сам дом, с правом в нем проживать. Продвижением своей живописи не занималась, зачастую расплачиваясь картинами за покупки. После ее смерти архив был уничтожен. Скончалась 2 мая 1965 г. в госпитале «Риццоли» в городке Барано, по соседству с Казамиччолай. Единственная (посмертная) выставка ее картин прошла с 1 по 6 октября 1984 г. в Казамиччоле, под кураторством Массимо Йелази. Как художница Лилиан находилась под влиянием Матисса; любимые объекты — цветы и домашние животные, в особенности кошки. Обращалась также к религиозным темам в стиле наиф, часто писала на доске как более экономичном материале. Особая характеристика ее работ — широкие незаписанные пространства. В настоящее время ее произведения находятся у многих жителей острова, в гостиницах и проч.».

В каталоге выставки 1984 г. приведен следующий симпатичный рассказ.

«Местный кюре склонял Лилиан к принятию католичества.

— Падре, а в рай будут пребывать мои кошки?

— Нет, дочь моя, кошек там не будет...

— Тогда мне ваш рай не нужен».

В 2001 г., в сборнике «Sotto il sole di Casamicciola Terme» («Под солнцем Казамиччолы-Терме») этот рассказ был опубликован вновь, теперь уже с послесловием дона Эмилио Синискальки; рассказ назывался «Тот священник, про которого рассказывают анекдот с кошками, — это я». Дон Эмилио, начав словами «Да, в раю нет ни кошек, ни мышей...», сообщил читателям, что фон Радлофф была доброй дочерью католической церкви, ежемесячно причащалась и особенно почитала Мадонну и св. Франциска Ассизского. Анекдот о кошках, заключал священник, не имеет никакого исторического основания и возник, вероятно, оттого, что она действительно любила этих животных и часто их изображала на своих картинах.

В 2008 г. Массимо Йелази вновь перепечатал анекдот о кошках — без какого-либо упоминания об опровержении падре Эмилио.

Т.И. Шаскольская

В.В. РАДЛОВ — ОРГАНИЗАТОР БИБЛИОТЕКИ МАЭ

Планируя развитие музея, В.В. Радлов предполагал устройство в нем научной библиотеки как самостоятельного и необходимого музейного отдела. С этой целью он пригласил к работе библиотекаря, предоставил библиотеке помещение и всячески способствовал формированию библиотечного фонда.

К 1894 г., когда В.В. Радлов был назначен директором, в музее уже стихийно скопилось некоторое количество книг. В 1899 г., по согласованию с В.В. Радловым, были сделаны первые приобретения: был куплен, как основа всякой библиотеки, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, затем географо-статистический словарь и несколько языковых словарей, атласы — всего к 1902 г. было около 150 томов. Для того чтобы это небольшое собрание стало научной библиотекой и развивалось, директор Радлов пригласил к работе библиотекаря.

Отметим, что весь персонал музея, за исключением директора, состоял в 1902 г. из семи человек, и четверо из них, в том числе библиотекарь, служили приватно (без жалования). Свои услуги в качестве библиотекаря предложила Екатерина Михайловна Романова (1853—1926); она возглавляла библиотеку МАЭ 24 года [Панеях: 1995: 138—141]. В свое время история Библиотеки академии наук и первого русского музея — Кунст-

камеры — началась в сентябре 1714 г., когда И.Д. Шумахер принялся разбирать и записывать в единый каталог книги и вещи в Летнем дворце. Так же и библиотека МАЭ началась осенью 1902 г., когда Е.М. Романова приступила к регистрации книг и созданию карточного каталога. При полной поддержке директора музея Е.М. Романова деятельно занялась комплектованием фонда: открыла переписку и организовала книгообмен с многочисленными научными учреждениями и частными лицами по всему миру. В делах по организационно-научной деятельности МАЭ за 1900–1920-е годы, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, значительная часть документов — это переписка Е.М. Романовой на четырех языках по поводу книгообмена и приобретения книг для музейной библиотеки. Благодаря неутомимой деятельности В.В. Радлова бюджет музея рос, и с 1905 г. библиотека получила возможность выписывать иностранные книги и журналы. Е.М. Романова занималась и библиографической работой, а также ежегодно составляла отчет по библиотеке (как часть отчета о деятельности МАЭ). По этим отчетам мы можем проследить динамику роста библиотеки. За то время, что Е.М. Романова руководила библиотекой, фонд увеличился в 100 раз — от первых 150 томов до 15 000 в 1926 г.

С ростом библиотеки (а в 1909 г. фонд насчитывал уже 2759 томов) единственному библиотекарю потребовался помощник. В 1909 г. в музей пришла родственница В.В. Радлегова — Елена (Эмма) Маврикиевна Кубиш [Панеях 1997: 237–238; Решетов 1995: 54]. В МАЭ она проработала более 30 лет, сначала в библиотеке, несколько лет заведовала канцелярией, а затем продолжила работу в качестве библиотекаря, осталась на своем посту и после того, как библиотека МАЭ стала отделом БАН. «Необыкновенно доброжелательная» — такой запомнил Е.М. Кубиш Л.П. Потапов [Тишков 2008: 12]. Елена Маврикиевна Кубиш умерла в первую блокадную зиму, в декабре 1941 г.

Собственное помещение для библиотеки в первые годы ее существования найти было невозможно — экспозициям и коллекциям было тесно в двухэтажном музейном флигеле. Первоначально библиотечные шкафы разместили в двух кабинетах (очевидно, в кабинетах этнографов на первом и втором этажах музейного здания — там, где ныне находятся помещение экскурсоводов и архив МАЭ). В 1909 г., после надстройки третьего этажа музейного флигеля, библиотека по инициативе Радлова впервые получила отдельное помещение. На «Планах этажей корпуса по Таможенному пер.» инженера Мюллера (1919 г.) библиотека обозначена на месте нынешнего кабинета Южной и Юго-Западной Азии. Этот скромный кабинет и был единственным закрытым помещением, которое тогда можно было выделить для библиотеки. По-видимому, размещение здесь библиотеки считалось временным. Часть фонда, как показывают сохранившиеся в библиотеке МАЭ списки проверки за 1919–1922 гг., еще долгие годы продолжала оставаться в рабочих кабинетах и в кабинете директора музея. Окончательный переезд в лучшее, более просторное и должным образом оборудованное помещение связывался с грядущим переездом Библиотеки Академии наук в новое здание и высвобождением для музея здания Кунсткамеры, но это произошло уже после кончины В.В. Радлова.

Где было первое помещение библиотеки МАЭ, уже никто не помнит. Все привыкли к нынешнему удобному расположению библиотеки и считают, что она существовала здесь всегда. О переезде библиотеки рассказывал в 1995 г. старейший сотрудник МАЭ Л.П. Потапов: «В 1924 г. я познакомился со Штернбергом и Богоразом, последний мной заинтересовался, и я стал ежедневно ходить к нему в МАЭ. В музее я проводил все свое свободное время и наконец даже получил работу. Это было для меня особенно важно, так как первое время у меня не было стипендии. Какая же это была работа? Я переносил книги в новое помещение библиотеки (там, где она и сейчас находится), т.е. из одного конца здания в другой. Работали мы вдвоем,

я и студент Сойконен. Носили книги в бельевой корзине и получали за это два рубля в день» [Тишков 2008: 12].

В настоящее время расположение библиотеки самое замечательное: она занимает два очень удобных, с ограниченным освещением зала под основные книгохранилища и великолепный читальный зал окнами на Неву, все вместе почти 180 м² на третьем этаже здания Кунсткамеры.

Создавая библиотеку как научный отдел музея, В.В. Радлов не только пригласил к работе специалистов и обеспечил ее фонды помещением. В.В. Радлов подарил библиотеке МАЭ огромное количество книг. Первый дар от него поступил в 1903 г., и затем неизменно список дарителей в ежегодных отчетах возглавлял В.В. Радлов. Несколько раз в отчетах указан количественный объем дара и описаны особо ценные издания в числе подаренных Радловым. Так, в 1915 г. В.В. Радлов подарил библиотеке 352 книги; в 1916 г. — 42 книги и 73 журнала [Отчет о деятельности... 1916: 17; Отчет о деятельности... 1917: 16]; в 1914 г. от него был получен «Атлас историко-географический Азиатской России» с 2 томами объяснительного текста — издание, которое, как отметила Е.М. Романова, в продажу совсем не поступило.

В библиотеке МАЭ обнаружен список даров В.В. Радлова, написанный рукой Е.М. Романовой. На основании этого списка в настоящее время сотрудниками библиотеки проводится работа по выявлению «радловской коллекции». Эта работа только началась, и мы надеемся сделать каталог и по возможности проследить поступления по годам. В основном все книги, за исключением некоторых досадных потерь, сохранены и находятся в хорошем состоянии (конечно, этому способствовало то, что в свое время книги были отлично переплетены). Всего в списке значится русских книг 477 названий, 632 тома, иностранных 543 названия, 608 томов, русских журналов 15 названий, 171 том, иностранных журналов 41 название, 397 томов — всего только по этому списку получается 1808 томов.

Тематика книжного собрания очень широка: труды по языкознанию, востоковедению, этнографии, религиоведению, археологии, истории, искусству. В составе коллекции многотомные путешествия Гмелина и Палласа, изданные в 1770-е годы в Петербурге на немецком языке; труды выдающихся ученых — коллег и корреспондентов В.В. Радлова (В.В. Бартольда, И.А. Бодуэна де Куртене, А.А. Иностранцева, Д.А. Клеменца, А.Н. Самойловича, Г.Н. Потанина, Н.Н. Харузина, Л.Я. Штернберга, Н.М. Ядринцева); подборка трудов В.В. Радлова на русском и немецком языках. Многие издания никогда не переиздавались, сохранились только в нашей библиотеке.

Из отечественной периодики назову «Записки» разных отделов и отделений Археологического и Географического обществ. Некоторые из иностранных журналов продолжают поступать и сейчас: это труды финно-угорского общества (Хельсинки), немецкие *Zeitschrift für Ethnologie*, *Veröffentlichungen aus dem Museum für Völkerkunde zu Berlin*.

Многие издания с дарственными надписями, среди дарителей — коллеги, ученики, зарубежные корреспонденты.

В год кончины Радлова вся библиотека включала, вместе с дублетами, 6246 томов — т.е. книги, подаренные Радловым, составляли треть всего библиотечного собрания. В настоящее время в библиотеке 120 000 томов, и дар Радлова составляет 1/60 фонда; но и это немало для одного дарителя. А по ценности, по редкости значение этой коллекции очень велико.

Закончу словами, полными печали и благодарности, из отчета библиотеки за 1918 г.: «12 мая текущего года скончался директор Музея Василий Васильевич Радлов. Потеря эта, незаменимая вообще, отзовется тяжело и на Библиотеке, к которой Василий Васильевич относился всегда с таким же живым участием и интересом, как и к остальным отделам Музея. Он постоянно пополнял ее своими пожертвованиями, отдавая не только свои книги, но и те редкие и дорогие издания, которые присылались лично ему, радовался ее росту и готовил для

нее новое, лучшее помещение. За время своего существования (всего 15 лет) библиотека получила от Василия Васильевича 2111 томов русских и иностранных книг и сохранит навсегда память о своем основателе» [Отчет о деятельности... 1919: 40].

Библиография

Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого за 1915 год. СПб., 1916.

Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого за 1916 год. Пг., 1917.

Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, за 1918 год. Пг., 1919.

Панеях А.В. История библиотеки Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры): 1894–1941 годы // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1995. Вып. 8–9. С. 137–152.

Панеях А.В. История библиотеки Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры): 1941–1995 годы // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1997. Вып. 11. С. 237–247.

Решетов А.М. Отдание долга // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40–62.

Тишков В.А. Наука и жизнь: разговоры с этнографами. СПб., 2008.

С.Л. Шевельчинская, П.А. Матвеева

АКАДЕМИК РАДЛОВ: ИЗВЕСТНЫЕ И ЗАБЫТЫЕ ФОТОГРАФИИ

Тема, затрагивающая частную жизнь выдающегося российского тюрколога В.В. Радлова и жизнь его семьи, никогда и никем из исследователей не поднималась. Написано множество статей, рассказывающих о научных достижениях этого человека, который со своими коллегами и единомышленниками фактически создал Санкт-Петербургский Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого в том виде, в котором он существует по сей день. В печатных изданиях и на интернет-ресурсе, посвященном празднованию юбилейной даты ученого (www.radloff.livejournal.com), сотрудниками МАЭ уже был опубликован ряд архивных материалов, важных для изучения этой неизвестной до сих пор стороны его жизни. Публикация абсолютного большинства редких фотографий стала возможной благодаря потомкам ученого: на обращение Музея любезно откликнулись д.х.н. проф. В.П. Барабанов и петербургский адвокат-правозащитник Ю.М. Шмидт (ныне покойный). Помощь при выявлении и атрибуции по большей части неизвестных до сегодняшнего дня документов, в первую очередь фотоматериалов, любезно согласились оказать родственные академические учреждения, — в первую очередь, Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН), предоставивший для публикации великолепный портрет академика (рис. 1).

*Рис. 1. Портрет В.В. Радлова.
СПФ АРАН. Разряд X. Оп. 1—Р. Д. 40*

Также символично, что в юбилейный год сотрудником ИВР РАН С.Л. Шевельчинской в фотоархиве востоковедов были обнаружены неопубликованные ранее фотографии, которые, безусловно, могут пролить свет на ряд аспектов, связанных в первую очередь с частной жизнью ученого. Речь идет о двух фотографиях: первая представляет собой портрет академика Радлова с членами семьи в интерьере квартиры, вторая — групповой портрет на даче¹.

Фотография, на которой запечатлен В.В. Радлов в компании молодой женщины и девочки, представляет особый инте-

¹ К огромному сожалению, ИВР РАН не дал нам право на публикацию этих фотографий.

Рис. 2. В. В. Радлов (крайний слева) с друзьями и членами семьи на даче. Архив Ю. М. Шмидта

рес: совместными усилиями сотрудников ИВР и МАЭ удалось установить, что на ней изображена невестка В.В. Радлова — Ирина Рудольфовна (супруга Александра Радлова) с дочерью Лилией. Крайне любопытным является тот факт, что на фотографии прекрасно видна обстановка квартиры, в которой проживал академик Радлов (7 линия В.О., д. 2). Судя по архивным материалам, хранящимся в СПФ АРАН, в 1919 г. мебель из этой квартиры (письменный стол, три кресла, диван, шесть полукресел и этажерка) была куплена Музеем для памятного отдела, посвященного Радлову [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1919). Д. 20. Л. 62 а — об.].

К сожалению, Гражданская война, а затем революция помешали осуществлению многих планов, задуманных коллегами Радлова по увековечению его памяти, и судьба предметов, купленных для этого отдела, до сих пор остается неизвестной. Теперь, благодаря выявлению и публикации этой фотографии, становится возможной атрибуция предметов из личной каби-

*Рис. 3. В. В. Радлов с супругой на даче.
Архив Ю. М. Шмидта*

нетной обстановки ученого, которые, возможно, по сей день хранятся в МАЭ.

При детальном рассмотрении заднего плана фотографии также виден портрет женщины в овальной рамке, предположительно — супруги В.В. Радлова Паулины Августовны, а также книга с цифрами «908» на корешке, поэтому возможная датировка фото — не ранее 1908 г.

На второй фотографии представлена группа лиц с теннисными ракетками, в числе которых — В.В. Радлов и его супруга. Мы предположили, что эта фотография входит ту же фотосессию из трех снимков, в которую вошли фотографии из

домашнего архива Ю.М. Шмидта (<http://radloff.livejournal.com/3424.html>) (рис. 2–3), любезно предоставленные нам для публикации Юрием Марковичем незадолго до его смерти.

Возможно, все эти фотографии были сделаны на даче Григорьевой в Мустамяках, где в течение многих лет академик Радлов снимал дом [Матвеева 2012: 6–14].

Сложилось так, что личные и рабочие документы В.В. Радлова после его смерти попали в разные академические учреждения, и на сегодняшний день очень многие материалы остаются недоступными не только широкой публике, но и специалистам. К сожалению, пока нам не удалось получить разрешение на публикацию некоторых уникальных материалов из фотоархива востоковедов ИВР РАН в рамках данного проекта, однако мы надеемся, что публикуемые находки заинтересуют многих наших коллег и в юбилейный год помогут нам объединить всех тех, кто так или иначе связан с наследием академика Радлова.

Источники

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1919). Д. 20. Л. 62 а — об.

Библиография

Матвеева П.А. Судьба семьи Радловых в России // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С. 6–14.

Научное издание

Primus inter pares
(к 175-летию со дня рождения В.В. Радлова)

Редактор М.А. Ильина
Корректор Л.Г. Амбросенко
Компьютерный макет А.А. Банковича

Подписано к печати 3.08.2015. Формат 84 × 108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Academy.
Уч.-изд. л. 10. Усл. печ. л. 10,5.
Тираж 200 экз. Заказ № 90.

МАЭ РАН
199034. Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство «Лема»
199034. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24